МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Совет по внешней и оборонной политике, Москва (Россия)
Центр гражданско-военных отношений, Военно-морская Адъюнктура (ВМА), Монтерей (США)
при поддержке
Отдела военного сотрудничества Посольства США в г. Москве
и
Управления военного образования
Министерства обороны Российской Федерации

гостиница «Арбат», Плотников пер. 12, Москва
12-13 февраля 2001 г.

Рабочие языки: русский, английский

Понедельник, 12 февраля

П.ЗОЛОТАРЕВ — У вас у всех приемники лежат. Русский — четвертый канал, английский — пятый канал. Просьба, первое: эти приемники не унести с собой на вечерний ужин. Второе: когда вы будете выступать, помните, что у нас идет синхронный перевод. И если темп вашей речи будет больше, чем темп речи переводчика, то неизбежно будут возникать проблемы с пониманием того, что вы говорите. Следующий момент. Учитывая, что ведется запись выступлений, перед тем как выступать, не забывайте обязательно представиться.

Пользуясь тем, что меня допустили к микрофону, позвольте мне начать, прежде всего, со слов благодарности к организаторам конференции: военно-морской адъюнктуре США и российскому неправительственному Совету по внешней и оборонной политике.

Тематика конференции очень важная. Система военного образования всегда была не просто частью общей системы образования, а гораздо бóльшим. И если мы вспомним наш российский опыт, то у нас система военного образования складывалась не только из потребности военного дела, военного искусства, строительства вооруженных сил. Начала она складываться еще в эпоху Петра Великого, приняла достаточно законченный вид в середине XIX века. И в этот период система военного образования была построена таким образом, что военный человек, офицер получал кроме всего прочего очень солидный уровень общеобразовательной подготовки. И не случайно развитие российской культуры обязано именно военным людям, офицерам. Достаточно назвать такие имена как Державин, Лермонтов, Толстой, Фет, Достоевский — наши знаменитые писатели и поэты, или композиторы Бородин, Кюи, Мусоргский, художники Верещагин, Федотов, скульптор Клодт — это всё военные люди. Даже русский профессиональный театр начинался с театрального кружка Первого кадетского корпуса.

Важнейшей областью, связанной с российским офицерством, является и развитие географических наук, и превращение территории Российского государства. Порядка 120 географических объектов носят имена русских офицеров: адмиралов, генералов, офицеров и даже рядовых.

Русская медицинская наука в значительной степени обязана военным медикам — это Боткин, Пирогов, Сеченов, Склифосовский и другие.

И в этот период система, может быть, была не оптимальная с точки зрения чисто военной, но в то же время она огромную пользу сослужила в развитии русского государства и общества. Т.е. развитие системы военного образования может быть оптимальным с точки зрения военных требований, но не оптимальным с точки зрения государства и общества. Где-то в

середине или, точнее, в конце XIX века, когда возникли проблемы с престижем воинской службы, это как раз период проведения милютинских реформ, в целом положительных, но в этот период упал престиж воинской службы, упал уровень жизни российских офицеров, и неизбежно возникло отчуждение офицерства от гражданского общества и, соответственно, потребовались корректировки в системе военного образования.

После 1917 года система военного образования складывалась фактически заново. К концу 30-х годов она была уже достаточно полноценной, но, тем не менее, где-то в 60-е годы начал назревать кризис в системе военного образования. И он опять-таки был связан с проблемами развития общества в Советском Союзе, с проблемой идеологической. В этот период, если вы помните, вроде бы был положительный процесс, когда уменьшилось количество средних военных учебных заведений, большинство их реорганизовали в высшие учебные заведения. Вроде бы положительный момент: подняли образовательный уровень офицеров. Но истинные-то причины этих шагов лежали в том, что упал престиж офицеров, и не было желающих поступать в средние училища. А в итоге мы получили проблемы со стабильностью офицерских кадров в низовом звене. В этот период у нас резко увеличилось количество военно-политических училищ, потому что начал назревать кризис в идеологии. Но фактически направление проповедников марксизма-ленинизма в войска проблемы не решило, и активное их внедрение в войска так и не позволило избежать нам падения воинской дисциплины и уровня воспитательной работы. Этот кризис не преодолен и в российской армии. Решить эту проблему процессом создания Главного управления воспитательной работы, конечно же, нельзя. Так же как невозможно решить эту проблему заменой проповедников марксизма-ленинизма попом с кадилом и со святой водой. Ибо главная проблема — это формирование новых нравственных критериев.

И прежде чем мы приступим непосредственно к обсуждению вопросов, связанных с военным профессионализмом, я хотел бы напомнить, что еще Драгомиров, наш выдающихся военный теоретик, абсолютно справедливо отмечал, что воспитание должно быть поставлено даже выше, чем образование. Я на этих моментах, которые вроде бы имеют несколько косвенное значение к проблеме формирования системы военного образования, хотел обратить ваше внимание с тем, чтобы мы, обсуждая сугубо профессиональные вопросы, не забывали о таких вещах, которые оказывают существенное влияние на всю систему военного образования.

А сейчас позвольте мне предоставить возможность выступить со вступительным словом генерал-лейтенанту Монтгомери.

Т.МОНТГОМЕРИ — Добрый день, я генерал-лейтенант Монтгомери. Для меня и моих коллег, которые представляют монтерейский Центр гражданско-военных отношений, большое удовольствие присутствовать на данной конференции. Лично я хотел бы просто сказать, что для меня это действительно большое удовольствие быть сегодня с вами, поскольку я изучал русский язык и литературу в университете Индианы где-то в начале 60-х годов. Вы, наверное, заметили, что я немного могу говорить по-русски, в моей биографии это также отмечено. Для меня это первая поездка в Россию, т.е. в ту страну и к тому народу, о котором я много читал, который я изучал, который создал великую литературу, великие поэты российские. И хотя мне не пришлось много пользоваться моим русским языком в период службы, я, тем не менее, помню знаменитую поэму, стихи известного российского поэта. И если вы позволите, я попробую пересказать эти стихи. Стихотворение «Парус» Михаила Юрьевича Лермонтова. (Читает стихотворение.)

Наш сегодняшний семинар, конечно, посвящен более серьезным проблемам, более серьезным целям, чем просто стихи или поэзия. Но я всегда помню это стихотворение по нескольким причинам. Я очень много времени посвятил изучению поэзии Лермонтова, Пушкина и других известных поэтов. Но давайте перейдем к теме семинара.

Я думаю, что семинар представляет хорошую возможность провести серьезное обсуждение очень своевременной темы как для США, так и для Российской Федерации, т.е.

профессионального военного образования. Мы, конечно, не сможем обсудить все вопросы, которые указал нам генерал Манилов, но мы вернемся, надеюсь, еще в Россию. Может быть, у нас будут такие семинары и в будущем. Мы будем обсуждать, тем не менее, некоторые вопросы, которые он осветил уже в своей повестке дня. Конечно, для профессионального обучения в вооруженных силах... Был такой поэт шевалье де Болье в XVIII веке, француз, солдат. Он писал, что солдат как бы культивирует свое сознание при помощи оружия. Те изменения, которые произошли за последние 10 лет в мире, в Европе, действительно значительны. Они повысили роль вооруженных сил в демократических обществах в целях сохранения и поддержания демократических ценностей. Все это осуществляется в помощь дипломатии и другим усилиям. Сегодня военные руководители должны быть готовы отвечать на все вызовы XXI века. Это то, что, имел в виду, видимо, генерал Манилов.

Некоторые дают нам возможность создать свою инфраструктуру, сотрудничать с гражданским обществом, защищать национальные интересы наших стран. По мере роста такой ответственности мы должны готовить наших молодых офицеров с тем, чтобы они могли отвечать на эти вызовы, которые стоят перед ними сегодня и которые будут стоять в будущем. Эта подготовка должна быть непрерывным процессом как на личном уровне, так и на уровне учебных заведений.

Прежде чем мы перейдем к повестке дня, я представил бы вам свою группу, которая приехала со мной к вам на семинар. Они представляют различные военные профессии, у всех хороший послужной список. У вас есть их биографии. Я могу сказать о себе, что уволился из армии три года назад, служил представителем США в НАТО в Брюсселе, т.е. в военном комитете в Брюсселе я представлял Соединенные Штаты.

Профессор Арчи Бэрретт окончил Академию Вест-Пойнт, был основным советником министра сухопутных войск, а также работал в комитете по вооруженным силам палаты представителей. Он очень значительный наш профессор по вопросам взаимоотношений между военными и гражданскими.

Доктор Джеймс Тун, капитан первого ранга в отставке. Он работал в области информационных технологий в Колледже объединенных вооруженных сил в Виржинии, в Норфолке. Пару месяцев назад он уволился из армии, заведовал вопросами стратегического планирования в военном комитете в НАТО. Он также работал директором по европейским делам в Совете безопасности при Белом доме.

Профессор Михаил Цыпкин представляет также школу адъюнктов военно-морских сил. Он специализируется по взаимоотношениям между военными и гражданскими в России, знает очень многих экспертов по вопросам безопасности в этой области.

Я думаю, что эта группа — живой пример того, какой широкий обзор, какой широкий круг профессоров и экспертов представляют здесь нашу страну. Каждый из них обладает опытом, уникальным в своем роде. И в сочетании эта группа была именно так составлена с тем, чтобы отвечать всем вопросам семинара, которые были намечены для проведения в Москве. Я думаю, что по ходу семинара все из вас могут свободно задавать вопросы, высказывать свои мнения и, без всякого сомнения, мы собираемся получить также много полезной информации от вас, как и вы от нас.

Поскольку у нас идет синхронный перевод, пожалуйста, если что-то непонятно, прерывайте, и мы для вас повторим, разъясним те положения, которые вы, может быть, не поняли.

В заключение хочу сказать, что мы с удовольствием откликнулись на предложение провести такой семинар. Мы расскажем вам о истории, о системе военного образования в США. Мы сюда включим также вопрос о младшем руководящем или командном составе. И, конечно, пожалуйста, не считайте, что наша система профессионального военного образования является идеальной, которую можно переносить на вашу реальность. Но, возможно, какие-то моменты вы сочтете полезными для вас в вашей профессиональной деятельности.

Я надеюсь, что у нас будет хороший семинар. Мы получим от него большую пользу. Возможно, мы сейчас и приступим к нему. Но прежде я еще хочу выразить признательность г-ну Белкину за то, что он организовал в основной части этот семинар. Большое спасибо, г-н Белкин.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Мне очень приятно, что мы, не сговариваясь, обратились к культурному наследию русского офицерства. Позвольте приступить к первому вопросу нашего семинара. Напомню только, что по нашему регламенту выступление — от 12 до 15 минут максимум. Вопрос должен укладываться в 2 минуты, и выступление — до 5 минут.

Слово предоставляется доктору Джеймсу Туну. Пожалуйста.

Дж.ТУН — Добрый день. Для меня честь, большое удовольствие присутствовать здесь и обсуждать вопросы профессионального военного образования. Как уже сказал генерал Монтгомери, я думаю, что этот семинар будет полезным для обеих сторон, для всех членов нашей группы. Мы сможем также поделиться с вами нашим опытом. Профессиональное военное обучение, образование для целей нашего семинара — это такое образование, которое получают кадровые офицеры от майора и выше. В течение многих лет в США была разработана достаточно точная система такого профессионального образования, посвященная развитию как интеллектуальному, так и профессиональному кадровых офицеров.

Сейчас у нас есть как бы четыре учебных заведения среднего звена, два учебных заведения высшего звена и два учебных заведения единых для всех вооруженных сил. Слушатели учебных заведений среднего звена изучают оперативное искусство, а высшего звена — вопросы стратегии, планирования, защиты национальных интересов. Система образования направлена на то, чтобы готовить военных для защиты интересов страны.

В данном своем выступлении я хотел бы остановиться на эволюции профессионального образования, начиная с XIX века и до недавнего времени. В контексте нашего семинара и в рамках регламента я хотел упомянуть, что у нас исключительно большую роль сыграл акт от 1986 года в реорганизации всего нашего образования. Была выдвинута концепция единого военного образования, на которой мы остановимся завтра.

Сторонники профессионального военного образования считали, что значительным усилением в подготовке офицеров будет служить развитие личных интеллектуальных и профессиональных качеств с тем, чтобы полностью раскрывать таланты каждого офицера в подготовке для выполнения ими исключительно важной роли военачальников. В данных рамках, как я уже говорил, как и в прошлом, так и сейчас мы в основном обучаем большинство наших кадровых офицеров. Те же сторонники такой реформы считали, что эти военные учебные заведения должны быть постоянными. Есть и противники, которые считают, что нынешняя существующая система, когда каждый вид имеет свой колледж, является неэффективной и даже вредной. Эти люди считают, что консолидация видов вооруженных сил, их колледжей, высших учебных заведений повышает эффективность, снижает расходы. Естественно, такие реформы не могли проходить легко, безболезненно, и поэтому мы старались отвечать конкретным потребностям, которые возникали у нас и в вооруженных силах, и в отношениях между вооруженными силами и гражданскими.

Система военного образования, которая сейчас существует в США, уходит корнями в военные школы, которые существовали в XIX веке в основном в Европе. Т.е. в то время в Америке серьезно думающие офицеры считали, что необходимо вести как теоретическую, так и практическую подготовку офицеров для американских вооруженных сил с тем, чтобы и технические аспекты, и чисто гуманитарные аспекты были учтены. В то время, конечно, превалировали системы немецкого и французского военного образования. В 1885 году военный министр послал в Европу генерал-лейтенанта Эмори Аптона, который изучал опыт, в основном, немецких военно-учебных заведений. После того, как он прибыл в Европу, ему

поступили инструкции обязательно изучить опыт немецких военных училищ, опыт изучения там вопросов тактики, сбора данных и других вопросов, которые могли бы помочь созданию американской системы профессионального образования. После возвращения, он подготовил доклад, который лег в основу создания профессионального военного образования в США. Он доложил, что офицерский корпус США значительно отстает в своем умственном и интеллектуальном развитии от того, что имеется в Германии. Поэтому необходимо было, как он писал, принять решительные меры для того, чтобы начать действительно профессиональную начальную подготовку офицеров. В докладе отмечалось, что даже в период Гражданской войны в США даже генералы не обладали тем уровнем знаний и навыков, которые необходимы для успешного ведения боевых действий. С тем, чтобы исправить эти недостатки, он организовал введение военных училищ — пехотных и кавалерийских, — а также создание военного колледжа по немецкой модели. Несколько лет прошло, прежде чем эти рекомендации даже частично были претворены в жизнь. Были созданы пехотная и кавалерийская военные школы в 1881 году, но научной работы там не велось, а военный колледж не был создан.

ВМС США впервые ввело у себя такое учебное заведение на уровне колледжа. Адмирал Люс, который был другом и коллегой генерала Аптона, организовал Военно-морской колледж в 1884 году. Люс был таким адмиралом, который обладал стратегическим видением и соответственно он рекомендовал ведение научной работы, разработки теоретических вопросов, связанных с ведением, войной или предотвращением войны. В результате этой инициативы был создан военный колледж родов и видов вооруженных сил, т.е. военные школы готовили офицеров для того, чтобы они в своей карьере достигали самых вершин, уже генеральских должностей на уровне дивизий, корпусов.

Сразу после американо-испанской войны стало ясно, что между сухопутными войсками и ВМС отсутствует надежная координация. И хотя война была выиграна, тем не менее это послужило причиной создания Командно-штабного Колледжа, а также Военного Колледжа сухопутных сил в Вашингтоне. Военный Колледж сухопутных сил был предназначен для подготовки сухопутных офицеров с тем, чтобы преодолеть эти недостатки в координации с военно-морскими силами. Итак, к периоду первой мировой войны у нас был Командно-штабной Колледж и два военных колледжа. Во время первой мировой войны они прекратили свое существование, потому что стало ясно, что они не полностью отвечают своим целям, особенно по связям с промышленностью, по мобилизационным планам перевода промышленности на военные рельсы, поскольку были часты случаи, когда промышленность США просто не могла обеспечить армию и военно-морские силы всем необходимым. Поэтому мы приняли решение готовить офицеров и по вопросам мобилизации промышленности. Был создан соответствующий колледж. Все военные школы, о которых я говорил, были вновь открыты, но уже работали по расписанию мирного времени.

В сухопутных войсках была более развитая система военного обучения, чем в ВМС. В ВМС в основном внимание уделяли чисто боевым задачам, выполняемым кораблями, и не уделялось достаточного внимания общим теоретическим вопросам. Эти вопросы решались в период между двумя мировыми войнами. Высший офицерский состав, который выдвинулся на руководящие позиции во время второй мировой войны, как раз и проходил эту подготовку в 30-е годы. Было принято решение, что без получения соответствующего образования офицер не мог получить повышения.

После войны, в 1947 году, было принято решение организовать военное училище, военную школу для старших офицеров. Также было принято соответствующее решение и в ВВС с тем, чтобы ВВС могли лучше координировать свои усилия как с сухопутными войсками, так и с ВМС и береговой охраной. Была создана соответствующая комиссия ВМС, и по решению этой комиссии был организован Командно-штабной колледж ВМС. После войны ВМС также провели ряд реорганизационных мероприятий по улучшению работы Военно-морского колледжа, исходя из уроков второй мировой войны. С 20-х годов такой колледж существовал в ВМС, но его цели и задачи были недостаточными для того, чтобы отвечать уже современным условиям, и во время второй мировой войны это стало очевидным.

В сентябре 1920 года была создана школа для офицеров сухопутных войск. И учебные планы, тем не менее, в 1933 году претерпели значительные изменения. Больше внимания стало уделяться военно-морским операциям, десантным операциям. Итак, ко второй мировой войне у нас было семь колледжей: Военный колледж, Командно-штабной колледж сухопутных сил, Военно-морской колледж, Командно-штабной колледж ВМС, школа для старших офицеров, школа для старших офицеров морской пехоты и Колледж ВВС.

Во время второй мировой войны в основном внимание уделялось тому, чтобы готовить большие группы офицеров для выполнения конкретных задач. Командно-штабной колледж остался, но срок обучения сократился с тем, чтобы готовить как можно больше офицеров для действующей армии. Военный колледж сухопутных войск, школа морской пехоты были закрыты, поскольку эти офицеры не могли отвлекаться от ведения боевых действий. Во время войны оставшиеся колледжи давали большое количество офицеров для успешного ведения боевых действий.

Во время войны стало ясно, что большое внимание надо уделять взаимодействию между видами вооруженных сил, между родами войск, и поэтому в колледжах стали преподавать курсы совместного ведения операций сухопутными войсками, ВВС и ВМС. Тем не менее, стали ясны те ограничения и недостатки, которые имели офицеры в своей подготовке для проведения единых согласованных действий.

В 1943 году меморандум объявил о создании колледжа под юрисдикцией Объединенного комитета начальников штабов. Во время войны он располагался в Вашингтоне. Учебный план данного колледжа включал учебные программы военных колледжей сухопутных войск, морских сил, предполагал обучение в течение 4-5 месяцев по вопросам межвидовой подготовки в рамках боевой подготовки и боевого применения, а также формирование навыков применения сил и средств различных видов вооруженных сил наиболее эффективным образом на стратегическом и оперативном уровне.

В послевоенный период, по мере того как профессиональное военное обучение стало реформироваться, были предприняты некоторые перемены. Послевоенные перемены в рамках военно-морских сил начались с 1944 года. Была создана специальная комиссия по усовершенствованию подготовки. Эта комиссия состояла из старшего офицерского состава, который прошел подготовку в штабном колледже, а остальные офицеры имели более повышенную подготовку и уже командовали крупными кораблями. В 1944 году был представлен план реформирования военного образования военному министерству для создания военного университета или университета обороны в ноябре 1945 года. Он был назван Авиационный университет.

Когда Эйзенхауэр занял должность начальника штаба сухопутных войск в 1945 году, он обнаружил, что сухопутные войска не располагают определенными, конкретными планами по обеспечению военного образования в условиях мирного времени. Соответственно он сформировал так называемую комиссию генерала Героу для того, чтобы изучить все вопросы совершенствования военной профессиональной подготовки. В рамках этой работы были предприняты соответствующие рекомендации по совершенствованию подготовки командного и штабного офицерского состава под эгидой соответствующих командований.

Когда комиссия работала, была предпринята попытка обосновать решение о создании высшего звена профессиональной подготовки. Высшее звено военной подготовки было решено создать именно в то время на базе Форта Макнэйр, в Вашингтоне. В то же время Эйзенхауэр одобрил включение так называемого Промышленного колледжа Вооруженных Сил США в состав этого университета. Он переориентировал Промышленный колледж Вооруженных Сил, придав ему равный статус с Национальным военным колледжем. Он рекомендовал, чтобы Национальный военный колледж не начинал более работу, поскольку он полагал, что совместное обучение значительно более важно, чем по видам вооруженных сил.

К 1950 году система профессионального военного образования в Соединенных Штатах состояла из военных колледжей видов вооруженных сил и целой серии военных школ или

высших курсов промежуточного масштаба, а также на высшем уровне — это Национальный военный колледж, Промышленный колледж в рамках Национального университета обороны.

В период с 1976 по 1986 годы были проведены соответствующие реформы в рамках совершенствования системы военного образования. Доктор Бэрретт вам подробно расскажет о том законе, который был выработан в результате этой комплексной проверки вооруженных сил, особенно системы военного образования. Пожалуй, на этом я закончу, более подробно об этом говорить не буду. Спасибо большое.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Позвольте мне предоставить слово доктору Виталию Васильевичу Шлыкову.

В.ШЛЫКОВ — Дорогие коллеги, я, как и вы, ожидаю узнать много полезного от этого семинара. Но должен начать с небольшого предупреждения. Все мы, кто связан с компьютерами, боремся с вирусами. Знаем, какие опустошения они могут причинять. А я за последние 10 лет потратил немало времени на борьбу с таким вирусом как неправильное, некритическое употребление слов «профессиональная армия», «профессиональный солдат», а теперь и «профессиональное военное образование» как простой кальки с английского, а это может внести большую путаницу в наше понимание.

Генерал Манилов, когда выступал, сказал, что мы скоро будем отмечать 300 лет российского профессионального военного образования. Так как он генерал и высокого ранга, а я знаю, как военные относятся к терминам и словам, употребляемым высокими начальниками, я боюсь, что этот термин может как-то закрепиться, и мы начнем действительно говорить «300-летие профессионального военного образования в России».

С западной точки зрения понятие «военное профессиональное образование» достаточно нелепо, потому что по всем взглядам профессиональное военное образование, как и военный профессионализм зародились только в начале XIX века в Германии. Я в это вдаваться не буду, просто расскажу некоторый свой опыт общения с американскими военными, и какая путаница может при этом возникнуть, если мы будем этот термин употреблять без некоторой осторожности.

Вы помните, какая на протяжении последних десяти лет у нас была мода на создание в России профессиональной военной армии. Мне много пришлось общаться с американскими военными в эти годы, в том числе и в большинстве тех академий, которые упомянул капитан Тун в своем выступлении. И вот что я заметил вначале. Ни в одном документе я не нашел определения, что американская армия является профессиональной. Я задавал офицерам на семинарах, конференциях вопрос: а является ли американская армия профессиональной. Это вызвало всегда недоумение, а иногда и легкое возмущение. Некоторые офицеры говорили: да, пожалуй, мы профессиональные офицеры. Тут же вставал офицер из национальной гвардии и говорил: нет, я протестую, я солдат в форме, я не профессионал. После этого пришлось обратиться в более высокие инстанции. Мы обратились к друзьям в американском министерстве обороны, и они дали нам справочку. Она у меня есть, я ее иногда в некоторых своих публикациях в борьбе с этим термином использую. Мы, говорят, не нашли этого термина ни в одном официальном документе министерства обороны или Комитета начальников штабов, правда, мы нашли термин «профессиональное военное образование». Но ваш вопрос очень интересен. Нас действительно глубоко удивляет, что в России американскую армию называют профессиональной.

Три года назад мы в этом помещении вместе с «Зарубежным военным обозрением» провели конференцию, в которой приняли участие уставные теоретики создания того, что мы назвали профессиональной американской армией в середине 70-х годов. И тогда они разъяснили, что американская армия является добровольческой, и термин «профессиональная» они не употребляют, хотя существует профессиональный офицерский корпус. Это

терминологически сложный вопрос, особенно если мы термин «профессия», «профессиональный» употребляем в разных значениях. Из-за этого возникает немалая, а иногда и существенная путаница, отсюда появляются такие решения, как указ президента Ельцина в 1996 году о переходе российских вооруженных сил на «профессиональную основу и комплектование» к 2000 году, и другие нелепости. Так что это не совсем безобидно.

Позволю себе чуть-чуть к термину «профессиональное военное образование» подойти исторически. К тому же мне эту задачу немножко облегчает и капитан Тун, который сказал, что профессиональное военное образование относится, прежде всего, к офицерам от майора и выше. Уже заметная разница.

Генерал Манилов опять неосторожно сказал, что мы озабочены проблемой профессионального военного образования сержантского состава, младших командиров. Младшие командиры и сержанты во всех передовых армиях мира не входят в систему профессионального военного образования. А путаница возникла из-за чего? Слово «профессиональный» в американском употреблении означает, прежде всего, наличие академического, общего либерального или, как мы называем, гуманитарного образования. Это не только военный термин. Профессионалы — это прежде всего врачи, юристы, священники.

Если кто из вас видел прекрасную американскую комедию «Нервы на пределе» (её несколько раз по телевидению у нас показывали), то там молодой человек, писатель, находится в нервном психозе. Американцы тоже иногда небрежно употребляют слово «профессиональный», особенно малообразованные. Ему звонят и спрашивают: вы хотели бы, чтобы ваши ковры профессионально почистили. Он отвечает: я как-то не представляю, что у вас доктора и юристы чистят ковры. То есть когда говорят «профессиональный» — это означает очень небольшой круг профессий. Он, правда, растёт; американцы сами иногда достаточно вольно с этим словом обращаются. Но, прежде всего, профессиональность предполагает академическое гуманитарное образование. Не всякое высшее образование в Америке является профессиональным. А у нас, вы знаете, были профессионально-технические училища. Это полная нелепость с точки зрения любого американца, который не может себе представить, что человек даже не закончил среднюю школу, а к нему применяется термин «профессиональный».

Если бы мы говорили об американской и российской армиях 100-120 лет назад, то мы обнаружили бы, конечно, намного больше взаимопонимания в этом вопросе.

Профессиональное военное образование возникло в Германии в начале XIX века. Некоторые авторы даже называют дату зарождения военного профессионализма — 1808 год, когда генерал Шарль Хольст предложил реформу немецкой армии и, прежде всего, военного образования, и установил весьма жесткую систему подготовки офицерского кадра. Жесткую с точки зрения образовательного ценза. Чтобы получить офицерское звание, по этой реформе, уже не нужно было быть дворянином и т.д. Открывалось образование для всех. В этом был революционный характер этой немецкой реформы военного образования. И на этом споткнулась Россия, которая оставалась все-таки самодержавной. Но главное было — получение общего образования. Гимназия, обязательная общегуманитарная гимназия — предпосылка получения офицерского звания. А в этой по-немецки классической школе основное внимание уделялось привитию аналитических навыков и самостоятельного мышления. Эта основная особенность и была тем, что открыл генерал Эвер Аптон в 1875 году во время своей поездки в Европу и изучения немецкой классической школы. И практически американское военное профессиональное образование возникло как и в других школах, в других странах, из немецкой классической школы.

То же самое произошло и в России, когда генерал Дмитрий Милютин в 1861 году тоже реформировал систему военного образования. И Россия тогда сделала большой рывок в развитии профессионального военного образования, в создании военных гимназий, где преподавание велось только (!) гражданскими преподавателями; изучались классические и иностранные языки, общие гуманитарные дисциплины и т.д. К сожалению, армия-то оставалась все-таки дворянской. И когда Александр III, автократ, выгнал Милютина, эти

реформы пошли на убыль. Но, тем не менее, та школа профессионального образования принесла немалые плоды. Каким было впоследствии советское образование, особенно в первые десятилетия, не мне вам рассказывать. Я еще раз хотел бы обратить ваше внимание на то, что особенность американского военного образования — огромный упор на общее или, как они называют либеральное, а у нас я бы сказал, гуманитарное образование офицеров. Причем не только первоначальное. В Вест-Пойнте практически не изучают военных дисциплин в течение учебы. Это потом начинается техническая специализация. У нас, конечно, прекрасных узких технических специалистов готовят наши училища, а общелиберальное образование, по понятным для всех причинам, что уж тут говорить, никогда не получало такого развития, как на Западе.

Думаю, на этом мне лучше остановиться, чтобы не путать вас больше. Я надеюсь потом еще что-нибудь добавить. Уже кое-что написано на эту тему. Я могу потом поделиться, какую огромную разницу мы вкладываем в слова «профессиональный военный» здесь и за рубежом.

В силу исторических особенностей русская, и особенно советская армия в значительной мере отклонилась от этого магистрального пути развития вооруженных сил, военной науки и военного образования. Но сейчас, я считаю, все препятствия устранены для того, чтобы мы вернулись в общее мировое, по крайней мере, западное развитие военного образования. Так же как нет разницы между хорошим хирургом в Цюрихе, в Нью-Йорке или в России, потому что они примерно получают одинаковое образование. Так и здесь между профессиональными военными тоже не должно быть каких-то границ. Спасибо за внимание.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо, Виталий Васильевич. Какие будут вопросы к нашим выступающим?

В.ЕРЕМИН (вопрос) — Я из выступления немного не понял, вы хотите сказать, что в России не было военного профессионального образования?

В.ШЛЫКОВ — Нет, я не хочу этого сказать. Я как раз не случайно сказал о реформах Милютина, когда были заложены основы профессионального военного образования. Просто оно не получило столь полного развития, как в других странах.

В.ЕРЕМИН — Когда была Академия Генерального штаба в России создана?

В.ШЛЫКОВ — По-моему, в 1841 году.

В.ЕРЕМИН — Так вот уже мы можем вести речь о высшем военно-профессиональном образовании. Поэтому вы нас немножко некорректно увели на совсем другое.

В.ШЛЫКОВ — Я оговорился, хотел сделать предупреждение, потому что боюсь, что мы потом начнем говорить о сегодняшней системе военного образования в России как о профессиональном военном образовании.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Какие вопросы еще есть? Пожалуйста.

В.ПОПОВ — Я хотел бы уточнить у г-на Шлыкова, так что все-таки подразумевается под профессиональным военным образованием? Вы дважды себе противоречили: подготовка от

майора и выше, потом вы спустились к офицеру-выпускнику училища. Предмет нашего обсуждения на семинаре?

В.ШЛЫКОВ — Я думаю, чтобы мне не выступать в роли такого раздражителя, вам лучше обратиться к американским коллегам с этим вопросом. Капитан Тун сказал о том, что профессиональное образование от майора и выше. Хотя я читал немало в американской литературе, как заложено было профессиональное образование. Вест-Пойнт — конечно, первоначальная ступень в военном образовании. Я думаю, что там закладывается основа военного профессионализма. Но это моё мнение. Я тут подчиняюсь авторитету американских коллег.

В.СОЛОВЬЕВ — Я хочу сказать, что мы намерены, как и в прошлый раз, тоже освещать эту конференцию. Мой вопрос к капитану первого ранга Джеймсу Туну. Как бы несколько вопросов. Во-первых, что сейчас в Соединенных Штатах представляет из себя система подготовки офицерских кадров высшего командного состава, вы приблизительно сказали. А вот какова роль гражданских учебных заведений в подготовке офицерских кадров? Каково здесь соотношение затрат, усилий, которые предпринимает Пентагон, непосредственно готовя офицерские кадры в своих учебных заведениях, и какая доля возлагается на гражданские учебные заведения. Как там организовано: в виде кафедр или каким-то другим образом? Спасибо.

Дж.ТУН — Существует несколько колледжей и университетов в Соединенных Штатах, которые ведут подготовку офицеров запаса. Некоторые кафедры подготовки офицеров подчинены ВВС, сухопутных войск, ВМС вместе, некоторые подчинены только одному виду вооруженных сил. Я думаю, что порядка 90%, даже 95% всех офицеров, которые ежегодно получают звание, завершили подготовку по линии этих военных кафедр или в гражданских вузах, или прошли курс подготовки кандидата в офицеры. Т.е. из числа перспективных сержантов. По этой системе мы получаем наибольшее.

Что касается военных академий по видам — Вест-Пойнт, Аннаполис, Колорадо-Спрингс — то они каждый год выдают порядка одной тысячи офицеров, которым присваивается первое офицерское звание по тому или иному виду. Это очень незначительный процент, который мы получаем от военных академий по видам.

Что еще могу добавить по этому вопросу. Я думаю, мы вчера вечером об этом коротко говорили. Да, 85-90% всех офицеров, которые получают первое офицерское звание, они получают по линии военных кафедр колледжей и университетов. Значительное количество офицеров получают во многих, кстати говоря, университетах и колледжах. В основном подготовка там на добровольной основе обеспечивается. Если курс обучения успешно заканчивается, выполняет требования по военной линии, выпускники этих вузов получают первое офицерское звание второго лейтенанта того или иного вида вооруженных сил. Но я завтра расскажу более подробно о модели подготовки офицерского состава в Соединенных Штатах. Они не всегда становятся карьерными офицерами, не всегда полностью служат.

Еще один момент хочу сказать по этому вопросу. Когда началось сокращение вооруженных сил в Соединенных Штатах в начале 90-х годов, вспыхнула дискуссия относительно роли гражданских вузов в подготовке офицерского состава в сравнении с военными академиями. Дебаты вышли на уровень Конгресса, кстати говоря. Что произошло? По мере того как эти вопросы обсуждались, сокращался набор в военные академии по видам на 400 человек в год, и были предложения дальше сократить набор в военные академии. Возник естественно вопрос: в процентном отношении на сколько это должно быть сокращено в контексте подготовки офицеров по линии военных кафедр колледжей и университетов.

Еще один вопрос хочу я здесь поднять и отметить. Во всех высших учебных заведениях, а если говорить о Вест-Пойнте и других академиях вооруженных сил, более высокого уровня военных колледжей, должен сказать, что выпускники этих колледжей и профессорско-преподавательский состав 50% должностей профессорско-преподавательского состава в военно-учебных заведениях замещены гражданским персоналом, т.е. гражданский персонал играет огромную роль в замещении должностей профессорско-преподавательского состава в военных учебных заведениях.

ВОПРОС — Хотелось бы адресовать свой вопрос г-ну Туну. Говоря о реформах, которые последовательно переживало военное образование в Соединенных Штатах, он не упомянул вот что. Само реформирование системы военного образования совершенно очевидно строилось на каких-то основополагающих документах. Хотелось бы понять, что каждый раз выступало, давало первичный толчок к такого рода изменениям? То ли речь шла об изменении в военной доктрине государства, то ли изменялись какие-то другие основополагающие документы, регулирующие военную сферу? Спасибо.

Дж.ТУН — Доктор Бэрретт об этом вопросе расскажет более подробно. Но вот что я могу сказать. В 1986 году Конгресс принял закон о реформировании по итогам тщательной проверки состояния развития вооруженных сил Соединенных Штатов. Была изучена система военной подготовки, учтены все выявленные в ходе проверки недостатки, особенно было обращено внимание на необходимость совместной подготовки. Законодательная база естественно была подготовлена. Это была серьезная законодательная база. Она предполагала крупное реформирование системы военного образования. После этого были приняты соответствующие решения на уровне Пентагона в 1986 году. Я говорю о законе Голдуотера-Николса 1986 года о реорганизации вооруженных сил Соединенных Штатов. Т.е. у нас вначале, естественно, была предусмотрена законодательная база. Это закон 1986 года о реформировании вооруженных сил.

В.СОЛОВЬЕВ — Разрешите еще один вопрос к американским участникам. Скажите, только что генерал Манилов сообщил, что даже сокращенные военно-учебные заведения России будут составлять не менее четырех десятков. В то время как в США менее десятка. Как, на взгляд американских профессионалов в области образования, эту ситуацию можно было бы охарактеризовать? Спасибо.

Дж.ТУН — Количество высших учебных военных заведений, о которых я говорил, это те военные учебные заведения, которые именно посвящены вопросам подготовки так называемых карьерных, профессиональных офицеров. Я не могу вам сказать точное общее количество, но в основном все они руководствуются учебными планами, учебными программами профессиональной ориентации. Речь идет и о подготовке младшего офицерского состава, среднего звена и высшего офицерского состава. Система подготовки у нас в этом плане очень хорошо отработана. Завтра мы поговорим о всей специфике подготовки, начиная с сержантского состава кончая высшим офицерским составом.

Например, если говорить о сухопутных войсках, о 16 родах войск и служб, у нас есть широкая система. В каждой службе, роде войск и сил имеются свои школы. В основе любого учебного плана, учебной программы лежит, как правило, набор учебных дисциплин, который обеспечивает формирование тех или иных навыков. В основе лежит, конечно, базовая подготовка, подчиненная тому или иному роду сил и служб.

На более высоком уровне, на уровне капитана и майора, существует целая система так называемых высших курсов среднего звена или школ, которые в рамках длительности идут не более 6 недель — эти курсы промежуточные высшие.

Что касается вообще системы подготовки офицерского состава через систему курсов — их очень много. Я даже не могу сказать, что их определенное количество. Но что касается первичного профессионального образования, то в рамках профессиональной подготовки корпуса офицеров в Соединенных Штатах, здесь я буду завтра говорить о подготовке старшего и высшего офицерского звена. Например, каждый генерал и адмирал должен обязательно пройти необходимую систему подготовки через военные колледжи и более высокого уровня подготовки с целью формирования совместных навыков по применению совместных видов вооруженных сил.

П.ЗОЛОТАРЕВ — У меня есть два вопроса к нашим американским коллегам. Первый вопрос короткий. Пользуются ли у вас шпаргалками на экзаменах в высшие колледжи, и знаете ли вы вообще, что это такое?

И второй вопрос. Как у вас организована воспитательная работа, как воспитываются качества, которые должны быть у офицера, цели, формы, методы этой воспитательной работы?

Дж.ТУН — Я не уверен, что мы правильно поняли ваш вопрос о шпаргалках...

В основном мы, конечно, не разрешаем приносить то, что мы называем этими шпаргалками на нашем жаргоне. Существуют, конечно, различные способы в различных военных учебных заведениях, чтобы сдать экзамены. В основном это практические вещи. Т.е., конечно, офицерам необходимо демонстрировать другие навыки и качества. Есть гражданская система образования, где тоже существует различное количество уловок и методов с тем, чтобы именно сдать такие экзамены и показать качества, присущие офицеру.

Все военные школы, которыми руководят виды вооруженных сил, подчиняются начальникам штабов этих видов. Например, в военно-морском колледже проводится такой курс, который длится в течение трех семестров, и каждый курс ведется немного по-разному. Там различный формат лекций по национальной безопасности, по стратегии. Есть блок чисто стратегический. Проходят дискуссии в виде семинаров, когда в них участвуют и военные, и гражданские. Есть блок по проведению чисто военно-морских операций, роли военно-морских сил в подготовке этих операций. Я могу только повторить, что говорил уже генерал Монтгомери, что обман любого рода непозволителен и не допускается для офицеров. И если кого-то ловят на этом, то естественно, отчисляют.

(перерыв в магнитофонной записи)

... так сказать включают в себя. Чтобы сдать экзамен надо прочитать очень много и в письменном виде сдавать эти экзамены. Поэтому такой процесс у нас практикуется.

ВОПРОС — Эта организация воспитательной работы, воспитания офицерских качеств. Каким образом это происходит?

Т.МОНТГОМЕРИ — Вы имеете в виду развитие командных навыков, навыков руководителя, подготовка по юридическим вопросам или каким? Уточните, пожалуйста, не совсем понятно.

ВОПРОС — Воспитание патриотических качеств, воспитание понятия офицерской чести и т.д. Морально-нравственные качества.

Т.МОНТГОМЕРИ — Ответ на этот вопрос может быть очень длинным. Я начну упрощенно. Например, в Вест-Пойнте у нас имеется очень четко определенная система ценностей и профессиональной этики: долг, служение родине — это священный долг. Четыре года

курсантов воспитывают в этом духе, и система обучения, образования молодых курсантов, молодых офицеров с тем, чтобы они были повышены в своей должности, конечно, требует демонстрации этих качеств, наличия их у них. С самого начала вас учат, как соблюдать баланс между ответственностью за выполнение задачи и ответственностью перед вашим личным составом, что это очень важная задача. Если вы придете к этому пониманию, к тому, что у нас существует законодательная основа, т.е. наша Конституция, то вопросы, связанные со статусом военнослужащих, мы считаем, что работа эта проделана в основном рамках акта Голдуотера-Николса от 1986 года. То есть мы как бы делим обязанности в отношении того, как мы воспитываем наших военнослужащих, но все делается на основе Конституции. Хотя, конечно, Конгресс в основном несет ответственность за формирование и развитие вооруженных сил. Поэтому что касается ответственности или того, как мы создаем различные виды вооруженных сил, службы, то там четко прописаны все обязанности.

Что касается военно-учебных заведений, то у нас есть специальные гражданские комиссии, которые приезжают в эти военные учебные заведения, в школы военные. И, мне кажется, что Конгресс также посылает своих инспекторов, проверяющих, которые наблюдают за учебным процессом в каждом из военно-учебных заведений. Я думаю, что делается все для того, чтобы развивать эти навыки, о которых вы говорили, на основе нашей истории развития вооруженных сил. Мы понимаем, что эффективная система ценностей, чести наших офицеров очень важна для их подготовки.

Я бы еще продолжил и сказал, что в наших университетах даже большинство, вы знаете, офицеров производится именно в результате подготовки резервистов в этих университетах. Они также изучают военную историю, историю вооруженных сил США, философию, а также весь набор ценностей, этических принципов, на которых строятся наши вооруженные силы. Все это закладывается еще в университетах. Поэтому после произведсива в офицеры такой офицер-резервист постоянно помнит об этих знаниях, об этих принципах. Он как бы, безусловно, осознает все эти ценности, всю этику военной службы, военной профессии. И что еще более важно, мы черпаем уроки из истории. Мы как бы инкорпорируем, включаем эти элементы во все наши учебные программы, во все этапы подготовки.

Я бы сказал, тем не менее, возможно, самый важный вопрос был задан сегодня. Поскольку он уходит в корни, в самые фундаментальные принципы строительства вооруженных сил. Я за свою службу очень много внимания уделял этим вопросам. И мне кажется, у меня создалось такое впечатление, что между США и Россией по этим принципам особой разницы не существует. У нас патриотически настроенное население, и в вашей стране тоже. В мои годы учебы в военном училище мы отдавали честь флагу так же, пели национальный гимн. Патриотизм у нас присутствовал всегда. Когда я поступил в Вест-Пойнт и четыре года там проучился, ни разу не вставал вопрос о том, что мы как вооруженные силы играем отличную роль. Мы служим своему обществу, своей стране. Мне кажется, проблема гражданского контроля над вооруженными силами в США имеет фундаментальный характер. Может быть, в этом главное отличие наше от вас.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Какие еще есть вопросы, комментарии, может быть? Пожалуйста.

А.СИДОРЕНКО — Я буквально хочу два слова сказать по вопросу профессионализма, профессии. Я думаю, здесь не стоит долго дискутировать и вести речь о том, что такое профессия и профессионализм. Это понимается в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова — профессия или профессионализм, человек, зарабатывающий деньги, средства для проживания той профессией, которой он занимается. Есть такая профессия парикмахер. Здесь говорят: он высокий профессионал и уровень его подготовки не сводится к тому, какое учебное заведение он закончил, а он стал высоким профессионалом в своей области.

Военные профессионалы наши делятся на три степени, если так говорить:

— Есть офицеры-профессионалы, заканчивающие военные учебные заведения.

— Есть офицеры-профессионалы, заканчивающие гражданские учебные заведения, и затем становящиеся офицерами кадра.

— Есть те, кто добровольно, по контракту идут служить. Это те, кто служил солдатом, потом согласился подписать контракт и является добровольцем так же, как и у американцев.

— И по призыву. Те, кого призывают на срочную службу в вооруженные силы.

А что касается вопроса шпаргалок, то они, конечно, для международного семинара очень важны. И если их нужно вынести в отдельную тему, давайте мы подискутируем. Что такое шпаргалка? Это хорошо составленный краткий конспект, который помогает ученику в освоении теоретических знаний и не больше.

Г.СИМУХИН — Позвольте вопрос к американским коллегам. Уважаемые коллеги, в 1987 году мне пришлось проходить стажировку в Академии береговой охраны Соединенных Штатов Америки, Нью-Лондон, штат Коннектикут. Во время прохождения стажировки мне пришлось убедиться, что программа подготовки специалистов береговой охраны и специалистов вооруженных сил значительно разнятся и по подготовке к вызовам сегодняшним в мировом масштабе, и по решению задач по обеспечению национальной безопасности. Вопрос: существует ли в нормативно-правовой базе Соединенных Штатов Америки разделение проблем профессионального военного образования, и существует ли понятие проблем профессионального образования специалистов специальных служб, и есть ли стремление Пентагона унифицировать подготовку специалистов вооруженных сил и специалистов спецслужб в единое учебное заведение чисто по военному типу? Спасибо.

Дж.ФИЛИ — Эта проблема поднималась где-то лет семь назад некоторыми противниками нашей нынешней системы профессионального военного образования. Т.е. у нас сейчас есть штабные колледжи, есть профессиональные колледжи. Было предложено создать объединенные какие-то военные учебные заведения, единые для всех. Но по причинам того, что образование в виде вооруженных сил и учебные планы необходимы для каждого вида вооруженных сил, такая инициатива была отвергнута подавляющим большинством конгрессменов. Такой конгрессмен Скелтон, — г-н Бэрретт, кстати, с ним работал, — эта комиссия подготовила законопроект о необходимости продолжения специализации военно-учебных заведений по видам вооруженных сил и для создания наличия такой единой системы военно-учебных заведений единых для всех. Т.е. фактически было подтверждено, что нынешняя система должна оставаться.

Если я правильно понял ваши вопросы, наше профессиональное военное обучение, система этого обучения признает тот факт, что младшие командиры, или младшие офицеры должны обладать достаточными профессиональными знаниями, поэтому большая часть образования таких специалистов посвящена боевой, технической подготовке. В то же самое время, если действительно вы поговорите с выпускником Академии береговой охраны или Вест-Пойнта о каких-то теоретических вопросах применения вооруженных сил в более широких масштабах, они в основном будут отвечать вам примерно одинаково. Но конечно, меня никто не убедит в том, что Вест-Пойнт дает менее значимые знания. Хотя, конечно, выпускник Вест-Пойнта вряд ли сможет управлять эсминцем, а специалист береговой охраны вряд ли сможет стрелять из танка.

Когда я работал с генералом Шварцкопфом, у нас были различные офицеры, представляющие различные виды вооруженных сил и служб, но у нас не было никогда никаких проблем в понимании единых приказов и в их выполнении. Поэтому, конечно, в системе подготовки уже высших офицеров все эти вопросы объединяются.

Да, был здесь приведен пример с Академией береговой охраны, но она же не входит в систему министерства обороны, т.е. береговая охрана решает немного другие задачи, это скорее

полицейские функции. Поэтому с точки зрения выполнения этих задач — это в основном борьба с контрабандой наркотиков, нелегальных эмигрантов. И все это также регулируется соответствующими законодательствами, но они носят другой характер. Как здесь Джон говорил, я могу только повторить, что действительно мы очень много совместной подготовки проходим на уровне военно-учебных заведений. Если вы будете учиться на курсах сухопутных войск, ВМС, ВВС или морских пехотинцев, у нас там, кстати, очень много представителей береговой охраны проходят такие же курсы, но в любом случае фундаментальная разница есть. Специальные службы, конечно, существуют в любой стране в любых условиях.

В.ГАВРИЛОВ — Насколько мне известно, определенный интерес представляет система отбора кандидатов в военные училища в США, т.е. требуются две рекомендации от конгрессменов для поступления. В этой связи вопрос: какую роль это играет непосредственно для отбора качественных кандидатов для поступления, и нет ли в этой области злоупотреблений, а если есть, то как они предотвращаются или как с ними борются. Я имею в виду злоупотребления в плане устройства своих людей, проталкивания своих кандидатов и т.д.

Дж.ФИЛИ - Выбор каждого конкретного кандидата для военного училища действительно делается политиками. Это действительно верно. Это сенаторы, конгрессмены. Целью здесь является то, чтобы обеспечить набор, во-первых, представляющий все штаты США. В мои годы, конечно, это было давно, набор действительно был подвержен протекционизму, проталкиванию своих. Это имело место. Нам, например, необходимо было сдать экзамен по физподготовке. Конечно, это был трудный экзамен. Но самое сложное было уговорить своего конгрессмена или сенатора в том, чтобы он дал рекомендацию. Но сейчас, уже где-то за последние 2-3 десятилетия проблема эта перестала существовать. Конгрессмены действительно продолжают давать свои рекомендации. Тем не менее, военным удалось убедить конгрессменов в том, что и физическая подготовка важна, и хорошие знания, способности исключительно важны для правильного набора. Мне сейчас кажется, что в составлении списков кандидатов тоже есть ранжирование. Составляется список десяти наилучших кандидатов. Мне кажется, что в политическом плане существует, конечно, возможность, что набор будет не оптимальным, но в основном эта проблема решена.

А.КОПЫЛОВ — У меня не вопрос, а небольшой комментарий. Рассматривая эволюцию развития военного профессионализма в России и США, мы по логике должны выйти на тенденцию развития этого профессионализма. И в нашем плане это предусмотрено. На мой взгляд, и в США, и в России руководствуются принципом учить войска тому, что необходимо на войне. Мы должны идти от практики. Практика определяет, по крайней мере, три направления развития профессионализма. Первое направление обозначилось — это подготовка офицеров к организации и ведению совместных военных действий видов вооруженных сил. Кроме того, ведение военных действий многонациональных сил. Я думаю, комментарии здесь не нужны. Есть примеры операций соответствующих в Персидском заливе, в Косово и т.д.

Второе направление — это информатизация в военном деле. В Америке говорят о революции в военном деле, которую вызвало развитие информационных технологий. Видимо, это обуславливает тенденцию подготовки офицерских кадров.

Следующее. Большой контингент вооруженных сил США, да и России принимает участие в миротворческих операциях. Это также не может не оказывать влияния на подготовку военных профессионалов. Этот перечень тенденций можно продолжить. Я просто обозначил подход. Спасибо.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Какие еще есть вопросы, комментарии? Пожалуйста.

В.СОЛОВЬЕВ — Последний вопрос. Срок службы офицера в российской армии составляет где-то 25-30 лет. За это время он от трети до половины времени службы проводит на переподготовке, обучении различного рода. А у американского офицера за период действительной службы сколько времени отводится на первичную офицерскую подготовку и затем переподготовку в военно-учебных заведениях в ходе службы? Спасибо.

Т.МОНТГОМЕРИ — С вашего позволения, я завтра собираюсь выступить как раз по этому вопросу. Я вам буквально всю схему расскажу, как у нас офицер проходит свою службу, сколько ему лет требуется, чтобы прослужить в одном звании, в другом звании. В целом наши системы достаточно похожи. Полный срок службы у нас может быть от 20 до 30 лет в зависимости от того, насколько успешно, удачно вы отвечаете всем требованиям для повышения вас по должности, по званию. Обычно срок службы от 20 до 30 лет. Завтра я отвечу на вторую часть вашего вопроса, буквально всю схему доложу.

А.ВЛАДИМИРОВ — Один вопрос короткий: да или нет? Кому служат вооруженные силы Соединенных Штатов Америки: государству или обществу?

Т.МОНТГОМЕРИ — Я на занятиях на такой вопрос всегда отвечаю обычно. Я не уверен, что эта терминология насчет государства полностью с нашей совпадает. Мне кажется, вопрос состоит в том, служат ли вооруженные силы Конституции, написанным каким-то законам, поскольку наша страна — это страна законов, а законы творятся человеком. И если мы действительно отступаем от служения обществу, то это непозволительно по Конституции. То есть, нет никакого вопроса абсолютно в том, что мы, наши вооруженные силы служат, прежде всего, закону. Законам, независимо от того, что происходит в гражданском обществе и в руководстве страны. Если вы еще продолжите свой вопрос, я могу уточнить свой ответ. Вопросы взаимоотношений между военными и гражданскими, как мы раньше говорили, нет здесь вопроса, вообще не существует.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Какие еще есть вопросы и комментарии? Если нет вопросов и комментариев, перерыв на кофе.

(ПЕРЕРЫВ НА КОФЕ)

Т.МОНТГОМЕРИ — Господа, товарищи, займите свои места. Продолжаем работу. Время поджимает, господа. Занимайте свои места, продолжаем нашу работу. Нам необходимо работать на основе сотрудничества сегодня.

Прежде чем начнем нашу работу во второй половине, капитан I ранга Григорьев обратился ко мне с просьбой выделить 5 минут, ни секундой больше, для того, чтобы выступить с небольшим комментарием. Пожалуйста, капитан Григорьев, ваше слово.

А.ГРИГОРЬЕВ — Уважаемые участники семинара. Даже первые выступления показывают, что размышления над проблематикой конференции позволяют сделать некоторые выводы. Наступило время новых идей, проектов и людей. Как соединить всю военную проблематику под одной крышей. Здесь представляется очевидным обращение к военной культуре. Под этим термином мы имеем в виду конкретную область человеческой деятельности. Все, что

сделано человеком в материальной и духовной сферах, в области военного дела. Здесь приходит на помощь история уже как метод познания культуры.

Но надо брать не только военную историю, но и историю культуры в целом: история государства, общества, военные силы, человеческие личности и господствующие идеологии. Тогда становится очевидным и понятным то, что произошло с Россией в прошлом столетии. Оказывается, многие проблемы, которые мы сегодня обсуждаем, уже были решены военными людьми задолго до нас. Так, в частности, сегодня стоят вопросы внедрения адаптивных элементов в действующую механистическую систему военного образования. А ведь они были в свое время внедрены и показали свою эффективность.

Как пример стоит упомянуть Инженерную и артиллерийскую школу, из которой вышел полководец Михаил Илларионович Кутузов, вероятно, первый инженер в войсках, ставший главнокомандующим. В ней были внедрены системы индивидуальной подготовки учащихся. Стоит также упомянуть о практике генералов Ангальта и Бецкова в обучении кадетов. Кстати, образование в военно-учебных заведениях когда-то позволяло выпускать и офицеров, и чиновников для государственного аппарата. Пример тому Московская школа математических и навигацких наук — первое высшее светское учебное заведение в нашей стране, созданное Петром Великим в 1701 году.

На наш взгляд, опять-таки культуроведческий, военно-учебные заведения представляют собой синтез двух систем: собственно образование, профессиональные знания разом, и воспитательное — нравственность. Если с точки зрения приобщения к профессиональным знаниям больших трудностей сегодня нет, во всяком случае, они преодолимы, то предметом беспокойства для современного общества является отсутствие новой системы воинского воспитания. Военная культура России дает достаточно четкий ответ: воспитательная система русской армии была направлена на формирование личности, советская система — на воспитание коллектива. Новая система воспитания воинов России будет состоять из лучших достижений двух предыдущих с поправками на время и опыт других армий мира.

Какой будет эта воспитательная система? Этот вопрос является ключевым в создании армии новой России. Ответ на этот вопрос очевиден: необходимо вскрыть модель развития отечественной военной культуры, исследовать ее историческое наследие, выявить закономерности ее развития, характерные особенности и соотношение материальной и духовной составляющей. Задача не из простых, но разрешимая. К сожалению, исследования военной культуры России сегодня нигде не проводятся. Могу сказать, Институт культурного природного наследия имени Лихачева и Академия федеральной пограничной службы, где такая работа проводится под шифром «Надежда». Кстати, в Академии федеральной пограничной службы впервые создан банк военной культуры, который сейчас насчитывает более 60 мегабайт информации по многим ключевым вопросам военного строительства.

Военная культура России ставит и другую задачу. Необходимо в военно-учебных заведениях так организовать систему образования и воспитания, чтобы преодолеть, по выражению министра обороны Игоря Сергеева, застой военной мысли. Здесь военная культура страны может дать ответы на любые вопросы современности.

Стоит здесь упомянуть о том, что накануне первой мировой войны в Академии Генерального штаба России было три оригинальных военно-научных школы, которые, сталкиваясь во мнениях, рождали новые знания. Труды Свечина, Головина, Незнамова и других не потеряли своей актуальности и в наши дни. Представляется очевидным, что одним из профилирующих предметов, который будет влиять на нравственное воспитание российского воинства будет история военной культуры России. Она, эта история, насчитывает полторы тысячи лет и в ней есть очень много поучительного. Мое выступление закончено, если есть вопросы, задавайте.

Т.МОНТГОМЕРИ — Может быть, еще кто-то хочет высказаться коротенько по той тематике, которую мы завершили. Если хотите, то можете через Александра Белкина передать свои заметки с тем, чтобы мы спланировали в конце и дали вам возможность коротко высказаться.

Сейчас мы несколько отстаем от графика. Кстати говоря, завтра у нас будет достаточно времени. Сейчас перед нами выступает доктор Бэрретт. Пожалуйста.

А.БЭРРЕТ — Спасибо большое. Несмотря на то, что у меня не так много времени, я должен сказать, что в некотором плане, я чувствую, я не тот человек, который должен перед вами выступать по этой тематике. Поскольку мне напоминают о той истории, которая широко известна в Америке, особенно в палате представителей, когда человек впервые предложил свою кандидатуру в 60-е годы в одном из штатов в Америке.

Он в сельской местности, в Алабаме, выдвинул свою кандидатуру. В то время, кстати говоря, в основном избиратели были демократы, и в небольшом поселке штата Алабама, где все были демократы, был все-таки один избиратель-республиканец. Вы знаете, что у нас всего две политические партии. Мы считаем, что две политические партии достаточно для нас. Все знали, что этот человек республиканец, хотя республиканцев там ненавидели. В маленьком поселке все знали, кто чем занимается. Случилось так, что республиканец этот умирает. И городская газета, которая выходила раз в неделю, написала об этом большую статью на первой полосе под заголовком «Городской республиканец отошел в лучший мир». Подходят другие выборы, очередные, и все равно оказалось, что один избиратель — республиканец. Но в газете удивились такому обстоятельству. Они же знали, что был только один республиканец в поселке, который умер. Когда на следующей неделе вышла газета, в ней была статья, и заголовок был такой «Мы похоронили в прошлый раз не того человека».

Для чего я это рассказал. Я, возможно, не тот человек, потому что у меня, возможно, не тот опыт, чтобы говорить вам по этому. Я могу вам рассказать о своем опыте, который я приобрел. После того как я ушел с действительной военной службы и работал в Комиссии по вооруженным силам в Палате представителей, я технический сотрудник, работал в Комитете по делам вооруженных сил Палаты представителей Соединенных Штатов. Этот Комитет занимается вопросами военными, является очень мощным, влиятельным комитетом. Есть такой же комитет в Сенате Соединенных Штатов. Каковы же его функции? Он контролирует размещение, выделение финансовых ресурсов для развития и содержания вооруженных сил по видам вооруженных сил, определяет разные вопросы: денежное содержание, предписывает систему продвижения по службе. Короче говоря, принимает ряд законодательных решений по содержанию и развитию вооруженных сил. То есть я сменил одну свою профессиональную карьеру в вооруженных силах на другую, как технический сотрудник в Конгрессе.

Я бывал здесь в 1992 году очень коротко, когда мы обсуждали бюджетные ассигнования с гражданским человеком. Он пришел, я помню, в свой комитет, когда выступал председатель Комитета начальников штабов (КНШ) США. Председатель КНШ предложил свой запрос на оборонный бюджет. В Комитете порядка 50 человек, т.е. там присутствовали и другие члены, представители общественности. Предложение министерства обороны должно было быть расписано по всем спецификам. Естественно, военные поддерживали выступающего председателя КНШ, вопросы задавали. Хотя по сути дела гражданский министр обороны должен отстаивать свой бюджет. Два часа шел обмен мнениями и в конце один из старших конгрессменов, член вот этого комитета, обратил внимание на то, что председатель КНШ сидит рядом с министром обороны. Он начал говорить о том, какую карьеру он провел в вооруженных силах, насколько он хороший друг его личный, какими качествами обладает, какие отношения он строит с законодателями, потому что он знал, что этот министр через несколько недель или месяцев уйдет в отставку. Он начал говорить, что мы очень много потеряем, когда он уйдет в отставку. В зале все прекрасно понимали, что председатель КНШ ответит на этот прекрасный отзыв о министре и о нем, особенно о том, сколько хороших дней он провел с политиками. Потому что на хорошие слова приходится отвечать хорошими репликами, по мере того как он готовился уйти в отставку. Но на самом деле председатель КНШ ничего такого не сказал. Он сказал следующие слова: его беспокоит то, что основные проблемы финансирования продолжают оставаться в нашей организации и в целом в министерстве обороны, особенно в рамках КНШ. Поскольку если говорить об объединенных

командованиях, то там еще более серьезные проблемы. То есть он, в конце концов, сказал, что оставшуюся часть времени он посвятит тому, чтобы вскрыть эти недостатки, которые по-прежнему существуют на уровне КНШ и на уровне объединенных командований, с тем, чтобы реформировать военную организацию Соединенных Штатов соответствующим образом.

Что же произошло? В течение двух недель еще один представитель КНШ оказался в комитете по делам вооруженных сил и выступил с еще большей критикой, чем председатель КНШ, и сказал, для того, чтобы его критические замечания были правильно восприняты, позвольте вам несколько слов сказать о том, что говорил час назад капитан Тун. Посмотрите на слайд. Здесь показана ситуация перед второй мировой войной. Сухопутная армия США развивает, строит вооруженные силы для того, чтобы вести боевую подготовку, обеспечивает соответствующее руководство для ведения наземных операций. В ВМС те же самые задачи, те же самые структурные организации, министры ВМС, которые отвечают непосредственно перед президентом, докладывают ему, несут ответственность за подготовку вооруженных сил и ведение морских операций на морских театрах.

Как капитан Тун рассказал, здесь никакой координации, никакого согласования действий нет, и система профессиональной подготовки в то время существовала. Капитан Тун об этом уже вам сказал, что система военной подготовки была в основном сфокусирована именно на видовую подготовку в рамках сухопутных войск. Затем капитан Тун вам сказал очень необычную вещь. Вскоре после начала второй мировой войны руководство осознало, что необходимо соответствующее объединение усилий на уровне подготовки командных и штабных офицеров, особенно при проведении мероприятий по подготовке наземных и морских операций. Мы поняли, что необходимо согласовывать действия, чтобы более эффективно вести наземные и морские операции в Европе. Руководство осознало, что не хватает достаточно подготовленных офицеров на тот период, особенно в случае проведения крупных войн.

Некоторые руководители тогда, осознав эту проблему, сразу организовали Штабной Колледж сухопутных войск и ВМС Соединенных Штатов. Это решение было принято очень быстро и на базе того анализа ситуации, который был проведен в то время. Естественно, тогда руководствовались серьезным желанием реформировать систему военной подготовки. После второй мировой войны, капитан Тун очень кратко на этом остановился, определенные мероприятия были проведены. Позвольте более подробно об этом рассказать, в структурном плане, что же мы сделали после второй мировой войны.

Посмотрите на слайд. Вверху смотрите: президент Соединенных Штатов, министр обороны, аппарат министра обороны. В концептуальном плане подчиненность такая. В конце второй мировой войны дебаты продолжались до 1952 года относительно совершенствования вооруженных сил с тем, чтобы прийти к такой структуре. В целом очень мощный министр обороны, наделенный мощными полномочиями, находится наверху. С левой стороны находится военное министерство: сухопутных войск, ВВС, ВМС. С правой стороны, обратите внимание, есть такая структура как Объединенный комитет начальников штабов и Объединенный штаб. Фундаментальное расхождение между этим слайдом и предыдущим состоит в том, что виды вооруженных сил, которые находятся слева, отвечают только за организацию, оснащение и подготовку вооруженных сил. А справа — это структуры, которые отвечают именно за развертывание и применение вооруженных сил. Они подчиняются министру обороны. Председатель КНШ подчиняется гражданскому руководству вооруженными силами в плане решения общих стратегических вопросов, стратегическо-политических вопросов. Объединенный штаб имеет соответствующие управления, отвечающие за подготовку видов вооруженных сил, но они отвечают именно за развертывание и применение военного контингента, который развертывается в рамках объединенных командований: Тихоокеанское, Атлантическое командование и другие командования ТВД.

Это было все узаконено в 1958 году соответствующим образом. В соответствии с этим был созданы совместные штабные колледжи. Вот слева, что же было создано? Были созданы

соответствующие штабные колледжи и школы начального, промежуточного, высшего уровня. С правой стороны — были созданы после нашего опыта второй мировой войны так называемые штабной колледж вооруженных сил, а сейчас он называется штабной колледж объединенных сил. Был создан так называемый промышленный колледж вооруженных сил Соединенных Штатов. Это, что называется, колледжи, которые обеспечивают совместную подготовку. Когда я говорю о совместности, то имею в виду подготовку на уровне межвидовом, где формируются навыки развертывания и применения группировок, в состав которых входят представители различных видов вооруженных сил. Это, что называется, межвидовые объединения оперативно-стратегического уровня.

Здесь что можно сказать? Выходит так, что мы к 1958 году разрешили проблему, что же мы говорим об этом вам сейчас? Дело в том, что нам не удалось решить эту проблему до конца в 1958 году. Потому что у нас возникли проблемы во Вьетнаме в связи с подчиненностью, с ведением наземных операций, морских операций. Опыт показал, что мы недостаточно эффективно вели боевые действия. Масса инцидентов имела место тогда. Наша способность ведения межвидовых операций недостаточно эффективна. Если вспомнить действия в Персидском заливе — там тоже были допущены серьезные ошибки. Если вспомнить нападение террористов на казарму морских пехотинцев в Бейруте, там мы тоже проявили неэффективность в защите интересов наших военнослужащих. Я уж не говорю о других происшествиях.

После 1958 года до 80-х годов работа шла по совершенствованию вооруженных сил и военного образования в целом. Но если говорить о том, какую роль играли представители Комитета по делам вооруженных сил в палате, я должен сказать, что было очень много замечаний по тому, как шла реформа в этот период. Потому что и Объединенный штаб, и КНШ не имели достаточно квалифицированной, четкой ориентировки по тому, как все-таки комплексно реформировать подготовку офицеров в интересах видов. Объединенные командования, их интересы зачастую носили узкий, ведомственный характер как у видов вооруженных сил. Кстати говоря, вообще продвижение по службе частично было поставлено в зависимость от того, каким соединением он командует в рамках вида вооруженных сил.

Существенность того, что было сделано в то время, особенно при генерале Джоунсе, в 70-х годах, это то, что руководство вооруженными силами и в Конгрессе пришли к необходимости понимания реформ в этом отношении. В результате таких длительных усилий Конгресс рассмотрел новые законопроекты с учетом рекомендаций генерала Джоунса, как председателя КНШ.

Что интересно, что, по сути, эта схема взаимоотношений остается и сегодня. Закон Голдуотера-Николса по реорганизации вооруженных сил как бы узаконивает те новшества, которые были введены в период с 1958 по 1986 годы. Главным военным советником является председатель КНШ, как вы знаете. Он является консультантом, советником как министра обороны и президента, также и Конгресса Соединенных Штатов. По итогам такого совершенствования были найдены возможности справедливого распределения полномочий между гражданским и военным руководством вооруженными силами, что не могло не найти своего отражения и на работе по совершенствованию военного образования в Соединенных Штатах.

Что касается объединенных и специальных командований, естественно, они не могут действовать самостоятельно, они находятся непосредственно в подчинении министра обороны. Что касается закона Голдуотера-Николса, то там есть специальный раздел, который предусматривает порядок совершенствования военного профессионального образования. Согласно этим положениям система военного профессионального образования должна реформироваться в том направлении, чтобы офицеры одного вида исходили из понимания сильных и слабых сторон других видов вооруженных сил, т.е. руководствовались более широким знанием относительно возможностей всех видов вооруженных сил. Согласно положениям этого закона было предложено пересмотреть учебные планы и учебные

программы подготовки офицерского состава среднего и старшего звена, особенно на уровне штабных и командных колледжей.

Наконец, закон Голдуотера-Николса предусматривает совершенствование высшего звена подготовки командного состава, где подготовку проходят генералы и адмиралы, где они имеют возможность формировать навыки управления объединенными группировками войск.

Я хотел поговорить с вами подольше по этому вопросу, ретроспективно я вам дал некоторое представление о том, как мы вели совершенствование не только вооруженных сил, но именно и системы подготовки офицерского состава. Проблемы сейчас у нас остаются, они носят организационный характер, они носят не только организационный характер. Эти проблемы мы решаем, используя целый ряд подходов. Сегодня они, безусловно, еще не решены. Спасибо большое.

А.СИДОРЕНКО — Уважаемые коллеги, господа. Мое выступление в какой-то степени облегчается в связи с тем, что по этой проблеме было высказано несколько слов. С другой стороны, не вдаваясь в подробности развития системы военного образования за 300 лет ее существования, а я еще раз напомню, что 25 января 1701 года Петр Великий сказал: Школе математических, навигацких и других наук быть. А коль скоро так было поставлено нашим великим царем, началась профессиональная подготовка специалистов.

Для нас проблема возникает несколько в ином аспекте. Реформирование системы подготовки военных кадров с момента распада Советского Союза и создания вооруженных сил Российской Федерации. В целом хорошо известно, что совершенствование военного образования было и остается одним из важнейших направлений военного строительства в России. И, конечно, создавая систему подготовки кадров в настоящий период, военная школа черпает все то лучшее, что было создано за прошедшие 300 лет существования подготовки кадров.

Так случилось, что в 1991 году, после распада Советского Союза перед военной школой России встала первая задача — это воссоздать подготовку специалистов тех вузов, а в 1991 году 48 вузов осталось за пределами России, подготовку тех специалистов, которых не оказалось на территории России.

В 1993 году была разработана концепция подготовки реформирования системы военного образования. Главная задача заключалась в том, чтобы, повторяю, воссоздать подготовку тех специальностей, которые остались за пределами России. С другой стороны, наработать правовую основу для подготовки кадров. И в связи с выходом в 1992 году законов об образовании, о воинской обязанности, военной службе, отработать государственные образовательные стандарты, которые позволили бы готовить специалистов в соответствии с законами Российской Федерации.

Необходимо сказать, что концепция и план ее реализации были в основном выполнены. Но в 1995-96 году перед вооруженными силами была поставлена президентом задача о значительном их сокращении. И поэтому в 1998 году была разработана программа совершенствования системы военного образования, которая затронула все направления подготовки офицерских кадров. Как уже было сказано, в том числе генерал-полковником Маниловым, самым болезненным оказалась оптимизация сети и емкости военно-учебных заведений. Мы вынуждены были в связи с сокращением численности вооруженных сил сокращать и количество военно-учебных заведений. Были сокращены в первую очередь те, которые были малоемкими; во-вторых, те, которые в какой-то степени повторяли подготовку специалистов в других военно-учебных заведениях. Кроме того, на этом этапе программа была рассчитана, она сейчас выполняется, до 2005 года. В рамках этой программы наработаны новые, впервые изданные в России, документы управления системой военного образования, государственные образовательные стандарты по подготовке специалистов по военной и одной

из гражданских специальностей и создана, подчеркиваю, многоуровневая система подготовки военных кадров.

Что сегодня представляет собой эта система? Основу составляет военные институты, военные университеты и военные академии, в которых подготовка организована по трех-, пятигодичной программе для получения среднего военно-специального образования, высшего военно-специального образования, а также в военных университетах и академиях подготовка офицеров с высшим военным образованием. Для подготовки руководящего звена вооруженных сил в структуре военно-учебных заведений страны имеется Военная академия Генерального штаба, которая готовит высшее руководство вооруженных сил страны со сроком подготовки 2 года.

Кроме того, так же, как и в американской системе, у нас существует колоссальное количество курсовой подготовки с различными сроками: от 2 месяцев, 3 месяца и максимально 6 месяцев. Эта курсовая подготовка предусматривает доподготовку офицеров перед назначением на те или иные вышестоящие должности.

Вместе с тем, выполнение программы реформы военного образования в рамках министерства обороны показало, что этого недостаточно в целом для реформирования системы военного образования всех силовых структур. Вот почему президентом Российской Федерации, верховным главнокомандующим поставлена задача подготовить программу реформы военного образования всех силовых структур с единственной и главной целью — обеспечить в новых социально-экономических условиях качественную подготовку специалистов для всех силовых структур, в том числе и наработать многие вопросы, как уже подчеркивалось и американской стороной, где бы выработать и язык управления, особенно на управленческом звене.

Чем вызвана разработка этой программы? Перед нами снова возникла задача сокращения численности вооруженных сил. И сегодня генерал-полковник Манилов об этом говорил. Армия будет составлять, численность вооруженных сил всем известна, порядка 1 миллиона человек. Естественно, первая задача заключается в оптимизации опять-таки сети военно-учебных заведений. Самый болезненный вопрос. Сегодня эти вопросы рассматриваются. Есть определенные наметки, сколько вузов будет сокращено.

Второе вызвано изменением порядка прохождения военной службы. Если ранее офицеры служили в вооруженных силах 25 лет, то сегодня выпускник военно-учебного заведения первый свой контракт заключает на срок службы в течение 5 лет. Поэтому после окончания этого срока службы он имеет право завершить службу, а это накладывает дополнительные задачи на увеличение численности подготовки кадров.

Третье, как я уже сказал, ведомственный подход к формированию кадрового заказа. Каждая силовая структура готовила и готовит кадры только для себя. А многие специальности в этом плане перекликаются.

Четвертое — это изменение условий получения военного образования, и не только военного, а в целом образования в России. Россия до 1991 года не знала, что такое платное образование. Сегодня появилась такая форма получения образования как платная. Отсюда возникает проблема, когда есть возможность получить образование за счет военных учебных заведений.

Кроме этих систем подготовки военных кадров есть еще одно направление, так же как у американской стороны, это подготовка офицеров запаса на военных кафедрах гражданских вузов. Если мы до этого времени на военных кафедрах готовили офицеров запаса, то сегодня вопрос стоит таким образом, чтобы готовить в гражданских вузах офицеров для прохождения кадровой службы, для прохождения службы в вооруженных силах определенный период. Это связано с тем, что поскольку численность вооруженных сил сократилась, военно-учебные заведения не в состоянии в полном объеме обеспечить подготовку кадров для себя. Во-вторых, стоимость подготовки в военно-учебных заведениях министерства обороны значительно дороже, чем в гражданских вузах и поэтому часть бремени подготовки офицерских кадров перекладывается на подготовку в гражданских вузах.

Кого в первую очередь готовить? Это гуманитарных специалистов: историков, юристов, лингвистов, медиков. И сегодня у нас такие наработки есть. Уже существует несколько военно-медицинских институтов, которые готовят специалистов, кадры для работы и в гражданских условиях, так и для службы в вооруженных силах. Этот опыт мы хотим распространить и на подготовку кадров по другим направлениям.

Раскрывая направление подготовки специалистов в рамках программы президента Российской Федерации, наша задача заключается в том, чтобы на этапе реформирования, а программа рассчитана до 2010 года, создать новоуровневые и новоемкие военно-учебные заведения. Это ответ на тот вопрос, в чем разница между военно-учебными заведениями Соединенных Штатов Америки и российской военной школой. Если в американской академии в Вест-Пойнте или Колорадо-Спрингс обучается 4 тысячи кадет, то в наши вузы сегодня не представляется возможным разместить такое количество обучаемых. Это связано с инфраструктурой, т.е. наличием учебных корпусов, да даже территорий, на которых размещены наши вузы. Поэтому задача заключается в том, чтобы в перспективе создать, нарастить учебно-материальную базу, базу для размещения и таким образом укрупнить военно-учебные заведения и на этой основе ликвидировать малоемкие с незначительным количеством подготовки специалистов. А такие сегодня существуют.

С другой стороны, я уже говорил, что в последнее время мы вынуждены обратиться к гражданской школе в части подготовки специалистов. Причины названы, но для того, чтобы решить эту задачу сейчас необходимо провести эксперимент, суть которого заключается в том, чтобы определиться, какие сроки обучаться студентам в гражданском учебном заведении: то ли пять лет плюс курсы военной подготовки в зависимости от той или иной специальности, то ли это будет четыре года обучения в гражданском вузе и потом год, полтора или два в военно-учебном заведении. То есть, будем говорить так, гражданская и военная компонента, то ли это будет три плюс два. Для этого нужно сегодня четко определиться. То есть провести эксперименты и затем на уровне государства отработать соответствующие документы, постановления правительства, законы, чтобы можно было организовать систему подготовки специалистов в той или иной области.

Одна из важнейших задач заключается в сохранении научно-педагогического потенциала...

(перерыв в магнитофонной записи)

...укомплектовано порядка 47% в среднем по всем военно-учебным заведениям, хотя военная академия и университет укомплектованы более 60%. Задача заключается в том, чтобы во всех военных учебных заведениях была укомплектованность учеными на 60%. Для решения этой задачи сегодня нужно наработать соответствующую законодательную базу в плане защиты наших ученых, сохранить и сохранять тех ученых, которые заканчивают сроки службы. Если мы сегодня сравним численность гражданских специалистов и военных специалистов, соотношение с американской школой и с нашей, то мы где-то сегодня сравняемся. У нас тоже порядка в целом 50 на 50, а среди преподавателей 30 процентов гражданских специалистов и где-то процентов 70 военных. Поэтому задача стоит, что там, где приемлемо использование гражданского специалиста по наукоемким дисциплинам, там возможно увеличение преподавателей из числа гражданских, может быть это бывший военный преподаватель останется дальше продолжать работу в военно-учебных заведениях. А там, скажем, такие дисциплины как тактика, эксплуатация вооружения, где требуется военный специалист, здесь превалировать будет процент укомплектованности военнослужащими.

Одна из задач заключается в том, чтобы совершенствовать законодательство в области военного образования. Насколько нам известно, и я сразу ставлю вопрос, могли бы наши американские коллеги рассказать нам о той системе штрафных санкций, которая существует, насколько нам известно, в системе подготовки кадров американской армии. Я речь веду о том, что если кадет, выпускник, скажем, Вест-Пойнта, не пожелал по окончании вуза служить офицером, то какие санкции к нему принимаются? Просил бы этот вопрос разъяснить, так как мы в этом плане сегодня стоим за то, чтобы те, которые разрывают контракт по причине

нежелания учиться все-таки как-то несли материальную ответственность за то, что налогоплательщик дал им образование.

Таким образом, решение этих и некоторых других задач позволит в целом нам создать систему подготовки офицерских кадров, которая будет способна решать возложенные на них задачи. Благодарю за внимание.

Т.МОНТГОМЕРИ — Спасибо большое, г-н генерал. Я думаю, начнем с того, чтобы ответить на ваш вопрос. Я буду говорить о наших академиях. В академии первые два года — это в основном свободный полет, т.е. у курсанта есть два года, чтобы принять окончательное решение о продолжении службы с тем, чтобы заключить потом пятилетний контракт. После этих первых двух лет он обязан, если он разрывает контракт, заплатить ту сумму, которую налогоплательщики на него затратили. Если он на третьем или четвертом курсе решит разорвать контракт, то он будет служить рядовым в войсках с тем, чтобы заплатить эту сумму, потраченную на его обучение. После выпуска, если такой офицер, он или она, решать вдруг закончить свою службу, то требование такое же — вернуть деньги, которые были потрачены на их обучение. И сейчас, насколько я знаю, это где-то 130-140 тыс. долларов стоит четырехлетнее обучение в Вест-Пойнте.

А.СИДОРЕНКО — Мне говорили — 250 тыс. долларов.

Т.МОНТГОМЕРИ — Может быть, уже цены повысились, не знаю. Когда я начинал, стоило 60 тыс., но доллар растет. В основном мы говорили об университетах.

У нас есть действительно программа стипендий для подготовки резервистов-офицеров. То есть те, которые поступают в университеты по этой степени, как бы обязаны участвовать в программе подготовки офицеров запаса. Это их обязанность. Но, конечно, на уровне университета они никаких контрактов не подписывают до окончания, как обычные наши курсанты после второго курса. Тем не менее, требования для наших курсантов гораздо более жесткие, но, я думаю, у нас очень мало таких курсантов, которые вдруг решат прекратить военную службу.

Обязанности, кстати, после выпуска могут растягиваться на 10 лет. Например, в ВВС в настоящее время, если курсант выпускается, проходит летную подготовку, то 10 лет он обязан прослужить, прежде чем он может принять решение даже не уйти в отставку, в запас, у нас такое не положено, но уволиться, так сказать, что у нас называется уволиться.

Еще какие были вопросы? Как представитель сухопутных войск я сталкивался с этой проблемой в течение трех лет. Действительно, можно обязать офицера возвратить деньги, но очень трудно их реально получить назад. Я могу долго рассказывать, как мы с этим боремся. Вы знаете, у нас есть такое положение, что если у офицера излишний вес, то он также может уволиться. Некоторые этим пользуются. То есть существует очень много способов.

А.СИДОРЕНКО — Скажите, пожалуйста, сколько военно-учебных заведений прошли государственную аттестацию и как этот процесс идет в вооруженных силах?

Т.МОНТГОМЕРИ — Государственную аттестацию прошли все военно-учебные заведения. И будем говорить так, это прохождение было мягким для нас. А вот в 2002 году мы готовимся уже к аттестации и аккредитации, и сегодня проводим такую работу, знаем, что нас будут смотреть, знаем требования. Это одно из условий, я назвал его, 60% ученых должно быть. Я полагаю, что мы к этому времени подготовимся и пройдем. А если кто-то не пройдет, значит будет поставлен вопрос о понижении статуса.

Что значит понижение статуса? Если этот военный институт, готовит с пятигодичным сроком обучения, дает высшее военно-специальное образование, то ему может быть понижен статус, и он будет готовить специалистов со средним военно-специальным образованием со сроком подготовки три года. Могут быть такие. Посмотрит комиссия, инспекция, которая будет проводить аттестацию.

Что касается академий наших, университетов. Я сегодня могу сказать, что они готовы к тому, чтобы пройти успешно аттестацию и аккредитацию.

П.ЗОЛОТАРЕВ — У меня такой вопрос к Анатолию Савельевичу. Точнее два вопроса. Первое. Требования к тому, чтобы значительная часть преподавательского состава вузов имела ученые степени и звания — это понятно, но одновременно сейчас даны права присваивать их на уровне этих учебных заведений. Как здесь решается задача сохранения высокого качества этого научного потенциала?

А.СИДОРЕНКО — Такого права нет, не было и, наверное, не будет. Диссертационные советы как были, так и есть, но право присваивать остается у ВАКа. ВАК существовал, и я прямо скажу, что сегодня ВАК более ужесточил требования, и поскольку мы регулярно общаемся, то знаем, что, как правило, большинство из тех, кто защитил диссертации на уровне Диссертационного совета, проходят собеседование в ВАКе. Были случаи, сегодня это известно, когда ВАК не утверждал защиту на уровне Диссертационного совета.

П.ЗОЛОТАРЕВ — И второй вопрос. В свое время было намерение использовать базу сокращаемых военных учебных заведений для развертывания сети кадетских корпусов, суворовских училищ. Насколько это получается на практике и реально, какая судьба этой базы, когда училище сокращается?

А.СИДОРЕНКО — Прежде всего, была использована только одна база Омского танкового училища, на котором развернут кадетский корпус. В целом тенденция такова, во всяком случае, Управление военного образования ставит так вопрос, что сегодня пока прекратить увеличивать количество суворовских, кадетских корпусов, а если есть необходимость увеличивать набор, как это просят многие губернаторы, тогда наращивать учебно-материальную базу уже в существующих 17 суворовских, нахимовских и кадетских корпусах.

Что касается базы расформированных вузов, то здесь опять-таки прерогатива не Управления военного образования, а решение Генерального штаба, куда использовать эту базу. Есть сегодня предложение, чтобы их использовать для переподготовки офицеров, увольняемых в запас. Каждый год увольняется большое количество, и существующая сегодня сеть обеспечивает только порядка 30% переподготовки. Будет это использовано? Я скажу только одно, вы понимаете, что это не очень дешевое удовольствие. Но его надо решать.

Если будет использована эта база — это решение, конечно, и правительства, и министерства обороны, и министерства образования, т.е. совместное, или это будет отдана прерогатива уже существующим и дальше работающим вузам как министерства обороны, так и министерства образования. Потому что они в состоянии в целом проводить переподготовку офицеров после окончания службы.

П.ФЕЛЬГЕНГАУЭР — Скажите, пожалуйста, планируется ли создавать специализированные военно-учебные заведения по подготовке профессиональных сержантов, наподобие американских академий для создания корпуса профессиональных сержантов? И второе, когда планируется прекратить достаточно позорную в мирное время практику краткосрочных курсов по подготовке лейтенантов за несколько месяцев?.

А.СИДОРЕНКО — Благодарю вас за поставленный вопрос. У нас сегодня существуют школы сержантов, полковые школы сержантов, или специальные школы различного уровня подготовки. А то, что вы назвали позором, — это позор и для нас в той части, коль вы подняли, это вынужденная была мера, крайне вынужденная. В этот период, когда произошел колоссальный обвал престижа военной службы, когда офицерский состав, это известно всем, влачил нищенское существование, некем было укомплектовать первичные должности. Обратились к опыту Великой отечественной войны перейти на краткосрочные курсы, но это не тенденция, и от нее, конечно, незамедлительно нужно отказываться. Это не система подготовки, это вынужденная мера.

Ф.ХВАТОВ — Вопрос к американским коллегам. Вы затронули вопрос подготовки педагогических кадров. Хотелось бы узнать, как осуществляется отбор и подготовка педагогов в чисто военные вузы. Какие-то требования к ним есть, принципы отбора?

Т.МОНТГОМЕРИ — Я постараюсь начать, возможно, мои коллеги мне помогут. Г-н Тун уже говорил сегодня о том, что наш профессорско-преподавательский состав в академиях частично укомплектован военными, частично гражданскими. У нас есть преподаватели, которые обычным порядком, как и в гражданских университетах, замещают должности. У нас есть военные инструкторы, преподаватели, которые представляют вооруженные силы сами по себе. Мы, конечно, используем селективный отбор здесь, состоящий из двух частей. Допустим, академия определяет свои потребности: нам нужно N-ное количество преподавателей, профессоров в последующие несколько лет с тем, чтобы они могли быть найдены. Затем составляются требования, которым они должны отвечать. Офицеры, подходящие под эти требования, направляются для стажировки в гражданские, допустим, университеты, проходят курс, допустим, по анализу или военной истории и по истории в целом. Затем направляются в конкретную академию и служат там примерно по три года в качестве военных преподавателей. Необычен такой случай, но если офицер выступает в роли преподавателя уже более чем один раз, то он может быть переведен в постоянный состав и стать постоянным преподавателем, профессором в данной академии. Вот процесс, который мы используем для того, чтобы обеспечить необходимое количество и военных, и гражданских преподавателей.

Возникают споры, конечно, время от времени, в отношении того, что лучше иметь всех гражданских преподавателей, которые всю свою жизнь посвящают преподаванию, т.е. квалификация у них будет выше в этом плане. Но ведь есть и большие преимущества в том, что мы имеем возможность нужных офицеров привлекать из войск для преподавания определенных предметов. Такие офицеры могут послужить примером для курсантов, и это полезно в плане военного образования. У нас также есть офицеры, которые не являются постоянным преподавательским составом, которых мы называем офицерами по боевой подготовке. То есть они преподают чисто военные аспекты. Они постоянно, даже можно сказать, что это не преподаватели, а скорее всего начальники курсов, которые являются командирами курсантов, взводов, подразделений. Такие офицеры часто также проходят курсы переподготовки и учатся каким-то другим навыкам. Все они представляют виды вооруженных сил. Служат в таких должностях обычно по 2 года.

В качестве примера я могу следующее сказать. Я офицер-танкист по подготовке. И первые пять лет я служил в Германии. Кстати говоря, махал рукой своим контрагентам на российской стороне. Получил я образование в Беркли, в университете штата Калифорния. Занимался китайской проблематикой. Был в Китае на практике 3 года, то есть изучал историю Японии и Китая. Тогда 50 процентов преподавательского состава были люди, которые прошли гражданскую подготовку, работали в военном учебном заведении потом. Почему выбор пал на меня? Поскольку я имел соответствующую подготовку и занимал соответствующую должность в рамках того учебного плана в военном учебном заведении, которое предлагало такую

подготовку. Я говорю об учебных заведениях, где действуют военнослужащие гражданские по линии военных кафедр при университетах и колледжах.

Безусловно, мы руководствуемся соответствующим набором стандартов, принципов, критериев. Капитан Фили изучал китайскую, японскую историю. У меня есть и другие вопросы, касающиеся более широкого плана, относительно усилий по сокращению количества военных учебных заведений. Какими подходами вы руководствуетесь при отборе наилучших военных учебных заведений. То ли вы сокращаете учебный план, набор учебных дисциплин, сокращаете учебные программы и т.д. Потому что пересмотр военных специальных программ, учебных планов имеет большое значение. Дело в том, что по мере сокращения количества военных учебных заведений естественно всегда решается вопрос совершенствования качества, т.е. сохранение наилучших именно учебных программ и учебных планов. Это относится и к системе подготовки сержантского состава.

Дж.ТУН — Отработаны критерии, специальные критерии, по которым мы определяем, каким вузам оставаться, а какие должны быть ликвидированы. Суть критерия заключается в следующем. Первое. Это берутся однотипные военные учебные заведения, которые готовят одних и тех же специалистов в той или иной области, скажем, сухопутные войска. Следующее, это возможности вуза при сокращении одного из них размещения подготовки специалистов на этой базе. Насколько база позволяет, если мы один из вузов ликвидируем, здесь разместить тех курсантов, которых мы переведем сюда с ликвидированного вуза.

Следующий момент — это укомплектованность учеными. Т.е. профессорско-преподавательский состав, где больше научный потенциал, более мощный, где более слабый.

Следующее — это учебно-материальная база, какова она по себе. Может быть вуз, на первый взгляд, незначительный по емкости, но там поставлена была буквально недавно новейшая учебная техника и поэтому есть смысл в какой-то степени нарастить жилищный фонд и там оставить вуз.

Следующие — это место его расположения. Если это крупный центр, скажем, Москва, Ленинград, где много научных учебных, гражданских подразделений, а это значит, есть взаимосвязь, то очевидно, есть смысл здесь оставлять.

Третий, или четвертый, пятый, — это региональный принцип. В зависимости от того, опять-таки, мы говорим центр, а что у нас есть на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Следующее — это возможности набора контингента, густонаселенность. Скажем, если европейская часть на 1 кв. км 27 человек, то Дальний Восток — 6 человек. Откуда черпать призывной контингент или, короче, набирать абитуриентов для поступления. Поэтому на Дальнем Востоке мы держим сегодня меньше вузов, но таких, которые, допустим, Военно-морской институт. Там Тихоокеанский флот, там существует и военно-морской институт. Или округ, для которого мы готовим специалистов по общевойсковой проблематике, автомобилистов и т.д. Т.е. каждый раз каждый вуз не просто так ликвидируется, а комиссия изучает методом выезда на место и рассматривает со всех сторон, чтобы только не допустить ошибки при ликвидации вуза.

Конечно, ставиться вопрос, а что дальше будет с этой базой? Или сколько потребуется времени, чтобы нарастить учебно-материальную базу того вуза, который остается, дорого это или дешево? Сегодня иногда стоит вопрос таким образом, что мы оставляем малочисленные вузы по одной причине, что нет средств для укрупнения вуза на этом этапе. Поэтому ставится более дальняя перспектива. Скажем, где-то 2010-15 год, постепенно разворачивать, увеличивать вуз, создавать учебно-материальную базу и таким образом постепенно ликвидировать те малоемкие вузы, которые сегодня существуют.

А.СИДОРЕНКО — Если нет вопросов, я хочу выполнить одну приятную миссию, если позволит аудитория. Как бы там ни говорили, но все-таки мы в эти дни отмечаем 300 лет

системе военного образования и инженерного образования. 25 января на базе вуза-правопреемника Школы навигацких и математических наук — Военно-морского инженерного института в Санкт-Петербурге — было проведено торжественное мероприятие с участием председателя Правительства Российской Федерации. А вот через день, 14 числа, в Государственном Кремлевском дворце состоится международная научно-практическая конференция по проблеме 300 лет образованию в России. В этой связи военная школа не отстает, ни с кем не спорит. Она просто утвердила, сказав: 300 лет военному образованию есть. Мы выпустили такой вымпел и такой небольшой знак. Позвольте американским коллегам вручить, чтобы знали, что есть такая система подготовки.

Т.МОНТГОМЕРИ — Теперь позвольте нам сказать. Мы теперь понимаем, почему мы говорим именно о трехсотлетней истории образования России. Да, я согласен, 300 лет военному образованию.

Есть ли объявления административного характера у Александра Белкина, какая-либо ориентировка относительно нашей деятельности? У нас во сколько ужин начинается? В восемь? Дело в том, что мы план наш перевыполнили, как мне кажется.

Хорошо. Я просто думал, что мы закончили обсуждение вопроса. Оказывается у нас есть еще время. Очень хорошо. Я думал, что вопросов больше нет, поэтому так получилось. Я счастлив, что время есть и есть вопросы у нас, так что мы продолжим обмениваться мнениями.

А.ВЛАДИМИРОВ — Коллеги, я вице-президент Коллегии военных экспертов генерал-майор, запаса, конечно, Владимиров Александр Иванович. Я прошел все ступени военного образования, которые были мыслимы и немыслимы в наше советское и постсоветское время: суворовское военное училище — 7 лет, а не заготовки сегодняшние; училище Верховного Совета, где трудился преподавателем математики и физики, а не офицером по эксплуатации бронетанковой техники; Академия им. Фрунзе, Академия Генерального штаба; и от взвода до армии пешком в пехоте прошел 60 тысяч верст. Поэтому о нашем качестве обучения профессионального я могу говорить исчерпывающе. Хотя дискуссию допускаю, конечно.

Сначала реплика к нашим американским коллегам. Действительно, капитан I ранга Григорьев правильно сказал: мы имеем полуторатысячелетнюю военную историю, и все в нашей истории прошли начиная от военной демократии, кончая непонятной демократией, может быть, к военной демократии вернемся когда-нибудь. Они развиваются меньше нас, естественно. У них другой опыт и другие условия существования цивилизации. Конечно, в некоторых моментах они от нас, безусловно, ушли. Это другие совершенно условия. И их опыт надо брать, на мой взгляд, в пяти четких сферах в области военного образования.

Первая сфера — опыт, который нам нужен. Это малое число крупных военных учебных заведений. Это система подбора абитуриентов. Это система ротации преподавательского состава. Поскольку самое страшное сейчас в наших вузах то, что курсантов обучают их же бывшие взводные, которые ничего в войсках не видели, кроме взвода курсантов. Это гуманитарная составляющая программ обучения, которая должна быть, безусловно, доминировать на каком-то этапе любого образования. И пятое — это правовая изощренность защиты системы образования и, собственно, офицерского корпуса. Все остальное у нас, конечно, должно быть свое: другие границы, другие масштабы и т. д.

Отсылая нас всех к нашей истории, хочу сказать, что у нас были очень хорошо образованные люди всегда в России, и даже хорошо образованные военные в России. И была система образования в России, которая, поверьте мне, никогда не была хорошей, никогда не удовлетворяла тем требованиям, которые возлагала на них, скажем, история, для вершения этих задач.

Существующая система военного образования, которая сейчас есть, и даже то, что сейчас нам было доложено товарищем Сидоренко в качестве перспективы, на мой взгляд, — это

ликвидация военного профессионального образования в России: не сокращения, не оптимизация, а ликвидация. И скажу, в чем дело.

Во-первых, когда армия пошла на уступки нашим либеральным руководителям и сделала из училищ институты, а из академий университеты — это был первый этап депрофессионализации армии вообще. Когда государственные образовательные стандарты, в то время сформированные, затмили все в училищах, и они никак не были сопряжены с профессиональными военными стандартами — это привело к тому, что у нас сейчас нет людей, во-первых, широко образованных после любого училища или академии, во-вторых, нет возможности его роста, поскольку образование военное — это, прежде всего, самообразование профессиональное.

Вы знаете, я всю жизнь считал себя блестяще образованным генералом, до тех пор, пока судьба не заставила заниматься политикой. Тогда я понял, что ничего не знаю. Я не знаю тех вещей, которым нас обязаны были учить в Академии Генерального штаба, во Фрунзенской Академии и т.д. Слово «Свечин» (Александра Свечина я имею в виду) я узнал, когда Саша Савинкин сотоварищи издал книгу, показали Квашнину, светочу нашему, и тот впервые услышал такую фамилию и подписал там вступительное слово какое-то, приветствие. Всё, мы его не проходили, то есть не изучали! Я, всю жизнь учившийся отлично, с золотой медалью всю жизнь, я не знал этого имени. Поэтому, когда в свое время нужно было выбирать из гражданских хоть одного умного для военной деятельности, я, к сожалению, нашел Кокошина, поскольку он тогда был единственным человеком, который со мной мог разговаривать о стратегии Свечина.

Поэтому я хочу сказать, что если мы сейчас в корне не поменяем свои подходы к военному образованию, наша армия обречена. Единственным и главным направлением общего развития вооруженных сил, мировыми, является все большая профессионализация армии, войск, я имею в виду, все больше сокращающийся их количественный состав за счет техники и т. д., и все больше улучшающееся качество офицерского состава, который потом дает возможность выбора и выращивания высшего командного и государственного состава управленцев. Этих систем у нас нет.

Полторы сотни лет Россия не могла себе позволить три вещи, не хотела, наверное, или не понимала: создать армию как профессиональную военную корпорацию, основанную на собственной этике и идеологии государственной службы. Она не могла создать достойных условий службы и жизни своим офицерам и также офицерам запаса, конечно, и унтер-офицерам. У нас до сих пор отсутствует одна из базовых основ любой армии — это младший командный состав, добровольно контрактный. У нас неоткуда брать высший командный состав ни в теории, ни в практике.

Я, например, один из авторов доктрины военной 1993 года, послание президента по национальной безопасности и прочего много чего написал и т.д. Я знаю, как были мучительны поиски даже в то ельцинское время любых руководителей, которых можно было выдвинуть, скажем, на начальника Генерального штаба, на министра обороны и т. д., где все решал не профессионализм, а только лояльность. Поэтому мы имеем то, что имеем.

Хочу сказать, что как бы не были спланированы до 2010 года наши системы реформирования системы образования, они, я считаю, будут пересмотрены в самое ближайшее время. Предполагаемая система военного образования будет начинаться, как и сейчас, но уже официально с первичного военного образования. Первичное военно-государственное образование — это как раз сеть суворовских училищ, кадетских корпусов, военных лицеев и т. д., в которых не с 15 лет должны три года учиться. Вот как меня в 10 лет взяли, погоны Родина поставила, и мне дали образование. Я вышел оттуда переводчиком английского языка. Фехтование, танцы, этика, эстетика, философия — были предметами не факультативными. Это было образование. Не говоря там о математике, физике, географии на языке, истории на языке и т.д. Сейчас кто так обучает? У нас 5 млн. бездомных детей. У нас есть, кому поглотить, значит надо их поглощать, чтобы не они потом занимались государством, а чтобы государство сейчас занималось ими. Поэтому решение о сужении сети — безусловно будет пересмотрено.

Другие совершенно нужно параметры вводить. И когда мне говорят: там плохо, там плохо, нет денег содержать… Деньги появляются тогда, когда появляются приоритеты. Нет приоритетов — никакой военный бюджет ничего другого не выдержит.

Вторая ступень профессионального образования — это как раз то самое базовое образование, это те училища высшие, которые у нас были, где учились, по-моему, 4 года; если будут учить 5 лет, то три года можно обучать нормальным общечеловеческим предметам, всемирной истории, — воспитывать штатского, гражданского, высокоэрудированного человека, и на последних курсах, когда будет ясно, что он способен, хочет, не хочет, и тестирование покажет, чему он предназначен, тогда можно его специализировать: иди танкистом будь и т.д. Он кончает это все, получает высший диплом менеджера по управлению воинскими коллективами. И никакого у него там инженера по эксплуатации бронетанковой техники, чтобы на рынке труда, дай Бог, он был бы востребован в этом качестве, а не как зенитчик-наводчик.

Но и это еще не значит, что офицер до войск дошел. Вот когда он пятый год обучается, последний, перед выпуском он должен принять клятву офицера, не присягу, и тогда ему никогда не нужны контракты. И речь о том, что с 1995 года платное военное образование может получиться, кошмар какой-то. И Родина должна пойти на это и найти эти деньги. Контракты профессионалу не нужны, потому что профессионал служит, карьеру делает и вся служба — это его осознанный выбор, и он себя этому выбору, делу посвящает всего. Всех других по контракту можно нанимать, но это будут специалисты, а офицер — только и есть профессионал, поскольку он управляет насилием, а специалист его применяет на любом уровне.

Следующий этап, третья стадия — это высшее профессиональное военное образование. Это академии, то, чем сейчас занимается присутствующий здесь Леонид Золотов, который первую лекцию читает в своей академии, что такое знание, чтобы те прибывшие из Чечни герои, нахлынувшие, принятые в академию, знали, зачем они здесь. Люди, которые отрываются и в войсках не совершенствуются, не занимаются самообразованием, приходят нулевыми в Академию им. Фрунзе, скажем, и им надо по новой говорить, что он человек. История великая у России есть, чтобы они хоть фамилии знали. Не знаю, Николай или Николаев, по крайней мере, Суворова хоть в лицо узнавали, и т.д. До одной на вид и один на тыл — всю академию достаточно.

И самое высшее образование уже не это, а государственное образование, где Академия госслужбы и Академия Генерального штаба сливаются в единый комплекс подготовки государственных служащих. Это уровень министров, зам. министров, губернаторов, вице-президентов и т.д., где они обучаются только практике и философии государственного и военного строительства. Это элита воспитывается. Где они, выпускаясь, не экзамены сдают по стратегии, по наступательным операциям на континентальном ТВД, так сказать, а они пишут работу по существенным проблемам государственного и военного строительства. Если мы не пойдем таким путем, мы все равно придем к тому, что в Уссурийске надо сокращать, там Наздратенко дурак, поэтому все заморозил. Училище Верховного Совета надо сократить, потому что аналогичное есть в Ленинграде, но Путин оттуда. В этом маразме мы все будем жить. Надо менять и подходы, надо менять базу, и надо менять все цены.

При этом наши американские коллеги, я им крайне благодарен за то, что они приехали и сказали нам кое-что из своего опыта, хотя неполно, но те пять моментов, которые надо брать, я еще раз осмелюсь повторить.

— Малое число крупных учреждений.

— Система подбора абитуриентов. Там не просто так ведь получить две рекомендации, а у нас за взятку и т.д. можно что хочешь.

— Ротация преподавателей, чтобы они не были выпускниками того же училища, чтобы они приходили из войск. У нас в Генеральном штабе начальники управлений из порученцев. Одно дело колбаску резать, а другое дело войсками командовать.

— Гуманитарная составляющая программ. Это главное, что нужно менять, надо гуманизировать всю военную сферу.

— И это правовая обеспеченность военной реформы и, в частности, ее важнейшей части — высшего военного профессионального образования.

Т.МОНТГОМЕРИ — Спасибо, г-н генерал. Пожалуйста, полковник Вашурина, 5 минут. Женщины в вооруженных силах.

З.ВАШУРИНА — Спасибо за возможность выступить. Полковник Вашурина, Институт военной истории. Мне кажется, что, говоря об армиях наших государств, необходимо остановиться, может быть, совсем немного на феминизации армии. Потому что последнее десятилетие наблюдается увеличение количества женщин-военнослужащих во многих странах, которые различаются по уровню экономического, политического развития, вероисповеданию и культурным традициям. Это происходит из-за того, что многие государства сталкиваются с проблемой дополнительных источников комплектования вооруженных сил. И одним из возможных путей решения этой проблемы является привлечение женщин на военную службу во многих государствах.

Процесс феминизации воинской деятельности во всем цивилизованном мире стал всеобщим и закономерным. И события последних лет отчетливо подтверждают это. Я не буду сейчас приводить цифры. Если кого-то очень интересует, можно будет взять у меня этот материал.

Единственное, на чем я хотела бы остановиться, что сейчас почти в половине армий мира служит 700 тыс. женщин. Причем число их растет даже в тех странах, где традиционно к дамам в погонах общество относилось негативно. Из примерно 5 млн. человек общей численности вооруженных сил стран НАТО — женщины составляют 290 тысяч. Они служат в вооруженных силах 12 из 16 стран-членов НАТО. Наиболее известна призывом обоих полов израильская армия, причем там на службу призываются на основании всеобщей воинской повинности. Исключение в этом плане в НАТО составляют Италия, Люксембург, Испания и Исландия, которая вообще не имеет армии.

В настоящее время число женщин-военнослужащих составляет в армии США почти 14% от всего личного состава. Это более 220 тыс. женщин, в том числе более 34 тыс. женщин являются офицерами. В Израиле 20% составляют женщины, в Канаде — 10,6%, в Бельгии — 7%, в ФРГ — 1,2%, в Великобритании — 6%, в Испании — 4%. Женщины проходят не только в качестве солдат, сержантов и офицеров службу, но среди них есть и генералы. Например, в вооруженных силах США, если я не ошибаюсь, около 15 женщин-генералов и 10 адмиралов. Немало женщин служит и в самой штаб-квартире НАТО.

Российской армия так же повторяет путь, через который прошли вооруженные силы ряда стран мира. И все больше женщин выбирают военную службу по контракту в российских вооруженных силах. Однако следует заметить, что эта мера в нашей стране во многом оказалась вынужденной. Сегодня, когда так трудно решаются вопросы с призывным контингентом, увольняются в запас тысячи офицеров, прапорщиков, мичманов, проблема замещения мужчин на боевых постах становится более острой. Можно по-разному к этому относиться, но факт остается фактом. Присутствие женщин-военнослужащих положительно сказывается на боеготовности вооруженных сил.

В мае 1991 года приказом Министра обороны Российской Федерации значительно расширился перечень должностей, на которые могут назначаться женщины. Сейчас для них открыто 170 военно-учетных специальностей различного профиля из имеющихся 200 специальностей. В условиях некомплекта личного состава вооруженных сил доля женщин-военнослужащих будет постоянно расти. По данным Министерства обороны и средств массовой информации в вооруженных силах Российской Федерации в настоящее время служит свыше 120 тысяч женщин-военнослужащих. Это более 9,5% от общей численности

всего личного состава, в том числе порядка 3500 женщин являются офицерами. Среди них около 400 старших офицеров: 14 полковников, примерно 80 подполковников и более 350 майоров, свыше 1200 капитанов и 1300 старших лейтенантов, более 500 лейтенантов и около 120 младших лейтенантов, прапорщиков и мичманов в российской армии свыше 30 тыс. человек. Почти 50% от общего числа женщин-военнослужащих занимают командно-штабные должности: служат в военкоматах, в финансовых органах, и около 40% представляют инженерный и технический состав; 7% — это медики и 1,5% являются офицерами воспитательных структур. Многие заняты в сфере обслуживания: в армейском общепите, в различных мастерских.

В то же время нынешних женщин привлекает не только штабная работа, их интересуют и полевые специальности мотострелков, десантников, артиллеристов, механиков-водителей и летчиков. К примеру, капитан Светлана Протасова — единственная женщина в настоящее время в России, на сегодняшний день летающая на боевом истребителе МиГ-29. Она уже освоила управление пятью типами самолетов и может выполнять сложные фигуры высшего пилотажа. Подполковник Галина Кошкина освоила вертолет «Черная акула» и входила в состав международного женского перелета, приуроченного к 500-летию открытия Америки Колумбом.

В Кантемировской дивизии служат более 140 женщин по контракту, причем они занимают не только женские должности связистов, врачей, писарей, но и становится к орудийным прицелам и обучаются специальностям механиков-водителей боевых машин. По отзывам командиров, женщины-военнослужащие служебные обязанности выполняют безупречно, отличаются высокой дисциплинированностью, стойко переносят тяготы военной службы и по профессиональным качествам стараются не уступать своим коллегам-мужчинам, а по ряду показателей превосходят их.

Сегодня можно констатировать, что контрактной службе дан зеленый свет. Но наряду с этим очевидным становится и то, что в войска пришло немало проблем. Несколько слов о возможностях, предоставляемых женщинам, обучаться в военных учебных заведениях. В ряде стран мира женщины-военнослужащие наравне с мужчинами могут получить военное образование. Такой подход позволяет реализовать в армии принцип равноправия между мужчинами и женщинами. Что это дает? Прежде всего то, что женщины не будут занимать низшие воинские должности без перспективы дальнейшего роста, у них появится возможность сделать карьеру. Однако на сегодняшний день в нашей армии набор женщин в высшие военные учебные заведения практически отменен. Доучиваются в высших военных учебных заведениях около 500 женщин-слушателей и 400 курсантов. Однако есть и исключения.

В 2000 году в Финансовом Высшем военном учебном заведении в Ярославле был организован первый набор девушек-курсантов. Получив дипломы вуза, девчата пополнят офицерский корпус армии и флота. И хотелось бы надеяться, что в перспективе девушек вновь будут принимать не в виде исключения, а постоянно в военные институты, университеты и академии.

Результаты социологического исследования показывают, что каждая пятая студентка в настоящее время хочет стать офицером. Они даже не знают, что у них есть такая возможность стать профессионалом армии и флота, окончив гражданский вуз. Порядок поступления на военную службу для всех женщин вне зависимости от уровня образования один — в соответствии с федеральным законом о воинской обязанности, военной службе граждане женского пола на военную службу не призываются, а могут поступить на службу лишь в добровольном порядке, заключив контракт. Очень много проблем, но я не буду о них сейчас говорить.

Т.МОНТГОМЕРИ — Г-н полковник, к сожалению, вы знаете, мы к шести часам должны закончить и покинуть это помещение. Я извиняюсь. Генерал Симухин, пожалуйста, у вас 5 минут.

Г.СИМУХИН — Первый заместитель начальника Академии Федеральной пограничной службы генерал-лейтенант Симухин. Прежде всего, полностью поддерживая выступление генерала Владимирова, хотел бы развить некоторые направления решения проблем профессионального военного образования, в частности, оперативно-тактического звена, или как говорят наши американские коллеги, начиная с майора.

Полагаю, что сегодня уже назрела необходимость с учетом ближнесрочных, среднесрочных и долгосрочных перспектив социально-экономического, научно-технического и культурного развития страны и мира, бюджетного финансирования, дополнительных внебюджетных возможностей с учетом новых задач приступить к разработке единой для всех силовых структур совместно с нашими законодательными органами концепции нового поколения, отвечающей современным социально-экономическим условиям, направленным на многопрофильную, адаптированную к любым условиям обстановки подготовку дипломированного специалиста-управленца и благоприятных условиях магистра управления с определением их правового положения, прежде всего, в обществе.

Не вызывает сомнений, что наступивший век будет веком знаний, веком информации, веком развития новых технологий. Это потребует расширения масштабов и роста уровня образования, улучшения качества подготовки специалистов, а главное, развития самого человека, его созидательных способностей. В связи с этим разработка и внедрение новых подходов к организации образовательного процесса в системе военного образования и образования государственных специальных служб осуществляется по следующим направлениям, основные мероприятия по реализации которых целесообразно будет осуществить в два этапа.

Первый этап в 2000-2005 годы, и второй этап 2005-2010 годы. На первом этапе проводятся мероприятия, направленные на структурные преобразования всех компонентов системы образования.

На втором этапе, на основе уточненных задач при условиях экономического роста, естественно, если будет ежегодный прирост валового внутреннего продукта, ежегодно корректируются и реализуются, в основном, задачи внедрения высоких технологий в систему образования, основанных на них методах обучения и окончательного вхождения в международную систему образования. При этом необходимо: первое — по нормативно-правовой базе образовательного процесса — вхождение в единое федеральное образовательное поле, прохождение государственной аккредитации военными академиями, как высшему звену подготовки военных кадров. Академия федеральной пограничной службы прошла государственную аккредитацию в ноябре месяце на основе государственных образовательных стандартов на военные академии впервые второго поколения.

Крайне необходимо на первом этапе инициировать через Министерство образования вхождение в законодательную базу образования Российской Федерации де-факто всех военных учебных заведений. И не нужен свой отдельный закон об образовании, мое глубокое убеждение. В Закон об образовании, о высшем послевузовском профессиональном образовании, в частности, в главу 1 Государственного образовательного стандарта, в главу 2, в статью 9 «Образовательные программы», в статьи 19-23 «Ступени образования», в главу 3 «Управление системой образования» необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в части, касающейся особенностей системы военного образования и системы образования спецслужб.

Надо инициировать чрезмерное образование, переработку либо внесение изменений и дополнений в типовое положение о военном образовательном учреждении, где в обязательном порядке отметить те новые особенности, которые возникли в настоящее время.

Следующее. Уже сегодня наступила необходимость разработки — особенно подчеркиваю это, нам всем силовым структурам здесь надо собраться — государственного образовательного стандарта третьего поколения с новой структурой построения требований, особенно в плане непрерывного образования. Это введение дополнительных разделов, в частности, требования к межвузовской подготовке, образованности, эрудиции, интеллекту кандидатов для получения второго высшего образования бесплатно. Это повлечет за собой создание принципиально новых программ подготовки специалиста новой эпохи.

Особенно важно сейчас, я считаю, необходимо использовать возможности дополнительного образования. В частности, здесь могут быть учтены и интересы выпускников гражданских образовательных учреждений. Это разработка и внедрение в образовательный процесс — а возможность предоставлена приказом министра образования № 2370 от 2000 года — государственного образовательного стандарта дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки, а также перечень направлений дополнительного профессионального образования сотрудников вооруженных сил и спецслужб. Это потребует, естественно, подготовки образовательных программ под требования государственных образовательных стандартов дополнительного образования и закрепления в нормативном плане потоков по определенным специальностям, что значительно облегчит и улучшит качество подготовки.

Хотелось бы здесь особенно подчеркнуть, что новое поколение государственных стандартов позволит нам, с одной стороны, углубить методологическое и методическое взаимодействие всех звеньев системы непрерывного образования во всех силовых структурах. С другой, позволит подготовить научно-методические основы для разработки и внедрения системы управления качеством подготовки выпускников. В-третьих, это будет способствовать развитию информационных технологий в сфере высшего профессионального образования и дополнительного образования. В-четвертых, новые государственные стандарты расширят академические свободы и диверсификации содержания и способов реализации образовательных программ. И, наконец, это позволит обеспечить преемственность государственных образовательных стандартов от суворовского училища до военного училища, до военной академии и до высшей ступени Академии Генерального штаба, Академии госслужбы.

Важным направлением в обеспечении новых подходов в организации образовательного процесса является повышение качества подготовки специалистов. Здесь, прежде всего, необходимо, это предложение на сегодняшнем семинаре хочу, чтобы прозвучало, разработать и внедрить внутриакадемические системы мониторинга и управления качеством подготовки специалистов, используя уже имеющийся опыт министерства образования. В интересах повышения эффективности государственной системы военного образования и системы образования госспецслужб необходимо объединить усилия ученых различных ведомств, создав центр проблем качества подготовки кадров на первом этапе уже сейчас в 2001-2002 году, всех силовых структур. Мы готовы предоставить базу Академии федеральной пограничной службы и уже имеющийся опыт прохождения нами государственной аккредитации и работы с таким центром.

Данное межведомственное структурное подразделение, развернутое под эгидой Министерства образования, могло бы решать следующие важные задачи: интегрировать имеющиеся перспективные разработки в области качества подготовки кадров в образовательную среду вузов всех ведомств; создавать проекты и реализовать совместно с другими заинтересованными структурами федеральные программы, направленные на совершенствование образования; обобщать передовой опыт в области подготовки кадров в России и за рубежом; осуществлять образовательную деятельность в интересах повышения квалификации специалистов высшей школы и издавать на определенных основаниях межведомственные педагогические сборники, и реализовывать в рамках внебюджетной деятельности собственные разработки и программы.

Следующее. Создание резерва стабильности функционирования вузов, кадрового обеспечения подготовки, переподготовка кадров. Это то, о чем говорил генерал Владимиров, это резерв

стабильности вузов, лучших вузов. Создание и обеспечение через заказчиков и возможностей учебно-методической (?) действительной системы непрерывного образования на высокий технологический уровень всех образовательных возможностей всех уровней. Спасибо.

Е.ПОПОВА — Попова Елена Петровна, Министерство образования Российской Федерации, начальник отдела технического и технологического образования. По выступлениям, которые прозвучали здесь, я бы хотела информировать присутствующих о том, что Министерством образования создан координационный совет по вопросам военного образования, куда вошли представители всех военных ведомств, имеющих подведомственные высшие учебные заведения. Этот координационный совет, собственно, и занимается вопросами и структуры военного образования, содержанием военного образования, вопросами качества подготовки, образовательными технологиями. Те последние выступления, которые сейчас прозвучали от генералов, — это как раз те вопросы, которые мы готовы обсудить на ближайшем заседании координационного совета. Это будет очень своевременно, потому что структура военного образования сейчас настолько важна в связи с определением его содержания образования. Министерство образования совместно с ведомствами сейчас утверждает государственные стандарты по военным специальностям. Поэтому какие стандарты, по каким специальностям мы будем совместно нарабатывать и утверждать — это не требует отлагательства, это нужно обязательно сейчас уже нам и решать.

В части деятельности этого координационного совета. Это очень важный новый орган. Он создан в прошлом году. Будем разворачивать его деятельность в части и информации ведомств и военных учебных заведений по обмену опытом, в том числе и материалы данного семинара и совещаний, если они будут опубликованы, мы бы просили представить нам, в наш межведомственный совет. Спасибо.

Т.МОНТГОМЕРИ — Спасибо. На этом мы закончим сегодня. Надеюсь, всех Вас увидеть на ужине.

Вторник, 13 февраля

В.ШЛЫКОВ — Так как цель нашего семинара, в первую очередь, ознакомиться с американской системой профессионального военного образования, то мы решили дать американским докладчикам немного больше времени, чем вчера, около 25-30 минут, а в отношении российских докладчиков оставить старый регламент 15 минут, потому что у нас больше возможностей общаться друг с другом. Используем сегодня как можно больше потенциал наших американских коллег. На выступление 5-7 минут, как и вчера. Вопросы до двух минут. У меня уже есть три записавшихся.

Первым выступает сегодня, как вы знаете по повестке, генерал Монтгомери — «Сущность и роль общегуманитарных (либеральных) дисциплин в военном образовании». Пожалуйста, г-н генерал.

Т.МОНТГОМЕРИ — Большое спасибо. Хотя времени у меня действительно немного, я все-таки начну с небольшой шутки. Когда командовал, меня вызвали в Белый дом и решили вручить награду. И когда мне награду вручили, в Белом доме, повторяю, он посмотрел на меня и сказал: генерал, я знаю, ты что-то хочешь сказать. Я совершенно был не готов сделать какие-то ремарки по случаю такого награждения. Я сразу стал говорить о генерале, о его водителе, который был захвачен полицией в свое время, и полиция решила приговорить его к смертной казни. Спросили о его последнем желании, прежде чем казнить. Они обратились к капитану, т.е. адъютанту этого генерала, и спросили, в чем состоит твое последнее желание. Последнее желание этого капитана оказалось — написать письмо своим родным. Обратились к генералу,

тот сказал, что хотел бы сделать свою последнюю речь. С учетом этого захватчики обратились к водителю. Тот сказал: я хочу, чтобы вы меня казнили, прежде чем мой генерал будет выступать с речью... Сегодня никаких больших речей не будет. Я сказал своему президенту тогда, что никаких спичей произносить не буду, просто я очень коротко поблагодарил. В свое время меня просто в дрожь бросало от того, что я начал с анекдота в Овальном кабинете Белого дома.

Вчера мы говорили об истории нашего вопроса, о профессиональном военном обучении. Мы коснулись некоторой специфики. Сегодня хочу сделать в рамках своего сообщения. Я поговорю о практическом аспекте, о практической стороне профессионального военного обучения. В качестве модели я возьму систему, приемлемую в сухопутных войсках Соединенных Штатов. Я распределил здесь раздаточный материал, через некоторое время мы пройдем по нему. Прежде чем коснуться этого, мы действительно прошли определенную эволюцию. Конечно, мы не можем похвастаться 300-летним периодом развития профессионального военного обучения. Наши военные колледжи, школы и военные академии имеют свою историю, свою эволюцию. То есть мы постоянно занимались вопросами совершенствования военного обучения с учетом задач, стоящих на будущее. Для нас очень крупным событием, например, в рамках развития военной школы, было наше участие в военной деятельности во Вьетнаме. Это толкнуло нас на совершенствование именно профессионализма в рамках подготовки военных специалистов для вооруженных сил. Особенно, я говорю, в плане профессионального развития по всем военно-учебным специальностям.

В модели, которые я буду с вами сегодня рассматривать, коренится исследование армии США XXI века. Два-три года назад это исследование было закончено, и тогда это исследование предложило облик сухопутных войск Соединенных Штатов на начало XXI века. Сегодня утром я хочу доложить основные выводы этого исследования в рамках этой перспективы и о том, как мы готовим командный состав, какими навыками должны обладать. Это все делается с учетом достижений в области науки и техники, с учетом текущего стратегического момента и на перспективу.

Следующий слайд, пожалуйста. Модель подготовки руководящего состава для сухопутных войск и других видов вооруженных сил примерно одинакова. Мы вчера уже об этом говорили. В нашей системе, если вы помните, я вам говорил, у нас есть военная академия видов вооруженных сил. Мы говорили и о военных академиях как о высших военных учебных заведений, дающих первичное образование. Они по программе учебного плана равноценны университету, но они называются именно академиями: академии Вест-Пойнт, сухопутных войск, ВВС, ВМС и даже академия береговой охраны.

Другой элемент — это система военных специализированных школ в рамках сухопутных войск Соединенных Штатов. Об этом я еще поговорю через некоторое время.

Еще есть такой крупный столп, если говорить о столпах в системе военного образования — это система подготовки сержантского состава, в рамках которой используются все возможности для того, чтобы совершенствовать не только сержантско-офицерский состав на основе самостоятельного совершенствования, но и используя возможности гражданской высшей школы. У нас порядка 90-95% имеют так называемые степени бакалавра. То есть свидетельство об окончании высшей школы.

Второй этап — это какое образование получают наши молодые люди до получения первого офицерского звания. Первое офицерское звание получают после окончания академии видов вооруженных сил или по линии военных кафедр крупных колледжей и крупных университетов Соединенных Штатов. Они, кстати говоря, дают основную часть офицеров. Многие университеты в Соединенных Штатах имеют такие военные кафедры. Обучение там сугубо добровольно. Если вы отвечаете предъявляемым требованиям и действительно готовы посвятить часть своей жизни службе в вооруженных силах, то вначале дается базовая подготовка, а последние два года в рамках университета более специализированная

подготовка. Если вы удовлетворяете соответствующим требованиям, вам присваивается первое офицерское звание в том или ином виде вооруженных сил.

В большинстве университетов, как правило, военные кафедры специализированы и ориентированы на сухопутные войска, а ряд кафедр — на ВВС и ВМС. Я говорил 90-95%, но в среднем все-таки 85% офицеров мы получаем по линии военных кафедр, на которых присваивается первое офицерское звание для действительной службы. Если после какого-то определенного периода молодой человек принял решение посвятить свою жизнь военной карьере, то он имеет возможность сделать такой выбор.

После окончания такой кафедры в том или ином университете или колледже молодые люди имеют возможность вступить на действительную службу, получив первое офицерское звание. Но, разумеется, требования, предъявляемые к таким молодым людям, меняются в зависимости от их дальнейшего предназначения.

Что касается развития командных навыков — оно тоже систематизировано по мере прохождения службы. Это предполагает обучение в рамках той или иной академии и практическую подготовку. В конце вы видите цели. Цель состоит в том, чтобы подготовить широко разветвленный корпус командиров, обладающих необходимыми качествами, характеристиками, навыками, действиями для выполнения тех или иных обязанностей в интересах обеспечения безопасности страны.

Еще один слайд. Я знаю, что вас больше всего интересует, как ведется подготовка сержантского состава. Сержантский состав, особенно в плане развития командных навыков, напоминает систему подготовки офицерского состава. То есть примерно мы следуем тем же шагам, и вообще философия подготовки примерно та же, что и для подготовки офицерского состава, особенно когда речь идет о формировании профессиональных навыков и умений и командных навыков и умений. На этом слайде вы видите целую систему курсов, школ подготовки сержантского состава. То есть с одного уровня на другой можно перейти, только удовлетворив тому или иному набору требований и критериев.

На высшем уровне в системе сержантского состава имеется так называемый главный курс для сержантов сухопутных войск. Они также получают подготовку в плане именно формирования навыков по управлению личным составом на своем уровне. На этом этапе мы, как правило, переходим к тому, что большинство старшего сержантского состава имеют степень бакалавра или магистерские степени. Это уже когда они выходят на самый высокий уровень в рамках своей категории. Наша цель здесь состоит в том, чтобы сформировать такие профессиональные навыки и командные навыки, чтобы они действительно соответствовали тем задачам, которые стоят перед командным составом сухопутных войск или другого вида. На это мы обращаем огромное внимание, именно вопросам формирования в плане обучения и в плане практической подготовки.

Следующий слайд. Позвольте несколько слов сказать об академической подготовке офицеров сухопутных войск. Я уже говорил вам о подготовке по линии военных кафедр в колледжах и университетах, которые дают 85% или 90% офицерского состава, и кадетах, которые проходят подготовку в военных академиях видов вооруженных сил. Там они получают, кстати говоря, и общее образование, то есть изучают военную историю, гуманитарные дисциплины, формируют профессиональные навыки и умения, знакомятся с профессиональными критериями и требованиями в плане Кодекса поведения, в плане основных ценностей, которые лежат в основе подготовки офицерского состава. Кадетам дается весь комплекс знаний, на основе которых они формируют необходимые навыки и умения для того, чтобы быть полноценными офицерами, когда получат первое офицерское звание. Это те факторы, которые позволяют нам все-таки обеспечивать с той или иной мерой гарантии говорить о том, сколь успешен перспективно будет тот или иной офицер или нет.

Другой этап, так называемый основной или базовый курс подготовки офицера. В рамках этого курса мы уже определяем, какая специализация будет у офицера, какую школу затем он должен заканчивать, чтобы специализироваться по тому или иному роду сил или службе. Далее

система подготовки включает так называемые продвинутые курсы подготовки офицерского состава. Как правило, они ориентированы на тот или иной род войск или службу. Курс обучения максимум до 18 недель.

Существуют так называемые дополнительные среднего уровня курсы на базе учебного центра Ливенуорт, где проводится подготовка для замещения командных и штабных должностей. У меня был в свое время опыт работы штабной, командной, поэтому я прекрасно представляю, какую подготовку получают мои подчиненные, прежде чем занять ту или иную должность. Особенно когда речь идет о капитанах, майорах. То есть 18 недель вполне достаточно для того, чтобы подготовить офицера в звании капитана для занятия той или иной штабной должности на уровне батальона, бригады или дивизии.

Если посмотреть на другие курсы, в рамках которых ведется подготовка офицеров для занятия штабных должностей или командных должностей по родам войск и службам, то система примерно такая.

Чтобы поступить в командно-штабной колледж, необходимо пройти, выдержать определенный конкурс. Здесь дается подготовка для проведения совместных операций, объединенных операций, общевойсковых операций, миротворческих нетрадиционных операций. То есть в рамках учебного плана в этом учебном заведении дается подготовка по всему спектру военных операций как традиционных, так и нетрадиционных. Здесь отбираются подполковники, полковники на очень жесткой конкурсной основе. Порядка 15% желающих отбирается для того, чтобы поступить в этот командно-штабной колледж.

Каждый вид вооруженных сил у нас имеет все эти уровни подготовки, начиная от первичного уровня и заканчивая командно-штабным колледжем. Обучающиеся там знакомятся на уровне знаний с оперативно-стратегическими дисциплинами, с взаимоотношением между государственными учреждениями и ведомствами, а не только с задачами министерства обороны, и естественно в рамках той специальности, на которую они будут ориентированы. Все это происходит на уровне соответствующих достижений науки и техники, с учетом информационных технологий, с учетом текущего момента на региональном, международном уровнях. Конечный результат нашей работы заключается в том, чтобы дать широкое образование, необходимое для формирования современных навыков и умений, позволяющие офицерам после окончания командно-штабного колледжа вида вооруженных сил занимать соответствующие уровни.

Я вам передал отдельный листочек. Если офицер служит порядка 25-30 лет на действительной службе, то как же выглядит система прохождения, т.е. модель прохождения военной службы офицера. Все эти военные школы, академии, курсы, за исключением командно-штабного колледжа, я об этом не буду говорить, капитан Тун вам доложит о нем. Здесь вы видите основной курс, после которого кадеты получают первое офицерское звание, капитаны, где дается более высокий уровень подготовки. И дальнейшее обучение. В качестве примера, навыки и умения ведения совместных операций формируются, как правило, в командно-штабных колледжах видов вооруженных сил.

Если посмотреть на вторую колонку, где речь идет о капитанах, они, как правило, получают две специальности, две квалификации: и как менеджера, и как руководителя того или иного подразделения. Часто, как правило, это лица, которые прошли подготовку в том или ином колледже, университете с учетом того, что они нам дают огромное количество офицерского состава, или лица, имеющие определенную степень. После того как капитан становится майором, существует, утверждается аттестационная комиссия, которая смотрит на то, как ориентировать офицера: то ли по линии бронетанковых войск или переориентировать его на другой род сил и войск или службу. В основном на этом уровне уже принимается решение в плане именно ориентирования офицера с учетом его развития военно-учетной специальности. Здесь имеет место так называемый период конкурентных отношений с другими офицерами именно в звании капитана. На этом уровне аттестационные комиссии принимают решения относительно того, в каком направлении будет развиваться офицер.

Такого рода продвижение офицеров осуществляется в рамках именно 25-30-летней карьеры офицера на действительной службе.

На этом этапе, после 5-10 лет, по мере того, как офицер получает новые звания, он все более и более приобретает навыки ведения совместных операций, обучается совместным действиям, приобретает все больший опыт. Согласно закону о реформировании вооруженных сил Голдуотера-Николса, 4-й раздел именно требует, чтобы совместная подготовка офицеров имела соответствующую подготовку. Даже сейчас исключено, чтобы генералы Соединенных Штатов не имели бы совместной подготовки для занятия соответствующих штабных или командных должностей. Совместная подготовка обеспечивается командно-штабными колледжами. Такая модель прохождения службы офицерами в настоящее время активно внедряется в вооруженных силах Соединенных Штатов. Примерно такая же система существует и по другим видам вооруженных сил: ВВС, ВМС, корпус морской пехоты, с некоторыми особенностями и отличиями возможными.

Следующий слайд. Вы видите, что профессиональное обучение и развитие офицерского состава начинается на раннем этапе и продолжается в течение всего периода совершенствования знаний, навыков и умений сержантского, офицерского состава. Мы особое внимание обращаем развитию именно сержантского состава, потому что корпус сержантов играет огромную роль в обеспечении квалифицированного и качественного управления вооруженными силами. Мы, как правило, стремимся к тому, чтобы руководящие кадры именно должны обладать такими знаниями, навыками и умениями, которые бы обеспечивали именно образец поведения того или иного командира на том или ином уровне. На этом я закончу и готов ответить на те вопросы, которые возможно у вас есть.

В.ШЛЫКОВ — Крайне интересное сообщение. Какие будут вопросы к генералу? Пожалуйста, Юрий Александрович.

Ю.БЫСТРОВ — Вице-адмирал Быстров Юрий Александрович. Г-н Монтгомери прекрасно рассказал, как готовится командный состав вооруженных силах Соединенных Штатов Америки. Не мог ли кто-нибудь из коллег из Соединенных Штатов Америки рассказать, как осуществляется подготовка к плаванию командиров атомных подводных лодок Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки.

В.ШЛЫКОВ — Я думаю, что на это потребуется немало времени. Тем не менее, вопрос к американским коллегам.

Т.МОНТГОМЕРИ — К сожалению, у нас здесь нет подводников. Дело в том, что это настолько уникальная специальность, подводники. У них целый ряд специфических особенностей подготовки к выходу в плавание. Вы понимаете, что там научно-техническая подготовка не только боевая или полевая подготовка, подводники в целом выпадают из этой модели, которую я вам доложил только что, потому что они требуют особой подготовки. В этом случае, я скажу, что эта система для них не годится. Я согласен с вами, что об этом мы, к сожалению, подробно не можем говорить. А если говорить о начальном этапе подготовки, на более высоком этапе подготовки офицеров в рамках профессиональной подготовки, особенно если говорить о колледже ВМС США, штабном колледже совместных сил, ВМС уделяет огромное внимание формированию профессиональных навыков, как никакие другие виды вооруженных сил: то ли вы подводник, то ли вы надводник. Как правило, перед выходом в плавание получают минимум год профессиональной, технической и командной подготовки. Даже подводники нуждаются в курсах, которые формируют способности именно ведения совместных операций. Совместные курсы читаются и для подводников.

Одним из последствий введения принципа совместности при обучении является то, что виды вооруженных сил становятся все более и более привержены, я бы сказал, принципу профессионализации обучения. То есть модель обучения офицерского состава, направленная на совершенствование профессиональных навыков, охватывает все категории офицерского состава. Сейчас этот принцип настолько важен, что учебные планы реформируются с учетом именно большего упора на те курсы, которые позволяют именно наиболее способным офицерам решительно развить свои способности и навыки на уровне командно-штабного колледжа, прежде всего, вида вооруженных сил и далее, на уровне высших курсов.

А.ВЛАДИМИРОВ — Генерал Владимиров, Коллегия военных экспертов. Уважаемый господин генерал, я бы задал два вопроса. Первый вопрос. Я хотел попросить вас остановиться несколько более подробно об облике сухопутных войск США XXI века. И, во-вторых, рассказать хотя бы в общем плане о законе Голдуотера-Николса 1986 года: что за документ, что за закон, хотя бы какие разделы и сферы обнимает. Спасибо.

Т.МОНТГОМЕРИ — По этому вопросу Арчи Бэрретт будет докладывать. Он эксперт по этим вопросам и подробно ответит на них. Пожалуйста, Арчи, будьте любезны ответить.

А.БЭРРЕТТ — Коротко я могу объяснить следующее, что закон Голдуотера-Николса касается вопросов реформирования. Там содержится шесть разделов. Первый раздел касается организации аппарата министра обороны, посвящен именно аппарату министра обороны.

Второй раздел касается КНШ и объединенных и командований. Это в рамках юрисдикции именно КНШ, то есть там решается вопрос о подчиненности, о взаимосвязи между объединенными командованиями: рассматриваются их статус, их функции, полномочия и т.д. В нем также содержатся положения о реформировании именно взаимоотношений между командованиями, допустим центральное, европейское командование и другие командования.

Третий раздел касается управления министерства обороны, именно управления. Это уникальный раздел в рамках текста этого закона. Там речь идет вообще о полной структуре вооруженных сил, но подробно об этом сейчас говорить не буду.

Четвертый раздел касается именно внедрения принципа совместности подготовки сержантского и офицерского состава, о чем мы сегодня говорим. Принцип совместности предполагает, что офицеры на определенном уровне должны иметь соответствующие знания, навыки и умения для того, чтобы именно занимать должности, предполагающие способность управлять совместными боевыми действиями. В рамках этого раздела содержится целый ряд положений, определяющих систему подготовки, предлагаются направления реформирования, совершенствования профессиональной военной подготовки в плане не только расширения кругозора молодого офицера, который начинает военную карьеру, получив именно узкую специальность, но и с учетом дальнейшего расширения этого кругозора для того, чтобы постепенно тот или иной офицер имел возможность занять так называемую совместную должность, т.е. должность, предполагающую знания совместных операций.

Пятый раздел закона Голдуотера-Николса касается совершенствования различного уровня штабов.

И последний, шестой раздел касается так называемых разных вопросов: правового взаимодействия министерства обороны с различными комитетами Конгресса, с администрацией, с различными ведомствами. Там дается положение о ежегодном документальном цикле, который рассматривается.

Дж.ТУН — Я небольшой эксперт по другим вопросам, но думаю, что учитываются и вопросы перспективы, то есть различные возможные угрозы, роль вооруженных сил, трансформация

вооруженных сил и другие меры, которые изучаются, рассматриваются, которые необходимо будет осуществлять в контексте возможно будущих угроз. Сейчас в вооруженных силах происходят трансформации, изменения большие. Сейчас большая часть вооруженных сил готовится к быстрому развертыванию, к использованию каких-то легких систем вооружений и к тому, чтобы успешно осуществлять не только боевые действия, но и выживать на поле боя.

Операция «Буря в пустыне», вы знаете, потребовала достаточного времени на подготовку. Это показало то, что решения необходимо принимать достаточно быстро, заранее, и при этом учитывать те технологии, те системы вооружения, которые должны использоваться. Такие трансформации, такие изменения происходят, и частично, конечно, это отражается и на профессиональном военном обучении. То есть разрабатываются новые требования к тем навыкам и умениям, которыми должны обладать офицеры. То, что показано на этом слайде.

Что значит новое в этой модели? Это то, что вместо того, что офицер будет служить только, допустим, в танковых войсках или каких-то научно-военных подразделениях, мы осуществляем такое обучение с тем, чтобы офицеры могли повышать свой профессионализм по различным направлениям и с тем, чтобы в течение своего срока службы офицеры служили на различных должностях. Может быть, вам будет также интересно узнать, что если вы не работаете, допустим, в оперативном направлении, то вам не доверят командную должность. То есть все командиры батальонов, бригад назначаются именно из тех, кто уже прошел оперативную подготовку. Например, есть у нас другие офицеры, которые работают, допустим, по обеспечению боевых действий. Тем не менее, продвижение по службе будет зависеть от того, на каких должностях вы служили ранее.

Такие положения содержатся в нашем докладе, в нашей инструкции по созданию сухопутных войск XXI века.

Т.РЕЙЛИ — Я Том Рейли, помощник военного атташе сухопутных войск. Я офицер-сухопутчик, пехотинец. Я, может быть, немного поздно подключился к этому процессу, о котором рассказывал генерал, т.е. это изменения, которые произошли буквально в последние два года. Лично на меня это повлияло несколько лет назад только. Я очень рад, что такие изменения произошли. И как сказал наш генерал, до этого, например, я как офицер внешних сношений должен был конкурировать с офицерами-командирами с тем, чтобы получить звание, допустим, подполковника или полковника. То есть мне необходимо было пройти обучение в одном из наших военных колледжей. А сейчас, поскольку меня назначили работать по этой специальности, то мне уже конкурировать с другими офицерами других специальностей не приходится.

Конечно, наш атташат не очень большое подразделение. Мы можем, конечно, занимать какие-то командно-штабные должности и выполнять штабную работу. Тем не мене мне очень нравятся те изменения, которые имели место. Это очень хороший шанс нам дает, например, лично мне, чтобы получить звание полковника и получить соответствующее образование.

И последний момент, на котором я хотел бы остановиться. Опять-таки я хотел бы дать вам некоторое представление о том, насколько важно получить военное профессиональное образование в сухопутных войсках и в других видах вооруженных сил. Я полностью согласен с г-ном Бэрреттом, что существует разница между культурами, существующими в видах вооруженных сил, например, в ВВС и сухопутных войсках, хотя шансы или возможности офицера получить дополнительное военное образование либо в военном заведении вида вооруженных сил, или в гражданском университете достаточно велики.

Я уже служу 19 лет, я свой диплом получил в гражданском университете и закончил программу подготовки офицеров резерва. Из этих 19 лет почти или даже свыше 5,5 лет я учился на тех или иных курсах. Я учился в языковом училище, в училище пехотном и заканчивал другие курсы. Практически треть моей службы прошла за партой. Честно говоря, это совершенно не экстраординарный случай. Я бы сказал, что это обычная практика для всех офицеров,

допустим, сухопутных войск. Тем не менее, говоря об офицерах ВМС, если бы я столько много не учился, я бы никогда не достиг своего нынешнего звания.

То есть для моряков либо вы служите на корабле, либо вас не признают своим. Вы для моряков будете «не их». Такие различия, конечно, существуют между видами вооруженных сил и в плане профессионального военного образования. Я думаю, что это отражает то, как в различных видах относятся к различным положениям. В сухопутных войсках образование, конечно, ставится на первое место для офицеров, работающих в области внешних сношений. Вы знаете, наступили такие хорошие изменения, о которых я вам говорил. Я думаю, что в ВВС и в ВМС происходят аналогичные изменения. Спасибо.

А.ВЛАДИМИРОВ — У меня один вопрос к г-ну Рейли. Сколько раз за 19 лет вы подписывали контракт?

Т.РЕЙЛИ — Я офицер регулярной действительной службы. Я служу своему президенту естественно. У меня нет какого-то официального контракта.

Т.МОНТГОМЕРИ — То есть он подписал контракт, когда ему давали лейтенантское звание.

А.ВЛАДИМИРОВ — Вы когда-нибудь еще подписывали контракт?

Т.РЕЙЛИ — Нет, меня произвели в офицеры после окончания программы подготовки резервистов. Я получил специальную стипендию для обучения по этой программе. Поэтому я был обязан, учась в гражданском университете, в течение 4 лет проходить эту программу подготовки офицеров резерва. Я подписал контракт и продолжаю по нему служить. То есть офицер подписывает контракт, когда он действительно поступает на действительную службу. Если он заканчивает какие-то курсы или учебные заведения, он может подписать еще контракт на обучение. Сейчас у нас больше, в общем-то, никаких контрактов не подписывается. Предполагается, что офицер будет служить до тех пор, пока он сам не примет решения об увольнении, или этот офицер не сдаст какие-то нормативы для продвижения по службе. Если такое случается дважды, то по собственному желанию такие офицеры увольняются.

А.ВЛАДИМИРОВ — Последний вопрос был специально задан мною для наших американских товарищей. Он был задан для того, чтобы наши российские военные услышали ответ, поскольку проблема контрактов является одной из тяжелых проблем в нашей армии. На мой взгляд, она, конечно, не в той плоскости решается. Очень жалко, что здесь нет представителя транспортного цеха, который вчера выступал здесь, Сидоренко, чтобы он услышал из ваших уст ответ по контрактам. Это очень важно с точки зрения методологии подготовки офицеров и их службы. Спасибо большое.

Ю.ГОЛОТЮК — Г-н Монтгомери, разрешите мои сомнения, пожалуйста. Насколько я понимаю, качественная подготовка военнослужащего, будь то офицер или сержант, возможна лишь в том случае, если он четко представляет себе те угрозы, которые он должен локализовать, отразить в ходе своей службы. Таким образом, видимо, в военных программах, программах обучения должны как-то конкретизироваться возникающие угрозы, вызовы, должен в каком-то виде конкретизироваться потенциальный противник. Вы не могли бы остановиться на этом вопросе. Спасибо.

- У нас есть национальная военная стратегия, оборонная стратегия, в которой определены все параметры. Мы говорим о том, что должны быть готовы вести две войны средней интенсивности почти одновременно, вы знаете об этом. Помимо этого какие еще возможные угрозы? Там тоже они перечислены, в нашей национальной оборонной стратегии. И, наконец, сегодня мы должны содержать наши вооруженные силы в готовности отражать любую возникающую потенциальную угрозу, будь то крупномасштабная война или региональный конфликт. Сейчас, конечно, большое внимание уделяется способности наших вооруженных сил вести миротворческие операции. И во время предвыборной кампании это был один из вопросов, на котором останавливался и нынешний президент Буш, который сказал, что, может быть, нам не стоит так активно участвовать в этих миротворческих операциях на долгосрочную перспективу. Он имел в виду наше участие в миротворческой операции в Боснии.

Я не знаю, как это будет дальше развиваться и что наилучшим образом соответствует интересам нашей страны, но это факт, от которого никуда не денешься. Конечно, у нас сейчас нет больше какой-то глобальной конфронтации, например, с бывшим Советским Союзом, но есть другие угрозы. Нас беспокоят государства-изгои: Иран, Ирак, Северная Корея, которые могут угрожать территории США. Пожалуйста, не просите меня говорить о национальной противоракетной обороне. Это очень тяжелый и длинный аспект. Сейчас, вы знаете, существуют такие стратегии, которые будут в скором времени перерабатываться представителями новой администрации. Тем не менее, такие решения будут иметь большое значение для того, как будет в дальнейшем осуществляться подготовка наших офицеров наших вооруженных сил в целом.

А.ГРИГОРЬЕВ — Скажите пожалуйста, какова современная система оценки профессиональных и нравственных качеств офицера в Соединенных Штатах Америки?

Т.МОНТГОМЕРИ — Я могу вам только сказать мое мнение по этому вопросу. Может быть, еще кто-то разъяснит из моих коллег. Что касается морально-нравственных качеств, я думаю, что они в наших вооруженных силах находятся по-прежнему на высоком уровне. Возможно, существуют какие-то проблемы о том, как удержать офицеров среднего звена, например, капитанов. Это отражается частично в том, что мы сейчас наблюдаем в наших вооруженных силах. Это связано с сокращением наших вооруженных сил процентов на 30. Честно говоря, люди, которые послужили в Боснии, еще где-то, им тяжело расставаться с вооруженными силами. В общем-то, этот процесс достаточно нормальный в любых вооруженных силах.

У нас есть дивизия ВДВ, которая расположена в штате Кентукки. Там морально-волевые качества очень высокие. Но если кто-то прослужил, допустим, в Европе, на Балканах, в других странах НАТО, то там уже обстановка немного другая. Поэтому мы используем такую систему ротации. И даже наши национальные гвардейцы, национальная гвардия, готовятся к тому, чтобы отражать какие-то угрозы на территории Соединенных Штатов.

У нас молодые офицеры больше времени хотят уделять своим семьям и жить немного по-другому, чем наше более старшее поколение. Это тоже определенная проблема. В мои годы в армии были какие-то тоже кризисы, наблюдались очень радикальные сокращения вооруженных сил. После Вьетнама у нас были ужасные проблемы в области морально-волевых качеств наших офицеров. Естественно, при постановке каких-то задач мы учитываем все эти аспекты. Мы хотим достичь такого положения, когда будем уверены в том, что наши вооруженные силы с этими проблемами будут успешно справляться. Конечно, мы воспитываем гордость за принадлежность к военной профессии. Я думаю, с точки зрения этических ценностей в наших вооруженных силах положение очень хорошее. Кто-нибудь еще хочет прокомментировать из моих коллег?

А.БЭРРЕТТ — Я бы повторил то, что сказал генерал Монтгомери. Я недавно уволился из вооруженных сил. Моральные качества у нас находятся на высоком уровне, я могу только подтвердить. Очень высокая степень соблюдения этических ценностей, я бы так их назвал. Есть, конечно, некоторое разочарование в связи с сокращениями вооруженных сил, и есть даже определенная конкуренция по вопросам продвижения по службе. Это тоже вызывает различные трения. В этом случае, я бы даже не распространял на всю армию, это конкуренция и различные трения между отдельными офицерами. В условия, когда у нас очень хорошая экономика, то, конечно, большой соблазн для талантливых офицеров закончить службу, перейти на гражданку, найти очень хорошую, высокооплачиваемую работу. Поэтому это тоже может иногда вносить какие-то нарушения в нашу стройную систему морально-волевых качеств. Есть такое.

Могу честно вам сказать, что в целом для вооруженных сил беспокоящий момент то, что офицеры среднего звена, например, командиры рот, пытаются уволиться из вооруженных сил. Опять-таки, я бы не связывал это с какими-то вопросами морально-нравственных, волевых качеств. Здесь действительно больше всего беспокоит конкуренция в связи с сохранением своей должности, себя в армии.

Подполковник из атташата выступал. Он, наоборот сказал, что такие изменения благоприятно сказываются, в частности, на его карьере. Но, действительно, у молодых офицеров в звене капитанов есть такие сомнения: достигнут ли они когда-либо звания полковника, получат ли они хорошие должности. Есть область работы, или службы в области внешних сношений. Если кто-то назначен работать в атташат, не имея специальной подготовки, проработав допустим 3 месяца и показав себя с хорошей стороны, такого офицера могут направлять на повышение квалификации. Я 34 года прослужил в армии. Конечно, я видел очень плохие времена для вооруженных сил. И сейчас я могу сказать, что обстановка нормальная, хорошая.

Я бы сказал, что переход на профессиональную армию принес с собой очень много положительных моментов. Во-первых, наши молодые офицеры получили как бы право голоса. То есть их сейчас слышат, их проблемы рассматриваются. Мы получаем как бы обратную связь и можем с этой точки зрения уже рассматривать достоинства и недостатки нашей системы, предотвратить ее от того, чтобы она становилась менее эффективной. То есть всегда мы в армии оставляем для наших офицеров место для совершенствования, для роста, и мы постоянно следим за тем, чтобы все негативные моменты вовремя устранялись и мы бы всегда развивались по восходящей линии.

Вопрос об этических моментах. Не знаю, может быть, я небольшой специалист, но хотел бы несколько слов сказать. Я выпустился из Вест-Пойнта, но служил в ВВС. В сухопутные войска через 40 лет я попал, но уже в качестве гражданского специалиста. В Вест-Пойнте кодекс нашей чести был, что кадет, курсант не должен лгать, обманывать, воровать, естественно. И в любом случае этот кодекс буквально вошел в душу и сердце каждого курсанта. И к тому времени, когда мы выпускались из Вест-Пойнта, этот кодекс уже настолько укрепился в нас, что мы следуем ему всю нашу жизнь. В ВВС я служил, и там примерно такой же кодекс этики. И в Академии ВВС такие же качества воспитываются.

На меня произвело очень большое впечатление, что когда через 40 лет я опять попал в сухопутные войска, собственно я знал там буквально всех высших офицеров, тем не менее, я пришел к такому выводу, что Вест-Пойнт, хотя он дает только 10-15% офицеров, способен распространять ценности, которые там культивируются, на все сухопутные войска. Не знаю, правда это или нет, но факт состоит в том, что начальник штаба сухопутных войск, когда я попал туда, закончил курсы офицеров резерва, и, тем не менее, кодекс его этических качества, морально-нравственных качеств совершенно соответствовал тому, что мы культивировали в Вест-Пойнте. Поэтому этика с точки зрения моей, например, очень большой упор делает именно на воспитание соответствующих качеств военнослужащих.

Т.МОНТГОМЕРИ — Я с вами соглашусь в целом. Если вы обманываете, лжете или воруете, то ваша карьера закончена в тот же момент, как вас уличат в этом. Возможно, вы что-то нарушите, допустите нарушите воинской дисциплины, но если вы обманули, ваша карьера закончена. И все офицеры прекрасно это осознают. Вы знаете, что мы этические вопросы рассматриваем еще на комиссии, которая присваивает первичные офицерские звания. И то, что совершенно не может произойти, что нельзя нарушать... Я не говорю, что все у нас ангелы. Конечно, есть нарушения воинской дисциплины и т.д., но эти понятия, этические понятия являются святыми для нас.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Есть такой вопрос к вам. Вы сказали, что новая модель сухопутных войск предполагает большую возможность младшим офицерам решать свои проблемы. Кто должен слышать проблемы младших офицеров, или какая должностная категория, или система, или какие-то специальные структуры, которые у вас могут быть — кто должен слушать голос младшего офицера и потом его как-то реализовывать? Спасибо.

Т.МОНТГОМЕРИ — Я думаю, что подполковник Фили действительно об этом говорил. Я могу ответить. Действительно, обратная связь существует, во-первых, через те военные школы, которые у нас имеются, где проходят подготовку молодые офицеры. Но у нас еще есть система генерального инспектора, и поэтому генеральный инспектор, его аппарат всегда отслеживают такие мнения, такую обратную связь. Мы постоянно следим, между прочим, это обязанность командира следить за благосостоянием военнослужащих, за их морально-нравственными качествами. Например, начальник штаба сухопутных войск постоянно приезжает в военно-учебные заведения, выступает перед слушателями и соответственно получает обратную связь. И все командиры, начиная с начальника штаба и ниже, делают то же самое. На таких мероприятиях наших молодые офицеры получают полную свободу встать и громко заявить о своих проблемах, о своем мнении, и к нему прислушиваются.

Есть у нас такие мозговые центры, как корпорация «Рэнд», которая тоже проводит анализ и оценку всех существующих мнений офицеров. Эта проблема, может быть, даже поколений. Я говорил немного, что наши офицеры среднего звена сейчас увольняются. Идет исследование, анализ, почему это происходит. У нас практически ежегодно раздаются специальные анкеты, опросники. И все офицеры заполняют эти анкеты, задают в этих анкетах свои вопросы. Анкета состоит порядка из ста вопросов. Она как раз посвящена вопросам благосостояния, проживания семей, заработной платы, денежного довольствия естественно. Такие опросники распространяются, и их оценивают на самых высоких уровнях нашего командования. Практически создается каждый год доклад для сената по этим вопросам.

В.ШЛЫКОВ — Нам надо определиться с вопросами регламента. У нас еще есть докладчик, и нужно оставить время на выступления, а вопросов у нас, конечно, больше, чем ответов у наших американских гостей. Предоставляю слово следующему докладчику, подполковнику Щелкунову, Военный университет Министерства обороны.

С.ЩЕЛКУНОВ — Уважаемые участники международного семинара, дамы, товарищи, господа. Мне предложено в своем выступлении раскрыть некоторые проблемы реализации гуманитарной компоненты в военном профессиональном образовании. Если коснуться истории проблемы, то вопросы гуманитаризации образования, гуманистической роли науки в современном мире никогда не обсуждались так остро и активно, как в настоящее время, в условиях коренного преобразования всего строя и духовной жизни нашего общества. Традиционная для философии, педагогики проблема гуманистического содержания научного познания и обучения, в истории философии сформулированная Жан-Жаком Руссо как проблема просвещенного человека, приобрела новое социальное звучание.

Можно ли с помощью гуманитаризированного образования и воспитания и в какой степени обновить мировоззрение, миросозерцание, систему ценностей и нормы поведения человека? Способна ли наука удовлетворить потребность гуманистического проектирования человека как субъекта социальной, экономической, политической и культурной деятельности?

В условиях реформирования военной организации российского общества потребность в дальнейшей гуманитаризации образовательного процесса в вузах Министерства обороны Российской Федерации становится все более актуальной. Гуманитаризация образования ныне выступает в качестве одного из основных путей совершенствования профессиональной подготовки и практической деятельности военных кадров. Военный руководитель-специалист XXI века наряду с собственно военными знаниями как никогда ранее должен обладать интеллигентностью, высокой философской, политологической, культурологической, социологической, юридической подготовкой, уметь работать с людьми, осуществлять управление воинскими коллективами.

В наше время процесс гуманитаризации и подготовки военных кадров предполагает внедрение в практику преподавательской деятельности новых педагогических технологий, которые применительно к учебным дисциплинам имеют важное значение как для повышения уровня общепрофессиональной подготовки выпускников, так и в плане формирования у них прогрессивного мировоззрения. В настоящее время в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации трудятся замечательные преподаватели-подвижники, обладающие обширным запасом знаний, педагогическим талантом и профессиональным мастерством.

Гуманитаризация военного образования сложный и комплексный процесс, с основе которого лежит повышение роли и эффективности преподавания в военно-учебных заведениях социально-гуманитарных дисциплин. И это не является формальным увеличением числа и объема дисциплин социально-гуманитарного профиля, а есть существенное изменение внутренних ориентиров системы военного образования, обеспечивающее подготовку специалиста с высшим образованием, личности с высокой общей профессиональной культурой, способной понимать внутренний мир подчиненных, умело организовывать их обучение и воспитание. В соответствии с современной концепцией образования основная цель гуманитаризации подготовки военных кадров — это формирование не просто специалистов с высшим образованием, а личности с высокой общей и профессиональной культурой, способной к адекватному восприятию армейских и флотских реалий, в центре которой стоит человек с его потребностями и интересами.

В разнообразии аспектов педагогического обсуждения проблем гуманитаризации науки и образования можно определить несколько основных направлений. Это, прежде всего, каково место гуманитарных, социальных и культурологических дисциплин в системе военного образования; степень реализации междисциплинарного подхода; обеспечение взаимосвязи науки и культуры; осуществление гуманистических ориентаций и ценностей педагогической деятельности. Таким образом, перед нами стоит задача обогащения подготовки высококлассных военных специалистов гуманитарной компонентой, а самое главное — внедрение такой компоненты в будущую профессиональную деятельность.

Перед нами стоит вопрос: как практически реализовать поставленную задачу? И он волнует не только российских, а как показывает анализ различных публикаций, и зарубежных специалистов. Система народного образования в любом обществе предусматривает несколько уровней подготовки граждан и определенную специализацию, которая обеспечивается различным сочетанием естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. Возникает вопрос: с какой целью преподаются общественные науки, чему они призваны научить подрастающее поколение и будущих специалистов. С точки зрения задач воспитания, преподавание общественных и гуманитарных наук позволяет сформировать духовные и нравственные ценности личности, а также сформировать стремление следовать сложившимся убеждениям. В жизни и деятельности человек всегда руководствуется определенной этикой.

Его нравственные установки могут быть ситуативны, т.е. подвержены изменениям, или институциональны, т.е. базируются на неизменном понимании своего социального и служебного долга.

Происходящие изменения социальной ситуации в России, серьезные затруднения в материальном и финансовом обеспечении способствовали серьезной деформации смыслообразующей сферы военнослужащих. В известной книге Дефруа «Что такое психология» отмечается, что для достижения результата есть два пути: либо нужно щедро платить и не скупиться на похвалу за проделанную работу, и тогда человек работает ради денег; либо он работает за идею, то есть когда людям дают повод верить, что они полностью преданы делу благодаря своим личным качествам. В процессе жизнедеятельности и взаимодействия с окружающими человек попадают в стандартные, типичные или необычные, уникальные ситуации. В типичных ситуациях человек, не особо задумываясь, пользуется арсеналом привычных приемов познавательной и практической деятельности, а в необычной ситуации вынужден продумывать подходы к решениям проблемы.

В день, предшествующий нашему семинару, мне удалось посмотреть американский фильм «Часы Пандоры»...

... и он дал им слово, что он использует любые возможности, чтобы вернуться на родину и встретить Рождество. Ответственность за всех граждан США взял на себя президент. Этот фильм показывает, как необходимо служить отечеству, обществу, государству — по совести, по закону. Конечно, в фильме показан образец высокой гражданственности, ответственности, профессионализма, что особо важно в формировании молодого поколения. И не только граждан США, но и других стран. Хотелось бы отметить, что в жизни бывает всякое, но учат молодежь только на положительных примерах том, каким бы мы хотели видеть наше общество в будущем, кто придет нам на смену.

Профессионально-целевой характер подготовки офицерских кадров требует обеспечить ее управленческую направленность. Поэтому в комплекс совершенствования гуманитарных знаний офицера постепенно внедряется теория управления, социальная психология, психология руководства людьми, теория лидерства, совокупность знаний о современных педагогических технологиях, методах убеждающего воздействия, правовых основах и правовых формах влияния на подчиненных. В рамках общей тенденции гуманитаризации системы военного образования важное значение имеет разработка и внедрение в учебный процесс интегративных дисциплин, одной из которых может являться геополитика.

Следует отметить, что сегодня на практике реализуются требования государственных образовательных стандартов второго поколения, которые включают в себя гуманитарные социально-экономические дисциплины. Здесь требуется взвешенный, логически выверенный подход в определении последовательности их преподавания, обеспечении межпредметных связей. Существуют различные подходы. Вчера они высказывались, и не хотелось бы сегодня тянуть одеяло каждый на свою сторону. Но, по нашему мнению, они должны сопровождать обучение военного специалиста в течение всего срока обучения. Но вот дозировка и глубина изучения предмета, формы обобщения материала должны быть, естественно, различны. Необходимо учитывать, что курсант обучается где-то в возрасте 16-22 лет, когда многие проблемы — и гуманизма, и смысла образования — ему еще рано, и физиологически, и по другим причинам, осознать. Поэтому вот эти проблемы желательно бы вынести на период 25-35 лет. Каким образом конкретизировать этот подход? Видимо, это уже будет решаться частным образом. В реализации новых учебных программ в цикле социально-гуманитарных дисциплин особое внимание обращается на внедрение современной терминологии, научного подхода к раскрытию содержания, на гармоничное сочетание учебного материала с профилем военно-учебных заведений.

Анализ исторического отечественного и зарубежного опыта, современного состояния гуманитаризации военного образования позволяет выделить некоторые направления дальнейшего совершенствования. Во-первых, представляется целесообразным активизировать научно-теоретические исследования по обоснованию содержания гуманитарного военного

образования, изучение его социально-философских, экономических, политических и педагогических аспектов. Важным направлением является также нормативное обеспечение гуманитаризации военного образования, закрепление ряда отправных положений в виде правовых и административных актов. Сегодня и вчера поднимались эти вопросы и говорилось о недостаточной проработке данной проблемы. Представляется необходимым повышать уровень научного управления вузами, в первую очередь на основе прогнозов развития высшей военной школы. Разработка и экспертиза таких прогнозов позволили бы вырабатывать единые взгляды на реформирование военного образования у представителей различных структур военного управления.

Нуждается в совершенствовании и технология гуманитарного образования. Опыт некоторых стран свидетельствует о том, что имеются подходы, опирающиеся на более гибкую систему организации образования, которая более подвижна и динамична, лучше приспособлена к происходящим изменениям в общем мировом процессе. И вчера наши американские коллеги дали некоторые примеры таких подходов.

С учетом прошлого опыта и современных тенденций развития было бы целесообразно придать учебному процессу в вузах исследовательский характер, особенно при изучении гуманитарных дисциплин. И предпочтение отдавать современным методам обучения. Кроме того, совершенствование процесса гуманитаризации должно предполагать более активную интеграцию военного образования в международную информационную среду и создание для этого соответствующих средств и технологий. Вот в этом вопросе мы, конечно же, еще отстаем. Во всех вузах осуществляются попытки наверстать упущенное, но, естественно, время нам необходимо.

Гуманитаризация военного образования предъявляет новые требования к педагогу, являющемуся центральной фигурой образовательного процесса в вузе. Именно профессиональное педагогическое мастерство, общая и нравственная культура преподавателя выступает важнейшим условием в развитии гуманитарного военного образования. Сегодня назрел вопрос об обязательной профессионально-педагогической подготовке всех офицеров, которые рекомендованы для работы на преподавательских должностях в вузе. В этой связи предстоит подготовить преподавателей к освоению ими технологии воспитания, которая позволит наполнить воспитательную деятельность не только ценностно-нравственным содержанием, но и преодолеть существующий разрыв между речевым воздействием и реальной жизнью. Лев Николаевич Толстой утверждал: «Чтобы поверить в добро, надо начать его делать». И не случайно педагогическая аксиома гласит: лишь то, что нравственно пережито, что вошло в практическое усилие, то по-настоящему остается в сознании и поведении человека.

Таким образом, гуманитаризация образования военных кадров — неотъемлемый принцип и условие повышения эффективности и качества подготовки офицерского корпуса в современной российской армии. Дальнейшее совершенствование военного образования предполагает активное участие в этом процессе всех работников высшей школы. Спасибо за внимание.

В.ШЛЫКОВ — Спасибо вам, Сергей Анатольевич. Будут ли вопросы?

А.ГРИГОРЬЕВ — В своем сообщении вы сказали по культурной деятельности, потом в один ряд поставили науку и культуру. На сегодняшний день, по данным Министерства культуры, существует 326 дефиниций, официально принятых, что такое культура. Так вот какую из этих 326 дефиниций вы имели в виду в своем докладе? И почему науку и культуру вы поставили вместе, в один ряд, хотя культура содержит в себе триаду: науку, религию и искусство?

С.ЩЕЛКУНОВ — Спасибо. По-моему, вы уже сами ответили на этот вопрос, потому что существует более 300 дефиниций понятия «культура». Так вот я бы придерживался того, что культурой для нас является все то духовное и материальное, что накопило человечество за предшествующие тысячелетия. И если мы можем воспользоваться этим опытом, то, естественно, мы и должны его использовать.

В.ШЛЫКОВ — Дорогие коллеги, если нет вопросов, особенно настоятельных, то мне хочется оставить время для тех докладчиков, которые записались. Останется время — мы еще вернемся к вопросам. Первым у меня записался Копылов Александр Валентинович. Пожалуйста.

А.КОПЫЛОВ — В своем выступлении я хотел бы остановиться на некоторых проблемах преподавания общегуманитарных дисциплин в Военной академии Генерального штаба. В качестве предварительного замечания представляется необходимым уточнить понятие «общегуманитарной дисциплины». Великому французскому философу и просветителю Вольтеру принадлежит мудрое изречение: «Если вы хотите со мной говорить, определите свои понятия». Под общегуманитарными дисциплинами мы понимаем науки об обществе и о человеке. Изучение общегуманитарных дисциплин в Военной академии Генерального штаба занимает важное место. Вот уже третий год мы готовим слушателей по специальности «Военное и государственное управление». При разработке учебных планов и программ мы исходили из того, что выпускник Академии Генерального штаба должен не только знать основы подготовки и ведения фронтовых и армейских операций, современные формы и способы вооруженной борьбы, но он также должен иметь высокую политическую культуру, государственное мышление, обладать знаниями, навыками, умениями в области психолого-педагогических основ управленческой деятельности, уметь прогнозировать социальные последствия принимаемых решений.

Если говорить о проблемах преподавания общегуманитарных дисциплин, то основными из них, по-видимому, являются две. Первая — какие дисциплины преподавать. Вторая — сколько времени выделять на преподавание общегуманитарных дисциплин. На определение набора и содержания общегуманитарных дисциплин оказывает влияние множество факторов. Вот некоторые из них. Коренные изменения, которые происходят в нашем обществе в области политических, экономических, нравственных, религиозных и других отношений. Эти отношения являются предметом изучения общественных дисциплин, общественных наук.

Второй фактор — отказ от государственной идеологии. Как известно, в статье 13 Конституции Российской Федерации говорится, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной. В советский период государственная идеология определяла содержание общегуманитарных дисциплин. Большинство здесь сидящих российских коллег изучало «три составные части марксизма-ленинизма», марксистско-ленинскую философию, политэкономию, научный коммунизм. И, конечно, историю партии. Сейчас у нас нет государственной идеологии, есть многообразие идеологий. Встает вопрос: какую идеологию изучать?

Третий фактор — это демократизация российского общества, в том числе в сфере гражданско-военных отношений. Становление системы гражданского контроля над военной организацией.

Следующий фактор — образовательный уровень слушателей, которые к нам приходят. Наши слушатели окончили два высших учебных заведения: военные училища и видовые военные академии. Там они уже изучали общегуманитарные дисциплины, поэтому встает вопрос: нужно ли снова преподавать эти же дисциплины, а если нужно, то что преподавать.

Пятый фактор — требования современной войны. В наших доктринальных документах уже не первый год говорится, что угроза крупномасштабной агрессии против России практически

отсутствует. Вместе с тем сохраняется угроза локальных войн и вооруженных конфликтов. Кроме того, в настоящее время контингенты российских вооруженных сил присутствуют в шести конфликтных зонах: в Боснии, в Герцеговине, в Косово, в Приднестровье, в Абхазии, в Южной Осетии, в Таджикистане.

И, наконец, последнее: реформирование высшей школы в России. Мы не можем оставаться в стороне от направлений реформирования высшей школы в нашей стране.

Исходя из вышеперечисленных факторов, а также учитывая, что срок обучения российских офицеров в нашей академии два года, мы пришли к выводу, что необходимо преподавать следующие общегуманитарные дисциплины. Первое — это национальная безопасность и основы военной конфликтологии. Второе — военное государственное управление. Третье — военная политология и социология. Четвертая дисциплина — военное право. И, наконец, пятая дисциплина — это военная экономика. Что касается объема общегуманитарных дисциплин, то их удельный вес в программе составляет 20 процентов. Мы стараемся поддерживать этот уровень. В последние годы в учебной программе появились новые разделы. Например, «политико-демократические (демографические?) проблемы предотвращения, локализации и разрешения конфликтов». Этот раздел предполагает изучение таких тем, как «международно-правовые основы деятельности государств по обеспечению военной безопасности», «дипломатическая деятельность по обеспечению военной безопасности государства», «международный институт обеспечения международной и региональной безопасности», «роль СМИ в урегулировании конфликтов». Работе со СМИ мы уделяем особое внимание. Не все журналисты любят военную организацию, поэтому мы учим наших слушателей подходить дифференцированно к работе с журналистами, заранее знать, как журналисты настроены по отношению к командованию, какие вопросы могут быть в ходе интервью и конференций. Недавно у нас проходила деловая игра, на которой слушатели и представители каждой учебной группы давали телеинтервью, и затем эти телеинтервью разбирались в слушательских аудиториях.

Проведение ряда научных конференций по проблемам отношений армии и общества побудили нас к внедрению соответствующей темы в дисциплину «государственное военное управление». Там мы изучаем тему «военно-гражданские отношения в системе государственного управления». То есть, та конференция, в которой принимала участие адъюнктура ВМС США несколько лет тому назад, повлияла на наше решение. Наши слушатели знают Хантингтона не только по книге «Столкновение цивилизаций», но и по книге «Солдаты государства», которая была написана еще в 50-е годы.

Подводя итог, я хочу сказать, что общегуманитарные дисциплины продолжают занимать достойное место в программе подготовки слушателей академии. И содержание этих дисциплин в основном соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке офицеров оперативно-стратегического звена. Благодарю за внимание.

В.ШЛЫКОВ — Спасибо. Быстров Юрий Александрович, пожалуйста.

Ю.БЫСТРОВ — Дамы, господа, коллеги. После таких высокотеоретических докладов, которые мы выслушали с большим вниманием, мне хотелось бы выступить на очень приземленную тему — о проблемах с подготовкой командиров атомных подводных лодок. Меня, как бывшего подводника, как бывшего командира ракетного подводного крейсера Северного флота очень беспокоит та тяжелая обстановка, которая сложилась в мировом океане с инцидентами с подводными лодками в подводном положении. Дело в том, что за последние 25 лет в мире произошло несколько десятков столкновений атомных подводных лодок в подводном положении. В том числе двадцать столкновений произошло между американскими и российскими подводными лодками. В результате столкновений погибли две советские подводные лодки. Одна — в 1968 году в Тихом океане, другая — в 1986 году в Атлантике. Разумеется, серьезные повреждения получали и корабли противоположной

стороны. Так, например, только по чистой случайности не погибла американская атомная подводная лодка «Батон руж», столкнувшаяся в феврале 1992 года на севере с российской подводной лодкой К-276. Ей удалось чудом доковылять до своей базы. Я специально такое слово придумал — «доковылять», потому что она дошла до своей базы, но не подлежала ремонту и была выведена из состава военно-морских сил Соединенных Штатов Америки.

Еще более страшную угрозу таят в себе столкновения атомных подводных лодок в подводном положении для человечества вообще. Человечество в результате столкновений атомных подводных лодок рискует оказаться на грани страшной экологической катастрофы вследствие взрыва ядерных боеприпасов головных частей ракет или торпед, находящихся на борту субмарин. Или из-за превращения управляемой ядерной реакции в неуправляемую. И превращение вследствие этого подводной лодки в атомную бомбу. Только чудо спасло людей от такой глобальной катастрофы в октябре 1986 года, когда наш атомный ракетоносец К-219 при столкновении с иностранной подводной лодкой в подводном положении получил удар именно в район ракетной шахты. В результате чего произошло возгорание ракеты с ядерным боевым зарядом. Взрыва ядерного боеприпаса, к счастью, не произошло. Но через поврежденную шахту и систему вентиляции корабль затопило забортной водой, и он затонул. Матросу Сергею Преминину ценой собственной жизни на тонущей подводной лодке удалось вручную заглушить ядерный реактор, и тем самым предотвратить страшную экологическую катастрофу, угрожавшую многомиллионному населению восточного побережья Соединенных Штатов Америки. Были и другие подобные случаи.

Как показывает расследование трагических происшествий с подводными лодками, их причинами является не морская стихия, не ураганы и не айсберги, а сами люди, допустившие грубейшие нарушения в управлении кораблями. Этому способствовали излишняя самонадеянность командиров подводных лодок, их низкая профессиональная подготовка, нерасчетливость, граничащая с безграмотностью, переоценка технических возможностей своих кораблей. И в первую очередь — завышение возможностей своих гидроакустических комплексов. Эти выводы подтверждаются чрезвычайным происшествием, которое произошло три дня тому назад, 9 февраля, в районе Гавайских островов, когда американская атомная подводная лодка «Гринвилл» протаранила при всплытии японское судно. Наверное, все видели по телевидению передачи, они идут несколько дней. Это судно через 10 минут после удара затонуло на глубине 550 метров, погибло 9 человек. Все произошло днем, в простейших гидрометеорологических и навигационных условиях — проще не придумаешь.

У меня вопрос — не могли бы мы записать в итоговый документ по семинару предложение: в целях предотвращения столкновений подводных лодок в подводном положении наладить совместное обучение командиров подводных лодок Соединенных Штатов Америки и России мерам безопасности плавания в подводном положении. В одном из центров подготовки подводников Соединенных Штатов Америки и России по очереди. Такие центры есть и в Америке, и у нас. В ходе совместного обучения можно было бы делать поучительные правдивые разборы причин катастроф и аварий с подводными лодками, изучать международные правила, устанавливающие единый порядок действий командиров подводных лодок по обеспечению безопасности плавания в подводном положении, проводить групповые упражнения и тренировки с использованием международных таблиц условных сигналов, осуществлять отработку аварийных ситуаций на тренажерах и тому подобное. На наш взгляд, реализация этих предложений могла бы стать реальным вкладом нашего семинара в повышение уровня профессиональной подготовки офицеров-подводников Соединенных Штатов Америки и России, способствовать возрастанию доверия между нашими странами в военной области, стать залогом глубокого взаимного уважения и взаимопонимания. Спасибо за внимание.

В.ШЛЫКОВ — Спасибо вам, Юрий Александрович, за четкое соблюдение регламента, прежде всего. Бельков Олег Алексеевич следующий. Мы уже входим в цейтнот.

О.БЕЛЬКОВ — Мне хотелось бы привлечь внимание к некоторым вопросам, находящимся несколько за рамками собственно богемно-профессионального образования. Я исхожу из того, что военное образование относительно самостоятельная, но не самодовлеющая величина. Его параметры определяются не только внутриведомственными интересами и потребностями. Военное образование выступает частью более сложных организмов с одной стороны, военной организации, предъявляющей определенные требования к своим кадрам, требования, продиктованные необходимостью подготовки, а в случае надобности — и ведения войны, военных действий. С другой стороны, оно обусловлено состоянием и возможностями общества, его культурой. И вот на стыке этих двух разнородных структур возникают проблемы, которые далеко не всегда проговариваются. Независимо от того, осмыслены они или нет, эти проблемы на практике решаются. Но если специально не проговорены, то решение может осуществляться по наитию, иногда удачно, чаще — со значительными издержками.

Вот одна из таких проблем, о которой здесь, мне представляется, если и говорили, то вскользь. Для кого нужно военное образование? Для сугубо специалистов военного дела, офицеров, или для всех лиц, которые в той или иной мере причастны к разработке и осуществлению политики, связанной с обеспечением безопасности вообще, и военной безопасности в частности. На первом семинаре, который проводился в этой же аудитории по добровольческой службе, один из американских докладчиков сообщал, что сокращение в Конгрессе Соединенных Штатов Америки лиц, прослуживших в вооруженных силах, заметно сказалось на снижении профессионализма Конгресса в подходе, обсуждении и решении военных проблем. У нас уровень военных знаний политических деятелей, чиновников высокого ранга, оставляет желать много лучшего. И пока здесь ничего не будет сделано, разговор о профессионализме военных специалистов становится несколько незавершенным.

Другая проблема, связанная с этим. Постановка военного образования во многом определяется, зависит от экономического состояния страны. Это все знают, но вслух-то сегодня не было сказано, что финансирование и реформирование военного образования, совершенствование материально-технической базы военно-учебных заведений и всего остального оставляют желать лучшего. У нас даже большие политики и военачальники очень высокого ранга со страданием говорят, что, к сожалению, военный бюджет у нас деформирован. Цифры называют примерно такие. Буквально, может быть, и неточно, но порядок я соблюдаю: 70 процентов у нас идет на содержание вооруженных сил (имеется в виду денежное содержание, жилищные фонды, образование и так далее) и 30 процентов на развитие НИОКР, науки и техники.

Большие начальники говорят, что если поставить все с головы на ноги, если мы добьемся, чтобы на науку и образование выделялось больше средств из этого бюджета, то вроде как проблемы будут решены. У нас и сейчас на содержание вооруженных сил выделяется тот минимум, ниже которого сохранение физического здоровья и возможности нормально жить и действовать военному человеку станет невозможным. То есть, речь должна идти не об обвинении или требовании, рекомендации военному руководству изменить сии пропорции бюджета, а об увеличении бюджета. И пока эта проблема не будет решена, финансирование — если не на достаточном уровне, то на минимально необходимом — функционирование всей военной организации, в том числе и система военного образования, все наши разговоры могут остаться лишь благими пожеланиями. Если конкретизировать эту проблему частным примером, то вот сообщается, что досрочно увольняется из вооруженных сил, из системы военного образования 44 процента специалистов, имеющих ученые степени. И если на этом фоне вспомнить, что вчера говорил генерал Федоренко: у нас 47 процентов всего педагогов с учеными степенями, из них значительная часть увольняется. Увольняется во многом из-за материального неудовлетворенности, то станет понятно: эта проблема не может решаться только сугубо военными ведомственными усилиями, энтузиазмом и энергией тех, кто непосредственно причастен к системе военного образования. Образование во многом зависит от престижа армии в обществе.

Вооруженные силы не виноваты, но, к сожалению, сложилось так, что авторитет военнослужащего в нашей стране, хотя и стал несколько лучше — как говорит президент, общество поворачивается лицом к армии, но процесс поворота еще не завершился. Следствием этого является такая ситуация, что очень многие, даже поступившие в военные училища, отнюдь не стремятся и не становятся кадровыми военными. В одном из выступлений секретарь Совета безопасности Сергей Иванов отмечал, что одной из важнейших, острейших проблем для нас является удержать офицеров в рядах вооруженных сил. Имеется в виду, прежде всего, молодых. И если иметь в виду, что, по-моему, чуть ли не до трети выпускников не доходит до части, становится понятным, насколько вхолостую работает даже вот эта система военного образования.

И еще одна взаимосвязь, связанная с тем, что военное образование находится в органическом взаимодействии с общей системой образования в стране. Сегодня у нас в России намечается реформа образования. Если она осуществится в тех рамках и планах, как об этом говорится, то в России высшее образование перейдет на платную систему. В таком случае система военного образования, вузы, дающие общее высшее образование, могут стать одним из каналов удовлетворения потребности молодых людей, желающих получить образование и не имеющих возможности получить его другим путем. Сегодня уже, я думаю, не секрет, что определенная часть лиц, поступающих в военные училища, руководствуется не стремлением стать профессиональным военным, и надеждой таким образом уйти от необходимости прохождения срочной службы рядового. Есть основания опасаться, что может сложиться так, что прагматичные соображения приведут в школу огромную часть людей, ориентирующихся на получение высшего образования, после чего они расстаются с армией.

Получается парадокс: армия готовит специалистов для общества, а не общество для армии. Между прочим, этот парадокс в какой-то мере отражен и в планах нашего семинара, где одно из заседаний — вторая сессия — предполагает обсуждение трех вопросов, в том числе один — «Структура и содержание военного образования», другой — «Содержание собственно военного образования». И вот здесь, я думаю, есть смысл рассуждать еще об одной проблеме, требующей, по крайней мере, проговорки, — что призвана дать военная школа — общее разностороннее образование будущему военнослужащему или военные знания образованному человеку? Я хотел бы подчеркнуть, пусть несколько игрой слов, что военное образование и образование военного — ведь не одно и то же. Я хотел бы несколько подискутировать с прозвучавшими здесь вчера выступлениями. На мой взгляд, образование военачальника и образование военного — тоже разные вещи. Далеко не каждый человек, связавший себя с армией, будет специалистом по организации и руководству военным насилием. Очень много в армии военных профессионалов, непосредственно с этой сферой не связанные.

Безусловно, офицер должен быть интеллигентом. Но вот ведь вопрос: только ли армия должна воспитывать, формировать интеллигентность у военного человека? В этой связи еще один вопрос. Если офицер проявляет желание, готовность и способность совмещать военную службу с учебой в гражданском вузе — это помогает или мешает становлению его профессионализма? В контексте того, что здесь говорилось о гуманитаризации образования понятно, что, видимо, помогает. Но в контексте того, что это отвлекает от выполнения функциональных обязанностей, видна противоречивая сущность проблемы.

И еще в этой связи. Гуманитаризация военного образования, о которой говорили передо мной выступающие, — это веление времени. Но при этом приходится считаться с тем, что армия демократического государства совсем необязательно, более того — не есть демократическая армия. Демократического приказа в принципе быть не может. Армия без приказа не существует. Точно так же, как надо согласиться с тем, что гуманитарные знания — это очень важно, но ведь гуманность для военной деятельности, для вооруженной борьбы, для войны — понятие относительное, а то и спорное. Я о том, что при подготовке военных профессионалов приходится всегда считаться, учитывать, что требования, которые предъявляются военному руководителю в мирное время, и качества, которые он должен проявить в военное время, далеко не всегда совпадают. И здесь тоже есть проблемы, о которых

стоит говорить и в теоретическом ключе, и в поисках практических ответов.

Я понимаю, что в своем выступлении больше ставил вопросы, чем давал ответы, но давно известно, что внятная формулировка вопроса порой не менее важна для поиска практического решения. И я попытался на этом сосредоточить внимание. Спасибо.

В.ШЛЫКОВ — Спасибо вам. У меня теперь тяжелая дилемма: два записавшихся осталось. Первым записался генерал Владимиров Александр Иванович. И еще профессор Григорьев. Вчера Александр Иванович вел себя совершенно разбойно в отношении регламента. И вообще, зная его много лет, я не помню ни одного случая, когда бы он уложился в рамки регламента, поэтому своей властью я даю слово профессору Григорьеву. 5 минут, иначе вы будете иметь с ним дело, а потом меня спасет перерыв на кофе от следующего выступающего. Пожалуйста.

А.ГРИГОРЬЕВ — Уважаемые коллеги, мне бы хотелось сказать несколько слов о тех инновациях, в которых приходится принимать участие в Академии федеральной пограничной службы. Надо отметить, что пограничники — это совершенно особый вид офицеров, чья жизнь проходит на стыке двух, а то и более культур. И этим определяется специфика их деятельности, а также профессиональные и нравственные качества. И вот это обстоятельство предъявляет особые требования к преподавателю. Я читаю лекции по курсу «Этика и культура управления». Причем, надо сказать, что руководство академии — не знаю, чем я удостоился такого выбора — присмотрело, я зав. сектором Института культурного и природного наследия имени Лихачева. И занимаюсь исследованиями истории военной культуры России. Так вот, эти исследования мне и предложили положить в основу курса лекций в Академии федеральной пограничной службы. И вы знаете, очень сильна реакция слушателей. Желание узнать эту историю военной культуры. Причем, мы не замыкаемся на военной культуре собственно, военной силе. Под военной силой мы понимаем и жандармов, и пограничников, и казаков, и армию, и флот. Мы еще раскрываем и то, что сделали гражданские люди для армии, что государство сделало для армии. То есть, рассматриваем военную культуру как взаимодействие четырех векторов: государство, общество, господствующая идеология и собственной военная сила. И здесь получаются очень любопытные обобщения.

Ну, в частности, лекции о театре. Ну что можно сказать, когда сидят перед тобой люди — от старшего лейтенанта до полковника. Историю театра? Систему Станиславского? Нет, конечно. И вот начинаешь лекцию с того, кто первый организовал театр в России, кто был первым драматургом, кто был первым режиссером и кто был первым актером. Оказывается, это все были военные люди. Кто организовал Академию наук? Кто — Московский университет? И так далее. Оказывается, у нас культура такая, что военная область в ней занимает особое место.

И вот сегодня наступило время... Если культура существует двух видов — естественная и осознанная — как и дисциплина. И вот сегодня наступило время осознанной культуры. К сожалению, монументальных книг по истории культуры России до сих пор у нас нет. Есть культурология. Но это псевдопредмет, который не раскрывает ни особенностей, ни свойств, ни закономерностей нашей военной культуры. Кстати, хотелось бы особо остановиться на взаимоотношениях американской и русской военных культур. Если взять историю войн, то оказывается, что все время наблюдалось сотрудничество культур, американской и российской.

В частности, могу вот что сказать. Мне недавно попал в руки пакет документов временного правительства о создании новой республиканской армии. И там полагалось эту армию делать с помощью Соединенных Штатов. Вернее, тогда были Североамериканские Соединенные Штаты. Великая отечественная война: сотрудничество было исключительно великим, и во многих областях. То есть, сегодня военная культура является перспективным направлением в решении многих вопросов военной проблематики. И мне хотелось наладить сотрудничество в этой области, которое может дать ощутимый результат. Спасибо за внимание.

В.ШЛЫКОВ — И вам за гуманное отношение к Александру Ивановичу Владимирову. Прошу.

А.ВЛАДИМИРОВ — Спасибо всем предшествующим, которые дали мне такую возможность своей дисциплиной. Особую благодарность хочу выразить товарищу Белькову, который несколько облегчил мне, вернее, создал повод пошутить. По поводу образования нашего высшего командного состава. Был такой суворовский поэт Лаптев Валера, который сказал однажды так — это было где-то в 1962 году — «Уж сколько раз твердили миру об уважении к мундиру. Но честь мундира есть, пока туда не всунут дурака».

Я считаю, что система военного образования — только часть общей системы прохождения службы офицером. Специфическая. И вся система — и одна, и вторая — должны воспитывать человека, офицера, способного воевать. Иначе она просто не нужна. И если мы воспитываем офицера, начиная с младых ногтей, как гражданина и бойца, способного воевать, даем ему соответствующее образование, вырабатываем качества, потом из них вырастает высший командный состав, а из них — руководители государственного уровня. И другого, наверное, не дано. Поэтому, если наша система образования не будет играть роль определенного селектора, который будет отсевать возможность прохождения к власти тех, кто просто к этому не способен, она тоже будет играть свою определенную роль. В этом плане, наверное, важнейшую роль играют программы, по которым мы учимся. Программы обучения.

И здесь много говорилось о дефинициях и о программах. Хочу сказать, что сейчас я сам все прошел, везде учился, везде побывал. Наше военное образование в Академии Генерального штаба образования как такового не дает и продолжает оставаться ужасающе старым по своим подходам, методологии, дефинициям и так далее. Никто не знает, что такое война. Все думают, что это та вооруженная борьба, стрельба сплошная и кнопка эта, не дай Бог. Это все не так! Война — это часть цикла цивилизованного мира. Другие подходы. Что такое победа, никто не может сказать. Такого слова нет ни в одном документе, даже в доктрине. А для чего тогда армия вообще нужна, если не для этого, в конечном счете?

Мы должны знать опыт мира по поводу операций, а не только мнение своих начальников, бывших когда-то, по поводу события — то по мировой войне, первой и второй, то по чеченским событиям, по Гольфу, Косово и так далее. Какой там опыт обобщается? Никто ничего. И наши военные учебные заведения, особенно такие, как Академия Генерального штаба и академии вообще роль мотора военной науки никак не осуществляют. Никаких новых разработок, скажем, в области стратегии, просто не существует, поскольку никто не знает, что это такое для государства. Знают только то, как это трактуется в военном словаре. Это неправильно.

Я считаю, что если мы будем и дальше рассматривать, скажем, войну, военную науку только так, как науку о вооруженной борьбе, мы просто будем прозябать в том философском научном плане, низком уровне, на котором мы сейчас находимся. Я считаю, что как раз военная наука является той единственной синтетической наукой, которая способна объять весь комплекс проблем, терминов, дефиниций, которая вмещало бы понятия и геополитика, и политика, и собственно военное дело, и конфликтология, и все что угодно. И только в этом направлении, если мы будем развивать свое образование, тогда мы будем давать своим офицерам те понятия, глобальное видение, в конечном счете, которое сделает их и гражданином, и офицером, и профессионалом, и дадим им какой-то толчок к их росту. Если мы этого не сделаем, это будет квинтэссенция обучения в Академии Генерального штаба — это операция на континентальном ТВД. И хотя методологически она блестяще отработана в наших вузах, все знают, кто, что должен говорить, за кем, в какой последовательность, как принимается это решение. Но дальше то что? Этой войны уже не будет. А мы к ней все готовимся, готовимся и готовимся. Облик воина будущего абсолютно не прописан.

Вот американские коллеги там угрозами занимаются, под двадцать первый век модель строят, а мы виды вооруженных сил то разливаем, то сливаем. То сокращаем, ликвидируя главное.

Ликвидируя профессионализм, который еще остался в наших вооруженных силах, и самую науку, поскольку наука не развивается. И в этом плане наши высшие военные учебные заведения должны быть в голове этого процесса, давать пищу для размышления и Генеральному штабу, и Министерству обороны и так далее. Потому что главное в профессионализме, как сказал еще Шарнхорст, и Виталий Васильевич Шлыков сказал, что военное образование профессиональное только тогда, когда оно воспитывает самостоятельность мышления, способность принимать решения. Это только самообразование. И, конечно, простые вещи.

Проклятые немцы в свое время выдумали, что каждый офицер должен писать сочинение, как он провел выходной день, как он сходил в театр, чтобы приучить офицеров правильно излагать свои мысли. Никто ж не может. Поэтому целая категория пресс-секретарей родилась с большими звездами. Этого нельзя. Не можешь писать — не можешь сказать. Не можешь сказать — не можешь решать. Время-то хама в армии прошло, а они еще у власти. Это целая трагедия.

Мое время закончилось. Проблематике с дефиницией и содержанию военной науки надо уделять особое время и особые семинары проводить, поскольку эта тема крайне важная и крайне сложная. И абсолютно не изученная. Спасибо.

В.ШЛЫКОВ — Спасибо, конечно, за сравнение Шлыкова с Шарнхорстом. Связь здесь только в том, что я часто бываю в академии, ныне руководящей академии Бундесвера, бывшей первой академии Генштаба, а там в офицерской столовой огромный портрет Шарнхорста в мундире висит — вот такая сопричастность. А если кому-то покажется, что Александра Ивановича одолевает гигантомания и так далее, могу только процитировать президента военной академии наук Гареева в предисловии к его последней книге, что будущие поколения офицеров будут учиться по книгам генерала Владимирова.

А.ВЛАДИМИРОВ — Меня потрясло слово «Хантингтон» из уст представителя Академии Генерального штаба. Если там уже знают это слово, тем более читают, правда, переведенного на русский язык я его ни разу не видел, это счастье. Это действительно прорыв. Верной дорогой идете, товарищи.

В.ШЛЫКОВ — Неплохо, конечно, было бы перевести эту классику «Солдат и государство» Хантингтона, написанную им еще в 1957 году. Это была его докторская диссертация. И, кстати, эта книга включена в курс американской академии. У них нет Академии Генерального штаба, у них шесть одинаковых по рангу академий вместо нашей одной. Так вот, в национальном военном колледже эта книга включена в факультативный курс обучения. Хорошая идея. Перерыв на кофе.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Завершающая стадия нашей работы. Позвольте мне предоставить слово для выступления господину капитану Туну. Прошу.

Дж.ТУН — Большое спасибо. Добрый день еще раз для всех. Я должен сделать признание: хотя я и сторонник профессионализма в системе военной подготовки, именно идеи совместности при подготовке. Будучи флотским офицером, 28 лет прослужившим на надводных кораблях, я должен вам сказать, что своим коллегам и сухопутчикам, что только один год из этих двадцати восьми лет я получил подготовку по совместным действиям на тактическом уровне, когда речь шла о применении авиации. Я получил некоторое обучение в плане тактическом, когда речь шла о применении авианосной авиации, нас привлекали тогда.

Сама философия, подход к совместности обучения в мои годы состояли в том, чтобы именно отобрать наилучшие таланты для более высокого уровня подготовки. В свое время я неправильно понимал этот ход, саму эту идею, но сейчас по-настоящему ее оценил. Такие люди, как доктор Бэрретт, присутствующий здесь, имеют более четкое представление обо всех аспектах совместного подхода при обучении, важности именно совместного подхода с учетом особенностей видов вооруженных сил.

Меня попросили дать короткое определение идеи совместности. Вообще термин «джойнт» (?) — совместность применения. На мой взгляд, в контексте той тематики, которую мы обсуждаем, я это понимаю как межвидовая деятельность с применением сил и средств различных видов вооруженных сил. Во всяком случае, с участием минимум двух видов вооруженных сил. Так что совместное обучение — этот тот элемент профессиональной военной подготовки, в рамках которой концентрируются усилия представителей различных видов вооруженных сил для решения совместных задач. И вот в контексте этого подхода постепенно эволюционируют именно принципы подхода, принципы формирования необходимых знаний, навыков и умений для офицеров различного уровня. Особенно когда речь идет о применении сил и средств, находящихся в распоряжении объединенных командований, которыми командует КНШ, председатель КНШ.

Вчера мы обсуждали, основа совместного обучения была заложена еще в годы второй мировой войны, когда КНШ принял решение о создании командно-штабного колледжа объединенных совместных вооруженных сил. После второй мировой войны были созданы объединенный командно-штабной колледж с участием представителей всех видов вооруженных сил. К сожалению, в течение последних четырех десятилетий после второй мировой войны совместному обучению не уделялось большого внимания, даже в командно-штабном колледже. Некоторые события, которые имели место в 50-е годы и в начале 60-х, 70-х годов, когда Конгресс уже занялся этими вопросами, стали являться вопросы, которые, в конце концов, вылились в так называемый закон реформирования Голдуотера-Николсона. Это все результат тщательного анализа состояния сил и средств вооруженных сил после вторжения в Гренаду, после неудачной попытки спасения заложников в Тегеране, после налетов на казармы морпехов в Бейруте и так далее. Все это привело к тому, что члены Конгресса решили внимательно посмотреть на общее состояние дел в вооруженных силах: как организуются вооруженные силы, как комплектуются, как обучаются, как готовятся к решению тех или иных задач.

Что касается четвертого раздела закона Голдуотера-Николсона, об этом уже было сказано несколько слов, этот весь раздел направлен именно на вопросы обеспечения совместности обучения. Кстати говоря, до этого закона было проведено пять целенаправленных исследований о целесообразности внедрения принципов и основ совместного обучения. Руководил этими исследованиями конгрессмен Альстон (?) из штата Миссури, об этом уже говорил доктор Бэрретт.

Кстати говоря, несколько отклоняясь, я хочу сказать, что доктор Бэрретт вчера вам говорил несколько слов о том, какое личное участие он принимал в проведении этих исследований.

А.БЭРРЕТТ — Вчера я вам говорил об этой реформе, которая предшествовала закону Голдуотера-Николсона. Там было три требования, на основе которых и произошли эти изменения. Идея состояла в том, чтобы изменить именно само содержание программы подготовки офицерского корпуса, расширить кругозор, расширить границы учебного плана и учебных программ подготовки. Для того чтобы просвещенные военнослужащие действительно использовали все свои возможности для эффективного управления боевыми действиями и другой деятельностью на различных уровнях. Потому что тогда уже пришли к пониманию, что при отсутствии правильного понимания именно совместных боевых действий, совместного подхода, пришли к убеждению об изменении основополагающих принципов этого обучения. Когда закон был принят, все поняли, что Пентагон не будет добросовестно выполнять положения этого закона, если не будет налажен соответствующий

контроль. Поэтому комитет по делам вооруженных сил палаты представителей назначил специальную комиссию Скелтона. Конгрессмен Скелтон возглавил эту контрольную комиссию. Состав этой комиссии был уникальный. Я участвовал в работе этой комиссии, я занимался вопросами изучения состояния дел в вооруженных силах. Работали в моем отделе, кстати говоря, отставники — подполковники, полковники, представители различных видов вооруженных сил. И мы направляли, как правило, своих специалистов на уровне капитана второго ранга, капитана первого ранга, полковника, подполковника в подразделения частей ВВС, в ВМС с тем, чтобы непосредственно на месте изучить положение дел и посмотреть на то, как построен учебный план, учебные программы в военных колледжах видов вооруженных сил.

В общем и целом было написано порядка пяти тысяч страниц различного рода аналитических отчетов и докладов в рамках этого исследования. Где только мы не побывали: в наших воинских частях и подразделениях в Европе, посетили французские, немецкие, английские военные академии, колледжи и школы. У них свой опыт, своя культура. Все это предшествовало этому. В конце концов, мы подготовили итоговый отчет, содержавший порядка 250 страниц, где была изложена вся проблематика возможного реформирования по всем вопроса, касающимся именно обеспечения идеи совместности, предложенной — повторяю — предложениями четвертого раздела закона Голдуотера-Николсона.

Мы охватили буквально все аспекты, не только учебные планы и учебные программы высших военных учебных заведений, но и основные требования, предъявляемые офицерам, которых отбирают для обучения, посмотрели вопросы методики преподавания тех или иных дисциплин. У меня есть кое-какие материалы по этому вопросу, И я могу оставить их здесь — они могут быть полезными. Два вывода, которые мы сделали тогда, следующие.

Первое: мы тогда пришли к выводу, что касается академий видов вооруженных сил, мы предложили их оставить в том виде, в каком они существовали, то есть, оставить и учебные планы в целом, только усовершенствовать учебные программы. В то время была выявлена слабость следующего характера: идея совместности недостаточно была реализована. Вывод был сделан такой: идеи совместности необходимо более целенаправленно и комплексно внедрить на уровне командно-штабных колледжей с тем, чтобы представители одного вида прекрасно понимали озабоченность или сильные и слабые стороны представителей другого вида вооруженных сил.

Второй этап внедрения идеи совместности состоял в том, чтобы сделать таким образом, чтобы на уровне командно-штабных академий изучались соответствующие примеры, вводные, которые позволили бы обеспечить согласованность действий различных видов вооруженных сил. Кстати говоря, были закончены и другие исследования.

Сейчас я возвращаю слово капитану Туну.

Дж.ТУН — Спасибо, доктор Бэрретт. Как упомянул доктор Бэрретт, основные рекомендации комиссии Скелтона состояли в следующем. Двухэтапный процесс внедрения идеи совместности. Два принципа, которые обеспечивают идею. Прежде всего, это обеспечение базового обучения в военных академиях вооруженных сил. И второй этап — обучение в командно-штабных колледжах вооруженных сил, где и внедряется идея совместности. Для решения этих двух задач комиссия Скелтона предложила академии видов вооруженных сил строить свое образование таким образом, чтобы были решены задачи так называемого общего образования. И частично задачи обеспечения...

(Вторая сторона кассеты)

...академии и училища первого этапа, они обеспечивают соответствующие знания, навыки, умения для того, чтобы иметь полное представление о возможностях своего вида вооруженных сил.

Второй этап — командно-штабные колледжи — уже обеспечивают такие знания, которые позволяют представителю одного вида вооруженных сил получить соответствующее представление о сильных и слабых сторонах другого вида вооруженных сил. И вообще о принципах ведения совместных боевых действий. Комиссия Скелтона рекомендовала соответствующим образом обновить учебные программы.

Сейчас, кстати говоря, штабной колледж называется командно-штабной колледж совместных сил. Не вооруженных сил, а совместных сил. На этом уровне уже решаются в наиболее конкретном аспекте вопросы оперативного искусства и стратегии, что самое главное, как говорил доктор Бэрретт. Сейчас учебный план сформирован таким образом, что межвидовая деятельность вооруженных сил выносится в качестве приоритетной темы по различным учебным дисциплинам.

В рамках этой тематики совместное обучение контролируется КНШ. Такие документы, как учебные программы, учебные планы контролируются, обновляются, рассматриваются представителем КНШ. Все эти соответствующие изменения были проведены в рамках пяти уровней обучения, о которых говорил генерал Монтгомери час назад. Я не буду повторять то, что говорил генерал Монтгомери, то есть, я хочу лишь сказать, что в рамках совместного обучения в пределах сухопутных войск эта система в целом применима и для других видов вооруженных сил. Она позволяет не только обеспечить формирование соответствующих навыков и умений, но и расширить кругозор офицеров, которые были бы способны вести не только совместные действия, но и действия на уровне объединенных командований, международных командований.

Если посмотреть на схему подготовки курсантов и так называемых кандидатов на звание офицера, то можно выделить следующую последовательность. Основная подготовка дается на уровне академий видов вооруженных сил или по линии военных кафедр. На более высоком уровне дается соответствующая подготовка уже по более целенаправленным дисциплинам. Второй уровень военного образования, который, если посмотреть на возраст, это, как правило, подполковники, капитаны первого ранга, полковники. Здесь, как правило, даются соответствующие знания на оперативно-стратегическом уровне. Учебные программы в основном сориентированы на преподавание тактических дисциплин, оперативных дисциплин. Общая направленность этих дисциплин привязана к обеспечению соответствующих знаний по объединенным специальным командованиям.

Также в этих академиях даются соответствующие знания о межведомственном взаимодействии в ходе военных действий. Третий уровень — так называемый промежуточный уровень, который дает образование майорам и подполковникам. Вот этот промежуточный уровень предполагает обучение офицеров по оперативно-тактическим вопросам при решении тех или иных боевых задач. Общая направленность сохраняется примерно та же. Но в этом случае, что касается практических заданий, как правило, практические вводные задания рассматриваются на фоне деятельности объединенных оперативных соединений и групп, на уровне подполковников и полковников подготовка сориентирована на стратегических вопросах, на научных вопросах, на общие программы, которые, как правило, привязаны к тому, как формировать вообще командиров так называемых объединенных оперативных групп. И вообще здесь преподаются вопросы оперативного искусства и стратегии.

На самом высоком уровне, я имею в виду высший уровень подготовки командного состава, шестинедельный курс по вопросам национальной стратегии, учебный план предполагает формирование таких знаний, которые позволяли бы генералам и адмиралам прекрасно разбираться в вопросах стратегии и политики, в вопросах использования всех ресурсов страны для решения задач и обеспечения победы, а также формирования навыков, обеспечивающих способность действовать на межнациональном уровне в контексте объединенных сил. Несколько слов о программах, которые сейчас действуют в командно-штабных колледжах видов вооруженных сил и штабном колледже соединенных сил. Первый этап в этом плане предполагает изучение военных возможностей государства и структуры управления, совместная доктрина, совместные многонациональные силы, как они действуют на

оперативном уровне, принципы принятия решений по применению объединенных совместных сил, многонациональных сил. На втором этапе совместного обучения предполагается, если говорить об учебном плане, преподавание таких дисциплин, которые позволяют формировать необходимые знания, дающие возможность управлять совместными объединенными соединениями, оперативными группами и возможность взаимодействовать на межвидовом уровне, на межнациональном уровне на фоне соответствующих предшествующих знаний и озабоченности друг друга.

Кстати говоря, на этом уровне штабных колледжей присутствуют и учатся иностранные студенты, которые также получают соответствующее образование. Здесь я должен сказать, что мы неформально, пользуясь случаем, приглашаем любого из ваших старших офицеров присутствовать, посетить американские военные штабные колледжи для получения совместного образования. Что касается национального военного колледжа, — это высший уровень специальной военной подготовки, который обеспечивает стратегический уровень подготовки в соответствии с требованиями доктрины национальной безопасности. Что касается промышленного колледжа вооруженных сил США, то там решаются вопросы обеспечения мобилизационной готовности, вопросы снабжения видов вооруженных сил. Высшие совместные колледжи обеспечивают вопросы именно высшей подготовки первого этапа и второго: общие образовательные задачи решаются и тактические, даже на самом высшем уровне.

В заключение хочу обратить внимание на три момента, о которых я уже говорил вчера и сегодня. Первое. В контексте эволюции и развития и внедрения идей совместности военные руководители видов вооруженных сил, министры видов вооруженных сил, министр обороны, Конгресс Соединенных Штатов руководствовались идеей совершенствования боевой готовности частей и соединений вооруженных сил на основе внедрения именно идеи совместности для решения задач в различных условиях ведения боя. Второе. Концепция совместного обучения состоит в том, чтобы подготовить выпускников к таким боевым действиям, которые предполагают именно согласованные действия между различными видами вооруженных сил в оперативном и стратегическом контексте.

Как говорил доктор Бэрретт, закон Голодуотера-Николсона, его положения именно нацелены на это. Выводы, сделанные комиссией Конгресса под руководством конгрессмена Скелтона, требовали решения именно этой задачи. Кстати говоря, были проведены соответствующие совершенствования требований и к профессорско-преподавательскому составу, и к отбору слушателей для обучения в этих академиях. Вот этот вывод, который был сделан и на уровне комиссии Скелтона, и на уровне закона Голдултера-Николсона, говорит о том, что опыт, накопленный нами после второй мировой войны, имеет огромное значение, и этот опыт был эффективно отражен теми изменениями, которые приведены. Спасибо большое за ваше внимание.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Слово начальнику Общевойсковой академии ВС РФ генерал-полковнику Золотову Леониду Сергеевичу.

Л.ЗОЛОТОВ — Уважаемые участники международного семинара, товарищи, господа. Проблемы профессионального военного образования в России, перешагнув порог двадцать первого века, не утратили своей актуальности, более того, они наполнились новым содержанием, приобрели новую остроту. Это связано с быстро меняющимися условиями, в зависимости от которых нашими вузами осуществляется образовательная деятельность, а также с изменением места и роли отдельных вузов в общей системе военного образования. В своем выступлении я предусматриваю, во-первых, кратко представить свое высшее военно-учебное заведение. Во-вторых, изложить суть основных подходов к решению нами проблемы совместного обучения российских и иностранных офицеров. И, в-третьих, охарактеризовать

основные особенности, присущие учебному процессу академии в рамках рассматриваемой проблемы.

Общевойсковая академия вооруженных сил Российской Федерации является одним из старейших высших военных учебных заведений России, вобравшим лучшие традиции Николаевской академии Генерального штаба, Императорской военной академии, Академии Генерального штаба РККА, военных академий имени Фрунзе, имени Малиновского и бывших офицерских курсов «Выстрел». В настоящее время общевойсковая академия представляет собой новый тип вуза. Крупнейший многоуровневый учебно-научный комплекс с развитой структурой управления, учебной, полевой и научной материально-технической базой, объединяющий подготовку военных кадров различных профилей и уровней образования. У нас по единому замыслу осуществляется довузовская, вузовская и послевузовская подготовка. Обучаются офицеры различных видов вооруженных сил, других силовых структур и ежегодно несколько сот иностранных военнослужащих.

На проблеме совместного обучения офицеров в академии мне бы хотелось акцентировать ваше внимание. При ее решении мы руководствуемся двумя основными подходами. Первый нами реализуется при обучении российских офицеров различных структур и ведомств в соответствии с квалификационными требованиями на выпускников по определенным специальностям и специализациям их подготовки. Мы располагаем десятилетиями накопленным опытом совместного обучения офицеров общевойсковых частей и частей внутренних войск. Однако реальные условия современных боевых действий миротворческих операций и других задач, решаемых вооруженными силами, потребовали более тесного и надежного согласования усилий видов вооруженных сил, родов войск и специальных войск.

Обе чеченские кампании последних лет убеждают в том, что с позиции военного искусства в борьбе с регулярными вооруженными формированиями на территории со значительным количеством местных жителей успеха можно достигнуть, лишь обеспечив надежное взаимодействие между всеми участвующими в операции структурами. В связи с этим в текущем учебном году мы приступили к обучению офицеров командного профиля общевойсковых и внутренних войск на базе одной учебной группы. Предварительные результаты подтверждают перспективность этого направления.

Второй подход объемлет область совместного обучения иностранных и российских офицеров. Общевойсковая академия в соответствии с указаниями военного руководства принимает активное участие в развитии многообразных форм военного сотрудничества. Среди них обмен военными делегациями, участие в различных учениях, проведение международных конференция и семинаров; обучение иностранных военнослужащих на специальном факультете в течение двух-трех лет, а также на курсах в течение нескольких месяцев и другие формы. То есть, здесь так же осуществляется довузовская, вузовская и межвузовская подготовка. Прекрасную школу в разные годы в нашей академии прошли офицеры целого ряда государств Европы, Азии и Африки.

Недавно была проведена международная научно-практическая конференция, в ходе которой был обсужден проект наставления по применению норм международного гуманитарного права вооруженными силами для его представления министру обороны. Обучение иностранных военнослужащих организовано на постоянной основе. Ежегодно осуществляем подготовку офицеров десятков государств. Результаты свидетельствуют, что в своих национальных вооруженных силах прошедшие у нас подготовку офицеры, как правило, одни из наиболее перспективных и часто занимают высокие посты.

Каковы основные особенности, присущие учебному процессу в академии, при совместном обучении офицеров различных государств? Во-первых, и российским, и иностранным слушателям преподают одни и те же преподаватели. Это обеспечивает равный доступ слушателей к имеющейся информации и учебной литературы, а также овладение единой методологией познания основ современных боевых действий. Кроме того, слушатели пользуются единой учебной материальной базой. Во-вторых, обучение иностранных военнослужащих организовано в соответствии с договорными обязательствами сторон. Это не

исключает некоторой специфики подготовки офицеров отдельных государств и по времени, и по программе их обучения.

Таким образом, даже столь краткая характеристика основных подходов к решению проблемы совместного обучения как российских, так и иностранных офицеров, позволяет, на наш взгляд, иметь обоснованное суждение о наличии в России на базе общевойсковой академии эффективно функционирующей системы. Система эта постоянно совершенствуется как в структурном, так и в функциональном отношении. Представляется, что наше военное сотрудничество только выиграет с началом обучения в учебном центре американских военнослужащих. Сейчас решается вопрос о их правовом статусе.

Благодарю российских и американских представителей за прекрасную организацию международного семинара. И надеюсь на дальнейшую перспективу развития нашего международного военного сотрудничества. Спасибо за внимание.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо. Прежде, чем приступить к вопросам, я хотел бы предоставить слово двум пожелавшим выступить товарищам, прежде всего генералу Вахрушеву из Академии Генерального штаба. Затем Долгову из Дипломатической академии МИДа. Пожалуйста.

В.ВАХРУШЕВ — Генерал Вахрушев Виктор Александрович, Академия Генерального штаба ВС РФ. Уважаемый председатель, уважаемые коллеги. Позвольте мне остановиться на двух аспектах нашего семинара. Первый аспект касается совместного обучения военнослужащих. А второй — ответить на два выступления генерал-майора Владимирова Александра Ивановича. Итак, по порядку.

Прежде всего, совместное обучение очень и очень важно, и это у нас в вооруженных силах давно понято. И Академия Генерального штаба занимается совместным обучением не только тем, что один преподаватель читает лекции или проводит занятия с военнослужащими различных видов вооруженных сил. У нас в одной группе, в одном классе сосредоточены представители различных видов вооруженных сил. Более того, там находятся и представители и других родов войск нашей российской федерации. Это раз. Общение между ними уже означает их совместную подготовку.

Второе. На наших занятиях офицеры видов вооруженных сил выступают не только в роли командующих своего вида. У нас, например, морской офицер может учиться или готовиться, или выступать в роли общевойскового командующего. А общевойсковой командующий в роли командующего объединением ВВС. И таким образом, общаясь и обучая, мы делаем так, что общевойсковой командир знает все про ВВС, про ВМФ, про другие виды вооруженных сил. А представители вида вооруженных сил представляют работу общевойскового командующего. У нас учатся иностранные военнослужащие. К сожалению, вот такого совместного обучения у нас пока нет. И это, наверное, не только потому, что мы не хотим или не можем в силу различных обстоятельств, в том числе и секретного делопроизводства. Просто мы обучаем военнослужащих иностранных и своих различным специальностям. Разные программы, разные специальности. Вот эта проблема.

А теперь позвольте ответить Александру Ивановичу Владимирову.

Наша делегация вычленила три основных вопроса, которые задел Александр Иванович. Первое: наша система образования, оказывается, недостаточно пригодна для подготовки военных кадров. Это раз. Второе: как оказывается, наша система образования нуждается в коренной перестройке. И третье: программа Военной академии Генерального штаба никуда не годится для подготовки военных кадров. И вот я позволю себе ответить на все три вопроса последовательно.

Прежде всего, Александра Ивановича мне характеризовал его учитель генерал-майор Хуца (?) Николай Александрович. Помните, наверное? Он характеризовал генерала Владимирова как яркую личность. Действительно он учился прекрасно, отлично. И действительно занимает

пост, которого он достоин. Однако я хотел бы спросить. Вот он вчера сказал, что он получил прекрасное образование. Он где это образование получил? На Луне? Он его получил в нашей советской, российской военной школе, получая обучение от суворовца до Военной академии Генерального штаба. Да, система образования, в том числе и наша, имеет свои недостатки. Но стоит ли ее вот так коренным образом менять?

Представьте себе: вы живете в прекрасно кирпичном доме под черепицей на три спальни, столовая, гостиная, гараж. Лет через десять вам этот дом стал тесен. Ну, сломали вы его. Что можно построить из материала, который получится после слома дома, если в него не вкладывать ни одного цента и ни одной копейки? Ну, максимум — точно такой же дом. Ну, может быть, с другой планировкой. А через три перестройки вы можете остаться перед грудой кирпича, черепицы и стекла. Так вот, мне хотелось бы просто сказать: если система образования действует, ломать ее абсолютно не надо. Ее нужно совершенствовать.

А теперь — каким образом совершенствовать касательной Военной академии Генерального штаба. Да, наверное, правильно Александр Иванович говорит о том, что мы, наверно, мало готовим государственных служащих. Но у нас есть заказ, заказ от Генерального штаба готовить не президентов, не советников президентов и даже не губернаторов. Мы готовим общевойсковых и видовых командующих, командиров. Вот наша задача. У нас есть высшие курсы, которые готовят, и дают знания, по государственной тематике — приходите, учите. Третий этап после нашей академии — военнослужащие идут в Российскую академию государственной службы, где получают навыки и знания по управлению государственными образованиями. Давайте рассуждать таким образом: измените госзаказ — мы можем, наверное, обучать и другому. Будем обучать. Но сегодня и сейчас мы вот так вот и учим. Да, Александр Иванович прав: к сожалению, программы наши несут очень во многом характер еще с Великой отечественной войны, то есть, старый характер. Но для этого необязательно совмещать Военную академию Генерального штаба с Российской академией госслужбы. Нужно приехать, Александр Иванович, и сесть с нами, разобраться, внести изменения в нашу программу. Это раз. А во-вторых, подобрать кадры, которые могли бы преподавать по-новому.

В заключение, если позволите, небольшие выводы. Прежде всего: совместное обучение — это не чья-то прихоть, это объективная реальность, и ею надо заниматься. Во-вторых, система российского образования не так уж плоха. Ее нужно совершенствовать, но процесс совершенствования, как говорят у нас, у операторов, как говорят, границ не имеет. Это бесконечный процесс. Ну, а что касается сегодняшнего семинара, я прямо должен сказать: он полезен, но это не означает, что мы должны взять модель образования американскую и перенести ее себе, на Россию. Или чтобы вы взяли нашу модель и перенесли себе в Америку. Конечно же, нет. Но вот это новое, самое лучшее, что есть у вас, что есть у нас, можно ввести или внести в систему образования своих стран. Я, например, услышал несколько мыслей, которые буду докладывать нашему начальнику академии, и мы постараемся в новую программу, которую сейчас формируем, внести все доброе и хорошее, что сказано нашими американскими коллегами. Спасибо за внимание.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо, Виктор Александрович. Пожалуйста, Константин Михайлович Долгов.

К.ДОЛГОВ — Спасибо большое. Мы люди не военные, вот здесь проректор нашей академии. Но мы провели два таких семинара на базе нашей академии в свое время. Поэтому мы как-то приобщились к военной науке и в общем не теряем связи. Я хотел бы сказать очень кратко о некоторых проблемах, которыми мы занимаемся в известной степени и которые, я думаю, могут быть пригодными и для военного образования. Вообще образование — это субстанция любого общества. Это как раз та сфера, куда можно вкладывать любые инвестиции, и они дадут тысячные или миллионные проценты дохода. Образование — это все. Поэтому военные и поставили этот вопрос на этом семинаре — военное образование. Потому что, если

правильно поставлено военное образование, армия будет абсолютно боеспособной, и не только боеспособной, но она будет самым стабилизирующим фактором данного общества и данного государства. Это совершенно естественно.

Я напомню один момент. В свое время царь Филипп в Греции написал письмо Аристотелю, в котором он писал буквально следующее: дорогой, уважаемый, я счастлив как царь, что я живу в то время, когда ты живешь. Я живу тогда, когда ты творишь. Я живу тогда, когда ты обучаешь других людей. И я тебя просил бы, всеми силами, как только можно — возьми моего сына Александра к себе в ученики. И он взял Александра к себе в ученики. И вы знаете — Александр Македонский. Вот что такое учитель. Вот что такое воспитатель настоящий. Это первое.

Второй момент. В Древней Греции образование было поставлено таким образом, особенно гуманитарный блок, как мы его называем, который назывался как «пайдейя». Здесь нет доски, я бы написал на древнегреческом. Пайдейя — это образование воспитания. А что значит образование воспитания? Образование воспитания — это такое образование, которое дает знания в различных сферах, в том числе, конечно, и военной, которое восходит к корням терминов, понятий, знаний и, вообще говоря, всех отношений, которые существуют в обществе. Вот когда образование поставлено таким образом, происходит очень серьезное воспитание личности человека. Личности как гражданина, личности как государственного деятеля, мыслящего по-государственному. И так далее, и так далее.

В этом смысле, конечно, нам надо очень серьезно задуматься над всем образованием, не только над военным, а над всем образованием и над теми реформами, которые все время трясут и ломают наше общество. Я считаю перестройку Горбачева, реформы Ельцина по существу преступными по своей сущности, потому что были развалены все сферы народного хозяйства, все сферы, в том числе и военная. Мне было стыдно, когда выступал Ельцин по телевидению и говорил: вот там эти боевики, а у нас 49 снайперов. И вот куда боевик — туда глазами и снайпер... Это главнокомандующий говорит такие вещи! Это что такое? Я уже не говорю о том, что все эти главнокомандующие и все эти люди, которые возглавляли, которые проводили, которые возглавляли наше государство — они не могут связать двух слов на русском языке, на родном своем языке. Это что такое? О чем идет речь? Если плохой язык — плохая логика, плохое мышление. Ну как, что можно ждать от такого человека? Когда у него нет ни мышления, ни языка, ничего абсолютно, никакой культуры. Вот здесь говорили о культуре, я сейчас перейду к этому. Вот о чем идет речь. Поэтому, мне кажется, мы не должны забывать, что военная мысль, она в концентрированном виде выражает все достижения того или иного государства. Все достижения во всех сферах. И мы не должны забывать, что вот это как раз, то есть, во всех сферах, а это и есть как раз культура.

Из чего состоит культура? Это язык, это религия, это философия, это наука, это политика, право и так далее. Вот что это такое. Я говорю о духовной культуре. Часто приводят такое высказывание: если ты хочешь, чтобы человек правильно стрелял, метко стрелял и вообще хорошо воевал, ты научи его любить человека, любить людей. А что может человека научить любить людей? Только вот этот весь гуманитарный блок, который с детства, с молоком матери воспитывает человеческую личность. У нас плохо образование поставлено в школе, тоже неважно, не совсем хорошо поставлено в вузах и, конечно, еще хуже поставлено в высших эшелонах власти. Потому что эти люди абсолютно не готовы к тому, чтобы руководить вооруженными силами.

Я могу только привести такой пример. Почему президенты и прочие главнокомандующие... Да для этого надо, когда царь был главнокомандующим, этого царя воспитывали с детства самые лучшие мыслители России, много лет. Я приведу пример — Чичерин Борис Николаевич. Не Ельцин, а Чичерин в девятнадцатом веке, он воспитывал целый ряд царей, цесаревичей; Жуковский и другие. Готовили человека к управлению войсками всю жизнь. Вот о чем должна идти речь. Тогда это действительно главнокомандующий.

Офицерский корпус — это элита во всех отношениях. Это были самые образованные, самые культурные, самые дисциплинированные, самые патриотически настроенные люди. И поэтому

они были образцом и примером во всех сферах. Они были писателями и поэтами, учеными и так далее. То есть, это была элита в полном смысле нашего общества. Почему мы сейчас это все утратили? Во всяком случае, очень многое утратили из этого. Почему нам не задуматься над этим, чтоб восстановить. Я понимаю, здесь говорили о материальных вещах.

Да, американцы тратят на науку 85 миллиардов долларов в год. Это три или четыре бюджета России вообще. Мы не можем сейчас такие деньги тратить на науку. А на образование американцы тратят еще больше. Я понимаю, что мы сейчас не имеем такого. Но мы имеем еще не совсем вымершее племя настоящих патриотов, преподавателей, и военных, и гражданских, которые еще представляют собой в определенной степени элиту нашего общества, которая способна воспитывать на самом высоком уровне. И в школах, и в вузах, и в послевузовском образовании. Но надо как-то правительству задуматься над этим. Надо задуматься политическому руководству над тем, что образование — это суть всего и вся.

И еще один момент. Конечно, мы всегда жили и живем в состоянии войны и мира. Вот когда испохабили русский язык, кстати, вот в сегодняшних «Известиях» сказано, что это Ленин сделал, большевики. Нет, эта реформа была предпринята временным правительством. Был такой министр Мануйлов и так далее. Они сделали эту реформу. Большевики потом подтвердили это. А это вовсе не большевики. Так вот, как только убрали все эти «ижицы», «яти» и так далее, теперь мы не можем понять — о каком мире идет речь: то ли о мире как Вселенной, то ли о мире, который мир без войны, то ли еще что-то. Язык стал изуродованный. Сейчас хотят еще больше изуродовать язык. Вот сейчас реформа готовится.

Я боюсь, что, когда мы предпринимаем военную реформу, чтобы мы не последовали за теми реформами, которые у нас были в области экономики, которые изуродовали страну, в других областях, в том числе в области языка и в области культуры. Мне кажется, военная мысль, военное образование должны впитать в себя все самое лучшее, что было достигнуто за тысячелетия российского государства.

И последнее. Здесь говорили о Хантинктоне. Хантинктон — это ученик Питирима Сорокина, который уехал из России и стал великим американским социологом мирового значения. И он как раз говорил, что все эти гитлеры, муссолини, рузвельты и так далее, все эти люди — это марионетки. Марионетки того процесса, который происходит при смене культур — и идеоцентричной, и чувственной, и так далее, и идеальной. И когда эти культуры меняются, выплывают вот эти люди. И нам надо понимать, что культура первичнее всего, она первичнее государства, она первичнее всяких институтов, она первичнее всего. Поэтому нам надо это все, все наши реформы, в том числе и военную реформу, поставить на основу самой широкой, самой глубокой, самой утонченной культуры. Только тогда мы можем добиться каких-то результатов. Спасибо.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо. Какие еще будут комментарии, вопросы?

И.КРАВЧЕНКО — Доктор Кравченко Игорь Николаевич, директор Центра американских и атлантических исследований Министерства иностранных дел. У меня вопрос к капитану Туну. Не могли бы вы развить и дополнить свой замечательный доклад некоторыми соображениями относительно перспектив дистанционного обучения. Методы современного обучения постоянно совершенствуются, и в свете новых коммуникационных возможностей во всем мире получают распространение и набирают силу методы дистанционного обучения. В свете вашего доклада. Что можно было бы упомянуть в этой связи? Благодарю вас.

Дж.ТУН — Большое спасибо за этот вопрос. В своей реальной жизни, в своем колледже я отвечаю за информационные технологии, за внедрение их в учебный процесс. И вот это дистанционное обучение также входит в круг моих обязанностей. Мы пока еще не осуществляем, хотя разрабатываем определенный потенциал, нарабатываем возможности.

Трое из моих коллег, по крайней мере, из Генерального штаба, посещали наше учебное заведение, знакомились с методами дистанционного обучения. Я думаю, что дистанционное открывает огромные возможности. Но не только для того, чтобы получить более широкую аудиторию слушателей, студентов, не только для того, чтобы готовить больше офицеров, но также это огромная возможность для того, чтобы получать знания, получать какой-то опыт из тех источников, которые мы не можем иметь в нашем учебном заведении.

Буквально в последние дни мне пришла в голову такая мысль, что было бы хорошо, наверное, если бы один или более докладчиков, которые здесь выступали, другие участники нашего семинара могли бы провести такую видеоконференцию с нашим штабным колледжем вооруженных сил. Допустим, там могли бы участвовать адъюнкты, господин полковник Копылов. Кто на прошлой неделе в наш колледж приезжал? На прошлой неделе у нас был генерал запаса, который участвовал у нас в семинаре. И очень было бы хорошо, если бы мы использовали возможность видеоконференции. То есть, мы могли бы обеспечить связь между нашим колледжем и еще... Вот если бы мы такой семинар проводили, если бы он проходил в условиях видеоконференции с тем, чтобы в нашем колледже могли бы наблюдать его — вот мой ответ на возможности и перспектив дистанционного обучения.

Единственное, что меня беспокоит, — это то, что это очень дорогостоящая вещь. То есть, необходимо, допустим, составлять материалы по соответствующим стандартам. В США час таких материалов стоит от 17 до 22 тысяч долларов. С тем, чтобы создать вот эти материалы на час работы в таком режиме. Хотя, с другой стороны, конечно, вещь очень интересная. Поэтому здесь надо с достаточной осторожностью подходить к вопросам дистанционного обучения. Но в любом случае выигрыш от такого метода для наших обеих стран был бы колоссальный. Мы бы гораздо больше могли узнать друг о друге. Спасибо.

П.ЗОЛОТАРЕВ — За такие деньги на 24 часа приготовят материалы. Какие еще будут вопросы?

О.БЕЛОСЛУДЦЕВ — Полковник Белослудцев, Институт военной истории. Два вопроса генерал-полковнику Золотову. Уважаемый Леонид Сергеевич, как изменились структура и направленность программы обучения слушателей после перехода с трех на двухлетний период обучения в военной академии? И второй вопрос: с учетом грядущей очередной оптимизации системы военного образования считаете ли вы целесообразным иметь в виде вооруженных сил единственное учебное заведение, дающее высшее военное образование?

Л.ЗОЛОТОВ — К сожалению, переход от трехгодичного на двухгодичный срок обучения был произведен чисто механически, путем исключения целых разделов из программ. Например, форсирование водных преград — наверное, все здесь сидящие или большинство представляют глубину этой темы. Оставили несколько часов, которые дают самое примитивное представление. Если раньше при обучении была задача на эту тему, то сейчас этого ничего нет. Вот в чем заключалась сущность перехода с трехгодичной на двухгодичную программу. Причем, это совпало с тем, что слушатели сейчас стали поступать — выпускники училищ конца 80-х — начала 90-х годов, которые получали образование в той системе, из которой здесь товарищ выступал, из Дипломатической академии. И сейчас на вопрос, стоя перед шестьюстами слушателей, где же суворовцы, где же отличники, где выпускники училищ с отличием, мне из строя дружно отвечают, что они через два-три года все оставляют военные училища. Плюс разрушена полностью система командирской подготовки в войсках. И вот на эту почву было принято очередное решение — это переход на двухгодичный срок. И, конечно же, положительного в этом ничего нет. Если в совокупности все рассматривать, может быть, лет двадцать-двадцать пять назад этот переход на двухгодичный срок не вызвал бы такого положения, а сейчас, когда в совокупности сошлись такие факторы в одну точку, в академию сошлись, мы, конечно, испытываем большие трудности.

И второй вопрос. В виде вооруженных сил иметь одну академию, дающую высшее образование. В принципе можно это сделать, иметь одну академию, дающую высшее военное образование. Весь вопрос — как это все сделать. Если так же, как переход на двухгодичный срок обучения, то мы получим тот же результат. А если это продумать, посмотреть, как это сделать, на какой основе... Я понимаю, речь идет о той проблеме, чтобы объединить высшие учебные заведения. Например, вот обсуждался вопрос: общевойсковую академию, инженерную академию, химическую академию и другие — целый ряд академий. Мы не можем учить офицеров учить войск химической, радиационной и биологической защиты или офицеров инженерных войск. Механически закрыть эти академии, а офицеров построить и привести к нам, посадить за парты. Мы, конечно, эту работу не сможем делать. Но если подойти к вопросу, что эти академии на правах факультетов остаются существовать в составе какого-то видового высшего военного учебного заведения, может быть, и стоит обсуждать этот вопрос. Благодарю за внимание.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Еще какие вопросы будут? Комментарии? Реплика? Пожалуйста, Александр Иванович.

А.ВАДИМИРОВ — Я крайне благодарен делегации Академии Генерального штаба за то большое внимание, уделенное моей скромной персоне, но надо точно цитировать. Я сказал, что я всегда считал, что имею блестящее образование. Но не значит, что я его имел. И я хочу отослать его на день назад, когда я сказал, что я всегда считал, что я блестящее образование получил. И только когда начал заниматься серьезной политикой, когда начал заниматься серьезно проблемами реформирования вооруженных сил, вообще национальной безопасностью, понял, что я ничего не знаю. К сожалению, я сейчас под этими словами подписываюсь. Наше образование не дает образования. И то, что я получил, и чем сейчас обладаю, — это в основном самообразование, которое, конечно, не на пустом месте возникло — это все, конечно, на том фундаменте, который Родина заложила в меня при моих небольших усилиях. Но, тем не менее, это правда.

У нас не учат мыслить самостоятельно. Ни одна академия. За это оценок не ставят, и никаким другим путем. И когда идет очередная задача какая-нибудь или летучка, и если там появляется решение отличное от учебника, вы сами знаете, что это вызывает особую радость кафедр, поскольку им есть о чем говорить. И когда появляется нестандартное решение, — это всегда праздник. Их появляется, по-моему, все меньше и меньше.

Теперь в отношении военной реформы. Вот вы сказали, что военная реформа идет. Кто вам сказал, что она идет, эта реформа военная? Поскольку мы еще не знаем, что это такое на уровне нашего высшего военного государственного руководства, путаемся в терминах, и просто не имеем никакого плана этого, поэтому всё, что сейчас делается с нашим военным профессиональным образованием, — это тоже те потуги, которые еще надо будет выстраивать во что-то стройное. Конечно, ломать ничего не надо — бессмысленное дело. Хотя, на мой взгляд, существующая военная система просто не подлежит реформированию никакому. Её нужно просто медленно эволюционно заменять.

Товарищ Петр I, на которого ссылаются как на родоначальника высшего военного профессионального образования, в свое время начал менять военную систему государства с потешных полков, если вы помните. А потом раз-раз — и внезапно появилась другая военная система государства, которая просто заменила собой всё, что было до этого, и стала победоносная армия. И я считаю, что это тоже путь, по которому мы в принципе можем идти. Не все сделается сразу. Денег, конечно, стоит. Это отдельная песня. Но начинать надо, как правильно отметил профессор и представитель Академии им. Фрунзе, с образования, потому что только там генетика закладывается.

Кто-то из вас здесь говорил, что идеологии, психологии и т.д. чего-то нет. Нет идеологии, поскольку этой идеологией военной государственной службы никто не занимается. Вот и

займитесь на своих кафедрах гуманитарных предметов, разработайте свои подходы к этому делу. Это все можно делать. И это, главное, не стоит больших денег. Это нужно сформулировать задачу. Эту задачу никто не сформулирует из того высшего командного состава, который сейчас нами всеми и государством руководит. Надо образовывать и их. Их образовывать можно только когда они хотят слушать. А это тоже отдельная песня.

Я хочу сказать спасибо нашим американским участникам, поскольку они волей-неволей подняли вопрос о правовом статусе, правовых аспектах реформы вашего военного образования. И вообще военной реформы. К сожалению, тоже никто об этом не сказал, у нас абсолютное пепелище. Во-первых, с американской помощью — мирового права любого, во-вторых, с нашей общей помощью — нашего военного права: ни какого-то военного кодекса нет, ни свода, ни хрестоматии военного права тоже никакого нет. Все усыпано ведомственными положениями, инструкциями и так далее. И вот одна из тех задач, которую мы сформулируем перед собой в области военной реформы, заключается в создании этого правового поля, в создании той правовой базы, на которой бы основывалась эта реформа. И в этом плане ваш закон Голдуотера-Николса был бы очень кстати для ознакомления. Если у вас такая возможность есть, нам в каком-то виде это дело предоставить, скажем, моей коллегии и так далее, мы были бы вам очень признательны хотя бы за это. Спасибо.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо, Александр Иванович. Насколько я понял, закон уже у Виталия Васильевича лежит. Я хотел буквально пару слов сказать в поддержку Александра Ивановича, чтобы действительно внести ясность. Когда речь идет о военной реформе, у нас ни в одном официальном документе задача проведения военной реформы не ставилась. Это только говорят журналисты и иногда политики, в том числе руководители высокого ранга, когда они не знают, о чем они говорят. В этих документах вполне сознательно отсутствует задача осуществления военной реформы и реформы вооруженных сил, потому что прекрасно понимают, что на это нужны средства. Идет у нас просто процесс выживания, сокращение ради выживания, какие-то эволюционные изменения пытаются делать, и то, может быть, не самые лучшие: кого-то объединить, потом опять разъединить, потом опять и так далее...

Еще какие вопросы есть? Пожалуйста.

- Я подполковник Том Рэли, помощника атташе по делам сухопутных сил при посольстве США здесь, в Москве. Уже здесь на службе полтора года и надеюсь, что еще полтора я буду здесь у вас. Сначала я хочу сейчас поблагодарить генерала Золотова Леонида Сергеевича за возможность наблюдать тренировку неделю назад, когда мы были с ним в Солнечногорске. Это было нам очень интересно, мягко говоря, видеть эту тренировку и поговорить с вашими офицерами, которые преподают в академии. И мы надеемся, что у вас будет еще возможность побывать у вас в скором будущем.

Уважаемые офицеры, уважаемые профессора, разрешите мне, пожалуйста, сказать несколько слов о профессиональном военном образовании. Я думаю, что это полезно, потому что я и мои коллеги, как я сказал, постоянно здесь. И в обязанности военных атташе входит помогать выполнять планы контактов между нашими вооруженными силами. И будет в этом году и в будущем контакты между нашими институтами. Сущность моих замечаний следующая. Чем больше мы друг другу говорим, офицер — офицеру, профессор — профессору, тем лучше мы будем понимать друг друга и, может быть, это более важно, тем меньше возможность непонимания между ними.

Первое замечание. Открытость. Я за открытость. Я знаю, что вы сейчас думаете, что не бывает военного атташе, который не за закрытость. Это шутка. Но, серьезно говоря, по-моему, есть противоречия между секретностью и образованием. У нас часть программы, которая секретная, очень мала, наверное, меньше 2-3 процентов, и, по-моему, это так и должно быть. Более того, в этих колледжах иностранные офицеры учатся вместе с американцами каждый день. Так и должно быть. Но в будущем будут американские офицеры в ваших военных

институтах. Я в этом уверен, будут. И, по-моему, чем раньше, тем лучше. Мы надеемся, я лично надеюсь, что когда это произойдет, эти офицеры будут учиться вместе с русскими офицерами, потому что самый лучший урок, самый лучший опят, самые лучшие занятия был, есть и будет в возможности офицеров говорить друг с другом.

Второе, и последнее замечание. Я сам был раньше преподавателем, мне так стыдно говорить, но я был преподавателем русского языка в нашей академии ВВС США. Стыдно не потому, что я был преподавателем, а потому что я еще не могу чисто, грамотно, свободно говорить по-русски, как я надеюсь. Но когда я был там, в академии, было так интересно, когда была делегация от России, делегация офицеров, когда они нанесли маленький неформальный визит на занятия, только болтать, говорить с курсантами. Честно говоря, очень интересно было моим курсантам. Я хотел бы только сказать, что я и мои коллеги, атташе, готовы в любое время нанести такой же маленький неформальный визит вам, поговорить с вашими офицерами или вашими курсантами о нашей жизни. Это будет только маленький урок английского языка. И, надо сказать, я неплохо говорю по-английски. Если есть такая возможность, я лично буду очень рад это сделать. Я думаю, что будет хорошо и интересно нам, и хорошо и интересно вам, и вашим курсантам. Спасибо за внимание. Я ожидаю, что после этого моего маленького выступления появится новый вариант шутки генерала Монтгомери, где попали в плен генерал, водитель и помощник атташе. Спасибо.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Будут ли еще какие-нибудь вопросы?

Ю.БЫСТРОВ — Уважаемые коллеги, из докладов господина Туна и генерала Золотарева я понял, что российская система совместного обучения мало чем отличается от американской системы совместного обучения. Но американская система обучения дает удивительно высокую военную подготовку и удивительное прохождение службы. В 1989 году я неделю работал в Пентагоне в качестве главы советской военной делегации по соглашению по предотвращению инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним. Моим коллегой был заместитель начальника главного штаба военно-морских сил Соединенных Штатов Америки адмирал Чарльз Ларсен. Вот этот адмирал прошел такую воинскую службу. Начал он служить офицером летчиком, пилотом корабельной авиации на авианосце. Затем он стал старшим помощником командира атомной подводной лодки, советником президента, командующим авианосца, заместителем начальника главного штаба Военно-морских сил, командующим Тихоокеанским флотом. И закончил службу начальником Военно-морской академии. Вы представляете. Вот эта подготовка дает такое невероятное, удивительное прохождение службы. Нам бы этому поучиться, и так людей готовить, чтоб он был и командиром атомной подводной лодки, он командовал подводной лодкой «Холибат», потом авианосцем, потом (?). Это было бы очень здорово. Спасибо за внимание.

- Спасибо. Я могу ответить. Это у нас так получается, потому что в академии Генштаба существует методика, когда пехота за моряка, летчик за этого, а высшие должности, от которых зависит эта вся система, занимают выпускники академии Генштаба. А когда он вспомнит муки, которые он испытывал, будучи летчиком на КШУ... Поэтому это не получается ничего. Конечно, шутка.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Я думаю, что мы уже добрались до финишной черты. Позвольте мне предоставить слово генералу Монтгомери.

Т.МОНТГОМЕРИ — Большое спасибо, дамы и господа. Я хочу воспользоваться этой возможность и коротенько подвести итоги. Прежде всего, большое спасибо от имени Центра военно-гражданских отношений за нашу совместную работу. Мы с удовольствием заслушали

ваши сообщения и доклады по тематике, которую мы обсуждали. И, безусловно, мы надеемся, что наши выступления принесли какую-то пользу для вас. Мы искренне заинтересованы в том, что те проблемы, которые стоят перед вашими вооруженными силами, которые мы обсуждали и обсуждаем сегодня, действительно вы извлечете соответствующий урок ...

...в международном плане такую роль, я надеюсь, будете играть, будет играть Россия в 21 веке. Я думаю, что при разработке требований, предъявляемых к развитию вооруженных сил мы, безусловно, будем заимствовать знания исторического опыта. Я желаю вам всего наилучшего.

Что касается Центра военно-гражданских отношений и аспирантской школы, которую я представляю, если какие-нибудь будут семинары, мы с удовольствием примем любое приглашение с вашей стороны. Мы с огромным интересом принимали участие во всех мероприятиях, которые для нас планировали здесь, в Москве. Мы со многими из вас говорили на высоком профессиональном уровне. Еще раз спасибо за приглашение и за ту теплоту, которую вы нам оказали. Всего наилучшего.

П.ЗОЛОТАРЕВ — Спасибо. Позвольте мне также поблагодарить еще раз Центр военно-гражданских отношений, Совет по внешней и оборонной политике, которые эту конференцию организовали и провели, поблагодарить всех участников за взаимное терпение. Я полагаю, что каждый из здесь присутствующих приобрел определенные не только знания, но и подвижки в сознании в нужном направлении. Позвольте мне от всех вас поблагодарить переводчиков, которые позволили нам друг друга понимать по всем самым сложным вопросам. А у нас прекрасные переводчики были. И в завершение напомнить, что Александр Анатольевич Белкин сейчас завершающую фразу скажет сам.

А.БЕЛКИН — Уважаемые коллеги, от лица российских организаторов этого мероприятия благодарю всех вас за участие и надеюсь, что здесь вы находились не столько по долгу службы, сколько по призванию, жажде той самой, которая толкает каждого человека к познанию. Я хотел бы обратиться ко всем вам с просьбой, ко всем тем, кто выступал, кто хотел выступать, кто мысленно принимал участие в дискуссии. Вы, наверное, обратили внимание, вчера у нас при регистрации лежали книжки, которые были изданы по следам предшествующих конференций. Кстати, справедливости ради нужно отметить, что история этих встреч идет не с 1998 года, как Совет первый семинар проводил, а чуть раньше, когда с Центром гражданско-военных отношений сотрудничала Дипломатическая Академия МИД России. И по следам тех двух семинаров были изданы два сборника.

Наш предыдущий семинар широко освещался в «Независимом военном обозрении», и мы посчитали достаточным тот объем освещения, который там прошел. Сейчас мы планируем издать сборник по результатам этого семинара. Если получится набрать достаточный объем материалов. Сами понимаете, что американская сторона своими докладами будет представлена в этом сборнике. Теперь очередь за нами. У нас есть выступления четырех российских докладчиков. Большая просьба ко всем выступавшим, кто хочет, чтобы материалы были помещены в этом сборнике, обратите внимание на письма, которые мы рассылали. Там есть наши координаты, координаты Совета. Если у кого-то их нет, подойдите, пожалуйста, ко мне, я вам дам эти координаты, куда нужно прислать, по электронной почте или же пешим порядком, или любым другим способом. Объем 3-5 страниц. Будем глубоко признательны, если эти материалы будут у вас в электронном виде.

А сейчас, через полчаса, в течение которых мы еще можем неформально пообщаться, всех вас приглашаю вниз, на то место, с которого мы начинали наш семинар. Еще раз большое спасибо всем вам.